

16+

ISSN 2618-8775

ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2

2023

Журнал включен
Высшей аттестационной комиссией
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

АРМАВИР

16+

ISSN 2618-8775

BULLETIN
OF ARMAVIR STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY

№ 2

2023

**The magazine is inscribed
by the Higher Certifying Commission
on the index of leading reviewing
scientific periodicals for publications
of main dissertation research results
for competition of academic degree
of Doctor and Candidate of Science**

ARMAVIR

**ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 2

2023

Главный редактор

Галустов Амбарцум Робертович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Заместитель главного редактора

Ветров Юрий Павлович, доктор педагогических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской, инновационной и международной деятельности ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия

Бакланов Игорь Спартакович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Везиров Тимур Гаджиевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Галустов Роберт Амбарцумович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Говердовская Елена Валентиновна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин и биоэтики Пятигорского медико-фармацевтического института-филиала ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет Минздрава России»

Дударев Сергей Леонидович, доктор исторических наук, профессор, член Русского географического общества

Дьякова Елена Анатольевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Елисеев Владимир Константинович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, педагогики и специального образования Института психологии и образования ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Зеленко Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой технологии и дизайна ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»

Изропуло Ирина Федоровна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры педагогики и психологии профессионального образования ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Клычников Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Коваленко Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики профессионального образования ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, кандидат биологических наук, доцент, профессор кафедры начального и дошкольного образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова»

«ВЕСТНИК
АРМАВИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА»

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

2023 г.

№ 2

*Выходит
4 раза в год
г. Армавир
Краснодарский
край*

**УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО
«Армави́рский
государственный
педагогический
университет»**

Web site:
<http://vestnik.agpu.net/>
E-mail:
vagpu@mail.ru

Свидетельство
о регистрации
средства массовой
информации
ПИ № ФС 77-72831
от 17 мая 2018 года

УДК 378
ББК 74.58
В 38

ISSN 2618-8775

© Авторы статей

Котлярова Виктория Валентиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Лукаш Сергей Николаевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Матвеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Панарин Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Панарина Елена Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пелих Алексей Леонидович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Положенкова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Понарина Наталья Николаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Похилько Александр Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Приймак Юрий Владимирович, доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Пчелина Ольга Викторовна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Родионова Валентина Ивановна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Руденко Андрей Михайлович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Социально-гуманитарные дисциплины» Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области

Стирина Валентина Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Тер-Аракельянц Владимир Аракелович, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой православной культуры и теологии ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Тринитатская Ольга Гавриловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой управления образованием ГБУ ДПО РО «Ростовский институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования»

Федоровский Александр Петрович, доктор философских наук, профессор, проректор по науке и связям с общественностью АНО «Северо-Кавказский социальный институт»

Шнайдер Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Международные члены редакционной коллегии

Согоян Спартак Сергеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и информационных технологий Ширакского государственного университета имени М. Налбандяна, Армения

Ответственные редакторы

Гладченко Виктория Евгеньевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и технологий дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Лоба Всеволод Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, права и социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

Технический редактор

Зданевич Лилия Владиславовна, редактор редакционно-издательского отдела ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гурина Т.А., Дьякова Е.А., Холодова С.Н. Проблемная технология в подготовке учителя физики и ее возможности при изучении раздела «Электродинамика»	9
Комарова Э.П., Махина Н.С., Корнеева М.А. Психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития будущих педагогов в образовательном процессе вуза	16
Лобанов И.А., Лукаш С.Н. Педагогические условия саморазвития офицерского состава ВКС России	22
Лукаш С.Н., Концевич И.В., Эпоева К.В. Педагогика казачества в постсовременном образовательном пространстве (научно-педагогический обзор)	30
Паленый А.В. Экспериментальное исследование эффективности реализации ментально-личностного подхода в обучении иностранных военных специалистов физико-техническим дисциплинам	41
Хабльева С.Р. Практический опыт формирования у студентов с ОВЗ и инвалидностью навыков работы с ИКТ	51
Шайхутдинов Т.Ф., Терентьев А.Г., Ахметзянов В.Г., Абрамова Н.Н. Актуальность социального компонента архитектуры в деятельности Баухауса	58
Шаповалов И.В., Храмова М.В. О роли средств массовой информации в воспитании сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации	68

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бычков Г.Н. Основные этапы и проблемы строительства Туапсинского порта Армавир-Туапсинской железной дороги	75
Бычков Г.Н. Памятник русской инженерной мысли: история моста Армавир-Туапсинской железной дороги через реку Уруп	87
Гранкин Ю.Ю. Частные сюжеты жандармского надзора как отражение системы повседневной реализации рекрутской повинности в Российской империи (первая половина XIX века)	96

Григорян М.Р.	
Кавказ в системе органов государственной власти Российской империи во второй половине XIX века	103
Ивлев В.А., Шнайдер В.Г.	
Развитие системы лечебно-профилактических учреждений города Армавира в 1920–1930-е гг.	111
Коваль К.С., Пармонова А.А.	
Девница-ученица и женщина-учитель: образование в России в конце XIX – начале XX веков	119
Козлов С.С.	
Крымские армяне в переселенческих процессах XVIII – начала XIX вв.	131
Кувшинов А.Н.	
«Признав своё заблуждение и приняв жизнь спокойную»: переговорные практики в российской политике на Северном Кавказе в начале XIX века	144
Матвеев В.А.	
«...Искоренить... так, чтобы и имя русское не упоминалось»: опыт предотвращения угрозы изменения восточнославянской идентичности в Западном крае в начале XX в.	156
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
Куприянова В.В.	
Дилемма коллективизма и индивидуализма в спортивных играх	167
Папонов С.В., Данилов А.А.	
Трансформация традиционных политических ценностей в российском обществе	174
Пчелина О.В.	
Восток – Запад – Россия как типы духовности: социокультурные интерпретации проблемы	180
Теняков А.В.	
Социокультурный механизм взаимосвязи традиции и инновации	186
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	192
ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО для авторов журнала «Вестник Армавирского государственного педагогического университета»	198

CONTENTS

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Gurina T.A., Dyakova E.A., Kholodova S.N.</i> Problematic Technology in the Preparation of a Physics Teacher and Its Possibilities in the Study of the Section "Electrodynamics"	9
<i>Komarova E.P., Mahina N.S., Korneeva M.A.</i> Psychological and Pedagogical Support of Professional and Personal Development of Future Teachers in the Educational Process of the University	16
<i>Lobanov I.A., Lukash S.N.</i> Pedagogical Conditions of Self-Development of the Officers of the Russian Aerospace Forces	22
<i>Lukash S.N., Kontsevich I.V., Epoeva K.V.</i> Pedagogy of the Cossacks in the Post-Modern Educational Space (Scientific and Pedagogical Review)	30
<i>Palenyi A.V.</i> Experimental Study of the Effectiveness of the Implementation of the Mental-Personal Approach in the Training of Foreign Military Specialists in Physical and Technical Disciplines	41
<i>Khablieva S.R.</i> Practical Experience in the Formation of ICT Skills Among Students With Disabilities	51
<i>Shaikhutdinov T.F., Terentiev A.G., Akhmetzyanov V.G., Abramova N.N.</i> The Relevance of the Social Component of Architecture in the Activities of Bauhaus	58
<i>Shapovalov I.V., Khramova M.V.</i> On the Role of Mass Media in the Education of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation	68

HISTORICAL SCIENCES

<i>Bychkov G.N.</i> The Main Stages and Problems of the Construction of the Tuapse Port of the Armavir-Tuapse Railway	75
<i>Bychkov G.N.</i> Monument of Russian Engineering Thought: the History of the Armavir-Tuapse Railway Bridge Over the Urup River	87
<i>Grankin Yu.Yu.</i> Private Stories of Gendarme Supervision as a Reflection of the System of Daily Implementation of Recruits in the Russian Empire (First Half of the XIX Century)	96

Grigoryan M.R.	
The Caucasus in the System of Public Authorities of the Russian Empire in the Second Half of the XIX Century	103
Ivlev V.A., Schneider V.G.	
Development of the System of Medical and Preventive Institutions in the City of Armavir in the 1920s–1930s	111
Koval K.S., Paramonova A.A.	
A Girl Student and a Female Teacher: Education in Russia in the Late XIX – Early XX Centuries	119
Kozlov S.S.	
Crimean Armenians in Migration Processes of the XVIII – Early XIX Centuries	131
Kuvshinov A.N.	
"Having Been Affordable and Accepting a Quiet Life": Negotiation Practices in Russian Politics in the Northern Caucasus at the Beginning of the 19th Century	144
Matveev V.A.	
"...Eradiate... So That and the Russian Name is Not Mentioned": Experience in the Prevention of the Threats of Change of the Eastern Slavic Identity in the Western Region at the Beginning of the XX Century	156
PHILOSOPHICAL SCIENCES	
Kupriyanova V.V.	
The Dilemma of Collectivism and Individualism in Sports Games	167
Paponov S.V., Danilov A.A.	
Transformation of Traditional Political Values in Russian Society	174
Pchelina O.V.	
East – West – Russia as Types of Spirituality: Sociocultural Interpretations of the Problem	180
Tenyakov A.V.	
Sociocultural Mechanism of the Relationship of Tradition and Innovation	186
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	192
NEWSLETTER to the authors of "THE BULLETIN OF ARMAVIR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"	198

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378.53

ПРОБЛЕМНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ ФИЗИКИ И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РАЗДЕЛА «ЭЛЕКТРОДИНАМИКА»

Т.А. Гурина, Е.А. Дьякова, С.Н. Холодова

PROBLEMATIC TECHNOLOGY IN THE PREPARATION OF A PHYSICS TEACHER AND ITS POSSIBILITIES IN THE STUDY OF THE SECTION "ELECTRODYNAMICS"

T.A. Gurina, E.A. Dyakova, S.N. Kholodova

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения технологии проблемного обучения при формировании предметных знаний обучающихся в педагогическом вузе по разделу «Электродинамика» курса «Общая и экспериментальная физика». Рассмотрены принципы проблемного обучения, предложен алгоритм создания и реализации проблемной ситуации, сформулированы требования к учебным проблемам, отбираемым для реализации в учебном процессе, описаны некоторые способы задания ситуаций. Представлены примеры постановки проблемных ситуаций при изучении раздела «Электродинамика». Материалы апробированы в учебном процессе вуза, могут использоваться в учебном процессе школ.

Abstract. The article discusses the features of the application of problem-based learning technology in the formation of subject knowledge of students at a pedagogical university in the section "Electrodynamics" of the course "General and experimental Physics". The principles of problem-based learning are considered, an algorithm for creating and implementing a problem situation is proposed, requirements for educational problems selected for implementation in the educational process are formulated, some ways of setting situations are described. Examples of problem situations in the study of the Electrodynamics section are presented". The materials have been tested in the educational process of the university, can be used in the educational process of schools.

Ключевые слова: обучение физике, проблемная технология, учебная деятельность обучающихся, алгоритм, требования, предметные образовательные результаты.

Keywords: teaching physics, problem technology, educational activity of students, algorithm, requirements, subject-specific educational results.

Образование в Российской Федерации, являясь частью целостной социальной системы, динамически развивается, поскольку должно соответствовать всем вызовам, которые ему предъявляет современный мир. Существующие проблемы, являющиеся первостепенными на современном этапе, и перспективы

их решения в Год педагога и наставника в полной мере представлены в рамках обсуждения на образовательных форумах. К ним можно отнести, в частности, возрастающий разрыв уровней общего образования и высшего профессионального образования, которое требует серьезной подготовки выпускников школ [1]. В качестве эффективных направлений ее решения можно назвать: внедрение инновационных технологий в обучение; повышение цифровой и функциональной грамотности учителей; рост уровня мотивации обучающихся на всех уровнях образования. В школе для этого делается много: стартовали программы «Точки роста», «Время первых» и т. п., на базе вузов открываются технопарки, кванториумы, чтобы каждый обучающийся смог реализовать себя в выбранной профессии. Они рассчитаны на практическую подготовку обучающихся, но и теоретическая должна стать более фундаментальной, и в ее рамках необходимо организовывать активную деятельность студентов. В полной мере это относится к подготовке учителя физики.

В АГПУ процесс подготовки учителя физики осуществляется с использованием нового цифрового оборудования «Технопарка универсальных педагогических компетенций», в частности, современного лабораторного оборудования, электронных интерактивных досок Smart, предоставляющих возможность прямого выхода в Интернет, применения готовых цифровых ресурсов, использования при записи формул режима работы рукой. Все это способствует формированию профессионально значимых компетенций у обучающихся. Для формирования компетентного, готового к активной педагогической деятельности специалиста применяются различные образовательные технологии: адаптивная, личностно-ориентированная, проблемного обучения, критического мышления, смешанного обучения.

Реализация методов развивающего обучения при рассмотрении центральных положений электродинамики проявляется в развитии необходимых видов мышления, что способствует не только освоению научных знаний, но и формированию мыслительных и творческих способностей обучающихся. Опираясь на опыт, мы выделили технологию проблемного обучения как наиболее эффективную, обеспечивающую активность обучающихся, а также цифровые технологии, способствующие пониманию теоретического материала благодаря возможностям визуализации и моделирования физических процессов.

Принципы проблемного обучения диктуют необходимость такой организации деятельности обучающихся (общее целеполагание, совместная деятельность обучаемых и педагога, наличие противоречия в материале или процессе его освоения) при освоении содержания, чтобы она являлась результатом обнаружения и формулировки проблемы студентами [8]. Кроме того, проблема предъявляется в «нужном» месте (определяемом на основе анализа учебного материала) и виде (проблемный вопрос или познавательная задача, нарушение логических или причинно-следственных связей при обсуждении материала, результаты опыта), стимулирует мыслительные процессы и информационный поиск. Проблема должна вызывать интерес; быть понятной; соответствовать

программному материалу; способствовать развитию навыков реализации самостоятельной поисковой и исследовательской деятельности обучающихся [2; 7].

Изучение курса общей и экспериментальной физики может и должно вносить вклад в формирование методических умений, в частности, компонентов ПК-1 (умеет осуществлять отбор учебного содержания для его реализации в различных формах обучения в соответствии с требованиями ФГОС ОО) и ПК-3 (владеет способами интеграции учебных предметов для организации развивающей учебной деятельности – исследовательской, проектной, групповой и др.) [11]. Именно проблемное обучение позволяет это сделать. Постановка проблем при изучении курса физики в вузе создает основу для постановки проблем при изучении школьного курса физики за счет близкого научного содержания, овладения будущими учителями умениями обнаруживать и решать проблемы [5]. Конечно, сложность «общих» для школы и вуза проблем должна быть невелика (да и не весь вузовский материал представлен в школе).

Рассмотрим потенциал курса общей и экспериментальной физики на примере изучения раздела «Электродинамика».

Основы раздела рассматриваются в курсе физики на старшей ступени школы, там формируются основные понятия и закономерности (без уравнений Максвелла, составляющих ядро фундаментальной теории Классическая электродинамика) [4]. Далее те выпускники школ, которые поступили в педвуз на направления подготовки «Физика» или «Физика и Информатика» изучают этот раздел на более глубоком уровне в рамках общей и теоретической физики.

Остановимся на способах отбора и постановки проблем при изучении курса общей и экспериментальной физики и на деятельности преподавателя при подготовке к их использованию в рамках лекционных и практических занятий. Е.Ю. Никитиной предложен алгоритм создания и реализации проблемной ситуации [7], который мы уточнили и дополнили:

- поисково-аналитический этап – выявление в рамках изучаемой темы учебного материала для создания проблемной ситуации или дополнение его необходимым для этого материалом;
- подготовительно-проектировочный этап – формулирование на основе выявленного в учебном материале противоречия проблемных заданий и вопросов, определение места, способа и средств их представления;
- аналитико-коррекционный этап – определение, каким образом на занятиях организовать выявление причин возникновения противоречия, механизма его появления, формулирование обобщения и практических выводов;
- организационно-реализующий этап – создание на занятии условий для выявления, формулирования проблемы (противоречия), при необходимости сопровождение деятельности студентов – анализа ими ситуации, поиска возможных путей разрешения противоречия, решения проблемы;
- рефлексивно-методологический этап – анализ результативности организованной в рамках проблемного обучения деятельности студентов, выявление возможных ошибок и затруднений, коррекция методической деятельности.

Основная трудность при реализации проблемного обучения – подбор или составление соответствующих задач и проблемных ситуаций для обсуждения. Здесь каждый преподаватель идет своим путем: анализирует материал учебника, ищет проблемы в материалах Интернета, собирает и анализирует затруднения обучающихся при обсуждении конкретных вопросов в историко-методической ретроспективе (в предыдущие годы). Часть того, что раньше просто более подробно пояснялось, теперь может быть сформулировано как учебная проблема.

Обсудим требования к учебным проблемам, рассматриваемым в педагогической части подготовки учителя:

- во-первых, предлагаемая для решения проблема должна быть связана с основным материалом курса и акцентировать внимание обучаемых на важных его аспектах;

- во-вторых, она должна вызывать затруднение, но быть вполне разрешимой студентами самостоятельно в короткий промежуток времени (на сложную на занятии, как правило, времени нет);

- в-третьих, предпочтительнее, если эта проблема может быть перенесена в процесс обучения в школе либо на базовом уровне, либо на углубленном;

- в-четвертых, способы постановки проблемы должны быть разнообразными – от задания проблемного вопроса до демонстрации проблемной ситуации с помощью средств мультимедиа или опыта.

Содержание раздела «Электродинамика» характеризуется теоретической и математической сложностью, невозможностью непосредственного наблюдения многих процессов (электрический ток, электрическое и магнитное поля и др. – только с помощью индикаторов), поэтому возможной визуализации нужно уделять особое внимание, использовать реальный демонстрационный физический и виртуальный демонстрационный физический эксперимент, аналогии и модельные эксперименты, ЦОРы, схемы, чертежи, динамические рисунки, таблицы и т. п. Необходимо найти способы реализации при этом проблемного обучения.

Анализ содержания раздела «Электродинамика» свидетельствует, что оно располагает большими возможностями для постановки и решения проблемных ситуаций, применения разнообразных приемов создания ситуаций, привлечения физического содержания раздела для формирования профессионально значимых знаний и умений будущего учителя физики.

Например, опыт Франка и Герца, записанный на видео в технопарке, вместе с полученным графиком обсуждается на лекции (нужно объяснить «провалы» на графике); некорректно сформулированная физическая задача (условие предполагает широкий спектр вариантов решений из-за недостаточной точности – не указан материал пластины и др.) – на практическом занятии («На горизонтально расположенную пластину, создающую вертикально направленное однородное электрическое поле напряженностью $4 \cdot 10^5$ В/м, с высоты 8 см падает шарик массой 40 мг, имеющий положительный заряд 10^{-9} Кл и начальную скорость 1 м/с, направленную вертикально вниз. Какую энергию передаст шарик пластине при абсолютно неупругом ударе?» [12]).

Проблемность следующей ситуации проявляется в том, что необходимо представить развернутый ответ на фундаментальный вопрос, возникающий при изучении явления электромагнитной индукции: за счет какой энергии совершается работа по созданию индукционного тока [9]. В тех случаях, когда в электрической цепи имеется сосредоточенный источник тока (гальванический элемент, аккумулятор и т. п.), указанная работа выполняется вследствие, скажем, химической реакции, происходящей в батарее, т. е. за счет химической энергии, содержащейся в гальваническом элементе или аккумуляторе. Откуда же энергия при отсутствии того, что мы называем источником тока?

Чтобы разобраться в этой проблеме, обратимся к закону Фарадея $\varepsilon^{ind} = -\frac{d\Phi}{dt}$, утверждающему, что электродвижущая сила индукции ε^{ind} (т. е. циркуляция электрической напряженности вдоль замкнутого контура $\oint \vec{E}d\vec{\ell}$) равна производной по времени от магнитного потока Φ , пронизывающего площадь контура. Так происходит в тех случаях, когда скорость \vec{v} перемещения провода MN относительно поля \vec{B} , а, значит, и производная $\frac{d\Phi}{dt}$, неизменны и в результате в контуре возникает индукционный постоянный ток.

Сложнее обстоит дело, если провод MN движется с изменяющейся скоростью $\vec{v}(t)$ относительно магнитного поля, или если само магнитное поле неоднородно, или меняется геометрия контура, в этих случаях также меняется со временем величина $\frac{d\Phi}{dt}$, следовательно, и значение электродвижущей силы ε^{ind} , причем в этом случае ток переменный.

Важно, чтобы гипотезы были сформулированы студентами, ими же формулируются и обосновываются результаты анализа, преподаватель лишь подправляет их. После этого полезно предложить студентам построить логическую цепочку своих действий в ходе рефлексии.

Применение проблемной технологии в педагогической практике для формирования предметных образовательных результатов обучающихся при изучении физики, в частности, в изучении раздела «Электродинамика», позволяют сделать вывод эффективности данного подхода. Необходимо отметить, что положительный эффект от реализации данной технологии напрямую зависит от наличия сформированных теоретических и практических знаний, а также профессиональной компетентности и мотивации преподавателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владимирова, С. В. Проблемное обучение в высшем учебном заведении / С. В. Владимирова. – Текст : электронный // Глобус: психология и педагогика. – 2020. – № 1 (36). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnoe-obuchenie-v-vysshem-uchebnom-zavedenii> (дата обращения: 23.03.2023).

2. Дьякова, Е. А. Проблемность как основа современного обучения физике / Е. А. Дьякова. – Текст : непосредственный // Школа будущего. – 2011. – № 4. – С. 81–86.
3. Калашников, С. Г. Электричество : учебное пособие / С. Г. Калашников. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2008. – 624 с. – Текст : непосредственный.
4. Каменецкий, С. Е. Проблемы изучения основ электродинамики в курсе физики средней школы : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Каменецкий Самуил Ефимович ; НИИ содержания и методов обучения АПН СССР. – М., 1978. – 366 с. – Текст : непосредственный.
5. Муштавинская, И. В. Технология развития критического мышления на уроке и в системе подготовки учителя : учебно-методическое пособие / И. В. Муштавинская. – СПб. : КАРО, 2009. – 144 с. – URL: <http://www.iprbookshop.ru/19413> (дата обращения: 20.03.2023). – Текст : электронный.
6. Мякишев, Г. Я. Физика. Электродинамика : учебник для углубленного изучения физики / Г. Я. Мякишев, А. З. Сияков, Б. А. Слободский. – М. : Дрофа, 2010. – 476 с. – Текст : непосредственный.
7. Никитина, Е. Ю. Технология проблемного обучения физике в системе высшего образования / Е. Ю. Никитина. – Текст : электронный // Вестник ТГПУ. – 2007. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-problemnogo-obucheniya-fiziki-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 21.03.2023).
8. Олешков, М. Ю. Современные образовательные технологии : учебное пособие / М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. – 144 с. – Текст : непосредственный.
9. Сивухин, Д. В. Общий курс физики : в 5 томах. Том 3 / Д. В. Сивухин. – М. : ФИЗМАТЛИТ, 2015. – 656 с. – Текст : непосредственный.
10. Учебный план по программе бакалавриата. По направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). Направленность (профиль) Физика и Информатика. – URL: <https://u.to/H9nHNw> (дата обращения: 13.03.2023). – Текст : электронный.
11. Хорошавин, С. А. Демонстрационный эксперимент по физике: электродинамика : книга для учителя / С. А. Хорошавин. – М. : Просвещение, 2008. – 190 с. – Текст : непосредственный.
12. Открытый банк заданий ЕГЭ. Физика-2023. – URL: <https://fipi.ru/ege/otkrytyy-bank-zadaniy-ege#!/tab/173765699-3> (дата обращения: 23.02.2023). – Текст : электронный.

REFERENCES

1. Vladimirova S. V. Problem-based learning in a higher educational institution. *Globus: psihologiya i pedagogika = Globe: psychology and pedagogy*, 2020, no. 1 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnoe-obuchenie-v-vysshem-uchebnom-zavedenii>. (In Russian).
2. Dyakova E. A. Problematic as a basis for modern physics education. *Shkola budushchego = School of the future*, 2011, no. 4, pp. 81–86. (In Russian).
3. Kalashnikov S. G. *Elektrichestvo* [Electricity]. M., FIZMATLIT, 2008. 624 p. (In Russian).
4. Kameneckij S. E. *Problemy izucheniya osnov elektrodinamiki v kurse fiziki srednej shkoly* [Problems of studying the fundamentals of electrodynamics in the course of physics at a secondary school]. M., 1978. 366 p. (In Russian).

5. Mushtavinskaya I. V. *Tekhnologiya razvitiya kriticheskogo myshleniya na uroke i v sisteme podgotovki uchitelya* [Technology for the development of critical thinking in the classroom and in the system of teacher training]. SPb., KARO, 2009. 144 p. URL: <http://www.iprbookshop.ru/19413>. (In Russian).

6. Myakishev G. Ya., Sinyakov A. Z., Slobodskij B. A. *Fizika. Elektrodinamika* [Physics. Electrodynamics]. M., Drofa, 2010. 476 p. (In Russian).

7. Nikitina E. Yu. Technology of problem-based teaching of physics in the system of higher education. *Vestnik TGPU = Vestnik TSPU*, 2007, no. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-problemnogo-obucheniya-fiziki-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya>. (In Russian).

8. Oleshkov M. Yu. *Sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii* [Modern educational technologies]. Nizhnij Tagil, NTGSPA, 2011. 144 p. (In Russian).

9. Sivuhin D. V. *Obshchij kurs fiziki* [General course of physics], vol. 3. M., FIZMATLIT, 2015. 656 p. (In Russian).

10. *Uchebnyj plan po programme bakalavriata. Po napravleniyu podgotovki 44.03.05 Pedagogicheskoe obrazovanie (s dvumya profilyami podgotovki). Napravlenost' (profil') Fizika i Informatika* [Curriculum for the undergraduate program. In the direction of training 44.03.05 Pedagogical education (with two training profiles). Direction (profile) Physics and Informatics]. URL: <https://u.to/H9nHHw>. (In Russian).

11. Horoshavin S. A. *Demonstracionnyj eksperiment po fizike: elektrodinamika: kniga dlya uchitelya* [Demonstration experiment in physics: electrodynamics: a book for teachers]. M., Prosveshchenie, 2008. 190 p. (In Russian).

12. *Otkrytyj bank zadaniy EGE. Fizika-2023* [Open bank of USE assignments. Physics-2023]. URL: <https://fipi.ru/ege/otkrytyy-bank-zadaniy-ege#!/tab/173765699-3>. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гурина, Т. А. Проблемная технология в подготовке учителя физики и ее возможности при изучении раздела «Электродинамика» / Т. А. Гурина, Е. А. Дьякова, С. Н. Холодова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 9–15.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gurina T. A., Dyakova E. A., Kholodova S. N. Problematic Technology in the Preparation of a Physics Teacher and Its Possibilities in the Study of the Section "Electrodynamics" / T. A. Gurina, E. A. Dyakova, S. N. Kholodova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 9–15. (In Russian).

УДК 378

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ
БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА**

Э.П. Комарова, Н.С. Махина, М.А. Корнеева

**PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT
OF PROFESSIONAL AND PERSONAL DEVELOPMENT
OF FUTURE TEACHERS IN THE EDUCATIONAL PROCESS
OF THE UNIVERSITY**

E.P. Komarova, N.S. Mahina, M.A. Korneeva

Аннотация. В статье актуализируется проблема психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов в образовательном процессе вуза, обосновывается актуальность проблемы психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов в образовательном процессе вуза, уточняется понятие «психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития будущих педагогов», описываются результаты их реализации. Формулируется гипотеза исследования: психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития будущих педагогов будет эффективным, если уточнено понятие «психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития будущих педагогов», разработана программа и этапы ее реализации, определена полифункциональность психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов. Определены методы исследования: теоретические, эмпирические, диагностические.

Abstract. The paper actualizes the problem of psychological and pedagogical support of professional and personal development of future teachers in the educational process of the University, substantiates the relevance of the problem of psychological and pedagogical support of professional and personal development of future teachers in the educational process of the University, clarifies the concept of "psychological and pedagogical support of professional and personal development of future teachers", implements innovative forms, means and methods of research of psychological and pedagogical support of professional and personal development of future teachers in the educational process of the University. The hypothesis of the research is formulated: psychological and pedagogical support of professional and personal development of future teachers will be effective if the concept of psychological and pedagogical support of professional and personal development of future teachers is clarified, a program and stages of its implementation are developed, pedagogical functions of psychological and pedagogical support of professional and personal development of future teachers in the educational process of the University are determined. The research methods are defined: theoretical, empirical, diagnostic.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, профессионально-личностное развитие, будущие педагоги, программа, этапы.

Keywords: psychological and pedagogical support, professional and personal development, future teachers, program, stages.

Современные социально-экономические изменения предъявляют особые требования к уровню подготовки будущих педагогов, обладающих высокоразвитыми гибкими навыками с целью овладения профессиональными знаниями, конкурентоспособностью на рынке труда, творческими способностями к самостоятельному осмыслению инновационных технологий, к самоактуализации, самореализации в профессиональной деятельности, осознанному отношению к профессионально-личностному развитию будущих педагогов в современных условиях.

Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», определены приоритетные направления государственной политики по развитию образования: личностно-ориентированный характер образования, базовые национальные ценности российского общества, повышение качества подготовки кадров, поиск инновационных форм, средств и методов, постоянное обновление содержания образования, непрерывность образования, реализация средств цифровых технологий.

Подготовка студентов, готовых к реализации проводимых изменений, способных работать в команде в условиях инновационной современной образовательной практики, является весьма перспективным направлением развития профессионального образования. Социально-экономические изменения в современном образовательном пространстве в процессе профессиональной подготовки студентов отражаются в документах РФ, направленных на обновление предметного содержания в процессе их подготовки (Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ). Поэтому, на наш взгляд, следует разработать программу психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов в образовательном процессе вуза и описать психолого-педагогические функции педагогов для успешной подготовки студентов на каждом этапе обучения в вузе [6].

Глубокий анализ научной литературы позволил обнаружить ряд трудностей в процессе реализации инновационных форм, средств и методов в подготовке будущих педагогов на различных уровнях концептуального осмысления профессионально-личностного развития будущих педагогов в постоянно меняющихся условиях. Проведенное анкетирование студентов в Воронежском государственном техническом университете подтвердило, что они сталкиваются с трудностями использования инновационных средств цифровых технологий: интерактивные доски, технологии визуальной коммуникации, интерактивные модели и т. д., что порождает неуверенность будущих педагогов, их значимости в профессии и что требует оказания им помощи при исследовании указанной выше проблемы. В этой связи актуализируется проблема психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов в образовательном процессе вуза.

Анализ широкого пласта исследований показал, что проблема психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов является недостаточно изученной, не получили достаточного

освещения и реализации инновационные средства формы и методы психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов, концептуально не раскрыто понятие «психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития будущих педагогов, не разработана программа и этапы ее реализации».

В этой связи особое внимание уделяется формированию сознания будущих педагогов, их отношению к целевым ориентирам, задачам, которые предстоит решить в образовательном пространстве. Потребность в укреплении кадрового потенциала в образовании обусловила поиск инновационных подходов к подготовке специалистов-профессионалов, сочетающих глубокие фундаментальные знания и практическую подготовку в связи с будущей многофункциональной деятельностью, позволяющей успешно участвовать в образовании, в науке и духовной жизни общества.

Одним из важнейших направлений деятельности учебных заведений является профессионально-личностное развитие будущих педагогов, готовых к включению в педагогическую деятельность, способных практически решать профессиональные задачи, что, несомненно, зависит от их готовности к профессионально-личностному развитию, основанной на знаниях и их опыте в процессе обучения, ориентированных на саморазвитие и самореализацию.

Цель статьи: обосновать актуальность исследования, раскрыть понятие «психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития будущих педагогов», описать функции, программу и этапы ее реализации.

Понятие «сопровождение» рассматривается как провожать, сопутствовать, идти вместе, следовать [9]; следовать вместе с кем-нибудь, т. е. основу понятия составляют совместные действия субъектов по отношению друг к другу [10]. Сопровождение выполняет функцию координации результатов воздействия на студентов, качественных и количественных изменений в процессе их развития. Оно способствует успешной их адаптации к условиям жизнедеятельности в социуме, является опорой в личностных достижениях. Создаются условия будущими педагогами для самостоятельного творческого освоения студентами системы отношений с миром и самим собой [9]. Сопровождение рассматривается как помощь в осознанном выборе и понимании ответственности за него [1]. Сопровождение основывается на идеях о связи обучения с жизнью и опытом педагогов, на идеях антропологии К.Д. Ушинского, принципах гуманистической педагогики В.А. Сухомлинского, на гуманистической психологии К. Роджерса. Для целей нашего исследования особенно важно определение М.В. Ососовой [6], которая раскрывает понятие как помощь субъекту в ситуации жизненного выбора. Педагогическое сопровождение становится самостоятельным феноменом, являясь органической частью учебного процесса, принципом организации учебного процесса, видом педагогической деятельности. Вместе с тем В.И. Волюнкин под сопровождением понимает систему профессиональной деятельности, включающей психолого-педагогические условия для обучения и развития студентов [3].

Полифункциональность психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов проявляется во взаимосвязи и взаимозависимости следующих функций: адаптационная (овладение моделями поведения будущих педагогов на основе ценностей и традиций вуза); диагностическая функция (ориентирована на обновление содержательного контента психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов); творческая функция (служит главным достижением профессионально-личностного развития будущих педагогов, нацелена на самотворчество в области профессии); оценочная функция (ориентирована на сравнение с задачами и целями обучения в процессе психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов, а выявление преимуществ и недостатков разработанной программы)

Для психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов в образовательном процессе вуза была разработана программа с целью создания социально-психологических условий обучения и развития студентов на каждом этапе обучения. Психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития будущих педагогов определяется как целостный процесс формирования и коррекции профессионально-личностного становления будущих педагогов [4; 6]. Основной задачей психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов в образовательном процессе вуза является формирование у них профессиональных компетенций, активности, инициативности. Были разработаны следующие направления работы с будущими педагогами: диагностика, консультирование, (групповое и индивидуальное), коррекция (индивидуальная и групповая). Психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития будущих педагогов предусматривает оказание им квалифицированной помощи на этапах обучения в зависимости от предметной деятельности. Основным методом психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов является проблемный подход, реализованный в проблемных ситуациях, опирающийся на внутренний потенциал каждого педагога с целью разрешения наиболее трудных типичных ситуаций, с которыми они сталкиваются в процессе профессионально-личностного развития.

Таким образом, психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития будущих педагогов ассоциируется с двухкомпонентной структурой: развитие их интеллектуального потенциала в процессе предметного обучения и осмысление целей и задач их профессионально-личностного развития. Профессионально-личностное развитие будет эффективным, если оно соответствует целям и задачам обучения, проводится систематически и реализуется по следующим направлениям: адаптация будущих педагогов к их профессиональной деятельности, снятие эмоционального напряжения в процессе их профессионального развития, коррекция их эмоционального состояния, обучение умениям профессионального общения.

Были выделены следующие этапы психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов в образовательном процессе вуза: этап 1 – диагностика профессионально-личностного развития будущих педагогов и осмысление жизненных ценностей; этап 2 – профессионально-личностное развитие будущих педагогов (возможности профессии и достижение успехов); этап 3 – профессионально-личностное становление будущих педагогов. Ключевой задачей психолого-педагогического сопровождения профессионально-личностного развития будущих педагогов является профессиональное, социальное и личностное самоопределение, причем последний этап процесса сопровождения определяется глубинными профессиональными знаниями, началом профессиональной социализации.

Итак, психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития будущих педагогов в образовательном процессе вуза ориентировано на формирование готовности будущих педагогов к профессиональному становлению, саморазвитию, самосовершенствованию и самореализации, сознательному и творческому отношению к выполнению своих обязанностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова, Е. А. Педагогическое сопровождение старшеклассников в процессе разработки и реализации индивидуальных образовательных траекторий / Е. А. Александрова. – Текст : непосредственный // Ученые записки. Серия: Психология. Педагогика. – 2008. – Т. 1. – № 1–2. – С. 74–78.
2. Битянова, М. Р. Организация психологической работы в школе / М. Р. Битянова. – М. : Совершенство, 1997. – 298 с. – Текст : непосредственный.
3. Волынкин, В. И. Педагогическое сопровождение в социокультурной деятельности : монография / В. И. Волынкин. – Астрахань : Астраханский университет, 2011. – 229 с. – Текст : непосредственный.
4. Зеер, Э. Ф. Психология профессионального образования : учебное пособие / Э. Ф. Зеер. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : МОДЭК, 2003. – 480 с. – Текст : непосредственный.
5. Никифоров, Г. С. Концепция психологического обеспечения профессиональной деятельности / Г. С. Никифоров. – Текст : непосредственный // Психология работы с персоналом в трудах отечественных специалистов / составление и общая редакция Л. В. Винокурова. – СПб. : Питер, 2001. – 512 с.
6. Ососова, М. В. Психолого-педагогическое сопровождение самоопределения подростков в системе образовательного процесса / М. В. Ососова. – Текст : непосредственный // Успехи современного естествознания. – 2022. – № 1 – С. 74–78.
7. Психологические аспекты развития человека в современном мире : коллективная монография / Уральский государственный педагогический университет ; под общей редакцией С. А. Минюровой. – Екатеринбург, 2010. – Текст : непосредственный.
8. Раскалинос, В. Н. Психолого-педагогическое сопровождение: методологический аспект / В. Н. Раскалинос. – Текст : непосредственный // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2019. – № 1. – С. 123–126.
9. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : избранные статьи / В. И. Даль ; совмещенная редакция изданий В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ. – М. : Олма-Пресс : Красный пролетарий, 2004. – 700 с. – Текст : непосредственный.

10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Институт русского языка, Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Азъ, 1994. – 907 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Aleksandrova E. A. Pedagogical support of high school students in the process of developing and implementing individual educational trajectories. *Uchenye zapiski. Seriya: Psihologiya. Pedagogika = Scientific notes. Series: Psychology. Pedagogy*, 2008, vol. 1, no. 1–2, pp. 74–78. (In Russian).

2. Bityanova M. R. *Organizaciya psihologicheskoj raboty v shkole* [Organization of psychological work at school]. M., Sovershenstvo, 1997. 298 p. (In Russian).

3. Volynkin V. I. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie v sociokul'turnoj deyatel'nosti* [Pedagogical support in socio-cultural activities]. Astrahan', Astrahanskij un-t, 2011. 229 p. (In Russian).

4. Zeer E. F. *Psihologiya professional'nogo obrazovaniya* [Psychology of vocational education]. M., Moskovskij psihologo-social'nyj institut ; Voronezh, MODEK, 2008. 480 p. (In Russian).

5. Nikiforov G. S. The concept of psychological support of professional activity. *Psihologiya raboty s personalom v trudah otechestvennyh specialistov = Psychology of work with personnel in the works of domestic specialists*. SPb., Piter, 2001. 512 p. (In Russian).

6. Ososova M. V. Psychological and pedagogical support of teenagers' self-determination in the educational process system. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya = Successes of modern natural science*, 2022, no. 1, pp. 74–78. (In Russian).

7. *Psihologicheskie aspekty razvitiya cheloveka v sovremennom mire* [Psychological aspects of human development in the modern world]. Ekaterinburg, 2010. (In Russian).

8. Raskalinos V. N. Psychological and pedagogical support: methodological aspect. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, 2019, no. 1, pp. 123–126. (In Russian).

9. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. M., Olma-Press, Krasnyj proletarij, 2004. 700 p. (In Russian).

10. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 72 500 slov i 7 500 frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: 72 500 words and 7 500 phraseological expressions]. M., Az, 1994. 907 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Комарова, Э. П. Психолого-педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития будущих педагогов в образовательном процессе вуза / Э. П. Комарова, Н. С. Махина, М. А. Корнеева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 16–21.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Komarova E. P., Mahina N. S., Korneeva M. A. Psychological and Pedagogical Support of Professional and Personal Development of Future Teachers in the Educational Process of the University / E. P. Komarova, N. S. Mahina, M. A. Korneeva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 16–21. (In Russian).

УДК 37.013.46

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ САМОРАЗВИТИЯ ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА ВКС РОССИИ

И.А. Лобанов, С.Н. Лукаш

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF SELF-DEVELOPMENT OF THE OFFICERS OF THE RUSSIAN AEROSPACE FORCES

I.A. Lobanov, S.N. Lukash

Аннотация. В статье проводится анализ понятий, связанных с саморазвитием офицерского состава Воздушно-космических сил России в период прохождения военной службы. Авторы рассматривают актуальную проблему повышения эффективности саморазвития военнослужащих за счет определения и создания педагогических условий в военно-профессиональной среде. Уточняется определение «педагогических условий саморазвития» на основе особенностей служебной деятельности офицерского состава в частях Воздушно-космических сил. Приводится краткая характеристика результатов собственного исследования, выделяются следующие педагогические условия саморазвития офицера: мотивационные, организационные, содержательные, корректировочно-оценочные условия. Доказывается, что создание данных условий позволяет сформировать необходимую мотивационную структуру военных специалистов, обеспечивают связь процесса саморазвития с воинской жизнедеятельностью и профессионально-должностной подготовкой офицерского состава, позволяют сочетать традиционные педагогические методы с инновационными достижениями в области воспитания и обучения военнослужащих.

Abstract. The article analyzes the concepts related to the self-development of the officers of the Russian Aerospace Forces during military service. The authors consider the urgent problem of increasing the effectiveness of self-development of military personnel by defining and creating pedagogical conditions in the military-professional environment. The definition of "pedagogical conditions of self-development" is being clarified on the basis of the peculiarities of the service activities of officers in the units of the Aerospace Forces. A brief description of the results of his own research is given, the following pedagogical conditions of the officer's self-development are highlighted: motivational, organizational, substantive, corrective and evaluation conditions. It is proved that the creation of these conditions makes it possible to form the necessary motivational structure of military specialists, ensure the connection of the process of self-development with military life and professional training of officers, allow combining traditional pedagogical methods with innovative achievements in the field of education and training of military personnel.

Ключевые слова: педагогические условия саморазвития офицера ВКС России, военно-профессиональные психолого-педагогические дефициты.

Keywords: pedagogical conditions of self-development of an officer of the Russian Aerospace Forces, military-professional psychological and pedagogical deficits.

Развитие военного дела в XXI веке показывает, что воспитание офицера российской армии, педагога военного дела, в духе традиционных ценностей и формирование высоконравственной личности, обладающей актуальными военно-профессиональными компетенциями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины, отражается как на уровне подготовки солдат, так и на общем состоянии Вооруженных Сил в целом. Современные методические приемы подготовки офицеров в российских военных вузах охватывают широкий спектр знаний, необходимых для военного профессионала. Однако полученной в вузе квалификации недостаточно для становления личности офицера-воспитателя, педагога военного дела [1, с. 138]. Обобщение отзывов из войск о прохождении службы молодыми офицерами показывает, что офицеры-выпускники имеют военно-профессиональные психолого-педагогические дефициты, связанные с низким уровнем развития необходимых специальных качеств, значимых компетенций.

Сокращение по стране военных училищ, «оптимизация» программ подготовки военных кадров, заметно уменьшили количество часов, отводимых на военную педагогику. В то же время традиции российских Вооруженных Сил на разных этапах их историко-культурного развития связываются с особенностью функционирования отношений «командир – подчиненный». Эти отношения в армии России во все времена базировались на уважении к личности подчиненного, на бережном, отеческом, отношении к личному составу, при неукоснительном выполнении своего воинского долга. Характерный образ, типичный для личности офицера, носителя российской воинской культуры, выразил М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Бородино»: «Полковник наш рожден был хватом. Слуга царю, отец солдатам...» [2, с. 8]. Парадигма «отца солдатам» как высшая оценка качеств офицера со стороны его подчиненных выковывалась вместе с победами русского оружия во времена таких полководцев и флотоводцев, как Г.А. Потемкин, А.В. Суворов, Ф.Ф. Ушаков, В.И. Румянцев. Александр Васильевич Суворов как полководец был строг и требователен к себе и подчиненным, в то же время любил своих солдат, делил с ними все тяготы и невзгоды походной жизни: ел из одного котелка, спал под одной шинелью, боролся за их нужды с вороватыми чиновниками. Подчиненные видели в лице А.В. Суворова действенную отеческую заботу, что рождало, в свою очередь, ответную любовь, веру в своего командира, готовность идти с ним до конца в выполнении воинского долга перед Родиной. Русский писатель Н.С. Лесков продолжил осмысление начатого М.Ю. Лермонтовым образа командира – «отца солдатам» в своем очерке «Алексей Петрович Ермолов», посвященном русскому офицеру, генералу, герою Отечественной войны 1812 года, главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом в период Кавказской войны А.П. Ермолову: «Славу его протрубили не пристрастные газеты, не реляции... славу его пронесли во всю

Русь на своих костылях и деревяшках герои-калеки, ходившие с Алексеем Петровичем и в огонь и в воду и после за мирным плетением лычных лаптей повешавшие «черному народу», как «с Ермоловым было и умирать красно» [3, с. 159].

Идеалы русского офицерства, человека российской воинской культуры, «отца солдатам», с которым и «умирать красно», продолжили формироваться на протяжении XIX века, во времена Первой мировой, Великой Отечественной войн. Победа, как правило, была там и тогда, где выполнение поставленной задачи осуществлялось не любой ценой, но сочеталось с заботой командира о военнослужащих, основывалось на доверии и авторитете офицера у своих подчиненных. Данный алгоритм подтверждается сегодня в ходе проведения специальной военной операции, где военные успехи, как правило, сопряжены с профессиональной деятельностью тех офицеров, которые заботятся о своих подчиненных, проявляя качества военного педагога-воспитателя.

Как и любые другие боевые действия, текущая специальная военная операция позволяет проверить реальное состояние и возможности Вооруженных Сил России, требует серьезного осмысления в части касающейся военно-профессиональной подготовки как рядового и сержантского состава, так и офицерского корпуса. Полученный боевой опыт в реальных военных условиях необходимо подвергать глубокому анализу уже в текущих условиях, организовывать его передачу в центры учебной подготовки и переквалификации, в военно-учебные заведения и действующие воинские части. В перспективе это приведет к повышению общего потенциала российской армии, формированию новых планов по развитию военнослужащих, расширит возможности государства по защите от современных угроз. Ход специальной военной операции выявил необходимость внедрения в подготовку и управление войсками новых моделей ведения вооруженной борьбы. Вооруженные Силы возвращаются к принципу «учить тому, что нужно на войне» как необходимой составляющей военно-профессиональной подготовки офицерского корпуса, педагогическими аспектами которого выступают: единство обучения и воспитания; содержание обучения и развития военных специалистов на основе опережающего характера подготовки; разностороннее воспитание через духовно-нравственную, физическую и военно-профессиональную подготовку.

Безусловно, опыт СВО будет способствовать корректировке программ профессиональной подготовки будущих офицеров в аспекте оптимизации психолого-педагогических компетенций. Вместе с тем нужно понимать, что время не ждет и действовать надо «здесь и сейчас». Для действующих офицеров вооруженных сил России, в этой связи, значительный потенциал устранения профессиональных психолого-педагогических дефицитов кроется в направлении своего профессионального саморазвития, самовоспитания у себя соответствующих качеств офицера-носителя российской воинской культуры. Саморазвитие в данном случае, как непрерывный процесс работы

над собой, становится необходимым элементом повышения профессиональной подготовки и мастерства офицера на протяжении всего срока службы. Главной целью саморазвития офицера является «становление военного специалиста с высоким научно-техническим потенциалом, способного оказать противодействие врагу» [4, с. 147].

Для реализации цели эффективного саморазвития офицера необходимы соответствующие условия. Встает закономерный вопрос о характере и особенностях данных условий. Очевидно, что процессы саморазвития офицера необходимо организовывать в педагогическом поле деятельности, устраняя выявленные психолого-педагогические профессиональные дефициты, используя для этого различные формы педагогической поддержки, время, отведенное на самоподготовку офицера, программы саморазвития и другие меры педагогического воздействия, позволяющие эффективно формировать и развивать данные процессы. Таким образом, процессы саморазвития офицера должны консолидироваться, прежде всего, в пространстве педагогических условий, которые определяются отечественными педагогами-учеными (В.И. Андреев, А.В. Барабанщиков, Н.М. Борытко и др.) как специально реализуемые меры психолого-педагогического воздействия, позволяющие влиять на ход педагогического процесса [5, с. 127]. В данной трактовке педагогические условия саморазвития можно рассматривать и в более широком плане, используя, например, обновленные требования пункта 12 паспорта специальности 5.8.1 «Общая педагогика, история педагогики и образования» как «педагогические аспекты формирования... саморазвития человека» [6, с. 26]. Таким образом, актуальной задачей военно-профессиональной подготовки офицерского состава становится моделирование таких педагогических условий, которые будут способствовать эффективному саморазвитию офицерского состава, повышению профессиональных качеств и военного мастерства в процессе прохождения военной службы.

На основе анализа научно-педагогической литературы по теме исследования, под педагогическими условиями саморазвития офицерского состава мы будем понимать принципиальные основания для объединения процессов деятельности военнослужащего, отражающие совокупность обстоятельств и возможностей образовательной и материальной среды, воздействующие на личностный (самопознание, самовоспитание и самообразование) и процессуальный (самоуправление, рефлексия) аспекты системы саморазвития офицера, и обеспечивающие ее эффективное функционирование и развитие.

Опираясь на различные признаки, ученые выделяют группы педагогических условий: организационно-педагогические, психолого-педагогические, дидактические, материальные, санитарно-гигиенические и другие условия [7, с. 10; 8, с. 65]. Исходя из специфики военно-профессиональной деятельности офицерского состава ВКС России, предлагается реализация следующих групп педагогических условий, обеспечивающих профессиональное саморазвитие: мотивационные, организационные, содержательные и коррективно-оценочные условия.

Создание мотивационных условий в ходе саморазвития офицера ВКС необходимо для достижения требуемого результата, формирования мотивов к самопознанию, самовоспитанию, самообразованию и самоуправлению. Мотивация – важный структурный элемент внутреннего развития личности офицера, это то, что побуждает и направляет деятельность, придает ей смысл [9, с. 73]. Как правило, поведение человека определяется не одним мотивом, а их совокупностью, в котором мотивы могут находиться в определенном отношении друг к другу по степени их воздействия на поведение человека, при этом мотивационная структура человека обладает определенной стабильностью [10, с. 109]. Воздействие на процесс мотивирования позволяет формировать необходимую мотивационную структуру военнослужащего для дальнейшей реализации в ходе саморазвития военного специалиста.

Организационные условия выступают опорой в процессе формирования системы саморазвития офицера, обеспечивают связь процесса саморазвития с воинской жизнедеятельностью и профессионально-должностной подготовкой офицерского состава; позволяют сочетать традиционные педагогические методы с инновационными достижениями в области воспитания и обучения военнослужащих (использование интерактивных форм обучения, внедрение эффективных технологий развития, повышение качества самостоятельной работы и творческая реализация различных методов обучения); обеспечивают преемственность основ военной теории и педагогической практики, передачу положительного опыта в подготовке офицерских кадров на основе многовековых нравственных устоев, воинских традиций, патриотизма, общечеловеческих ценностей отечественной и мировой культуры. За счет педагогического наставничества и повышения методического мастерства командиров (начальников) в организации процесса саморазвития подчиненного личного состава совершенствуется непосредственно сама система профессионально-должностной подготовки офицерского состава ВКС в военно-педагогическом пространстве, повышается педагогическая культура военных кадров, реализуются процессы для формирования профессионально ориентированных общепрофессиональных и специальных компетенций.

Реализация содержательных условий опирается, в первую очередь, на формирование общей культуры современного офицера как воспитателя, как носителя богатейших воинских традиций Российской армии, как человека российской воинской культуры, во вторую очередь, непосредственно на специфику деятельности офицера, за счет формирования «плана саморазвития» происходит обогащение, насыщение содержания процесса саморазвития. Отметим, что такой план носит глубоко индивидуальный характер и главная его задача – организация помощи офицеру в работе над собой. Он может дополняться и корректироваться по мере реализации намеченных целей, используя вариативность предметного материала. Вопросы личностного характера могут найти свое отражение не только в служебных документах по планированию, но и в дневниках, блокнотах и т. д. При этом изучение и применения различных

программ и методик как личностного, так и военно-профессионального развития повышают эффективность саморазвития офицерского состава. Грамотное планирование офицера позволяет предусмотреть трудности и проблемы «учебно-боевых будней», организовать процесс самообразования не только в повседневной деятельности, но и непосредственно в условиях боевых действий, в полевой обстановке при отсутствии необходимой материальной базы.

Корректировочно-оценочные условия позволяют определить результаты саморазвития, оценить достижения офицером конкретных уровней сформированности необходимых компонентов. Что дает возможность соотнести цели с полученным результатом, выявить факторы, негативно влияющие на процесс саморазвития, провести корректировку плана саморазвития офицера. Саморефлексия выступает как основной вид деятельности. Критериально-диагностический инструментарий позволяет провести анализ деятельности, разбор внутреннего состояния и самооценки, за счет самодиагностики оценить структурную и содержательную характеристики саморазвития личности, ее уровневую представленность.

Таким образом, реализация инновационных концепций и технологий ведения боевых действий требует от российской армии не только интенсификации мероприятий боевой подготовки, но и изменения подходов в развитии офицерского корпуса. Специфические особенности воинской деятельности требуют всесторонней подготовки, поэтому формирование высоких профессиональных, морально-боевых, общечеловеческих качеств личности военнослужащего должно основываться на новых потребностях армии. Успешное выполнение учебных и боевых задач в ходе службы зависит от эффективности военно-профессионального развития, а продуктивная и качественная работа в воинском коллективе может осуществляться только на основе личностного развития военнослужащего. На сегодняшний день требует дальнейшего изучения и совершенствования процесс саморазвития офицерского состава, как основного командного и управляющего звена, непосредственно эксплуатирующего современные высокотехнологичные комплексы. В действующей армии необходимо создавать такие педагогические условия для саморазвития офицеров, которые могут быть эффективно использованы в процессе разработки учебно-методических материалов, посвящённых формированию личности военных специалистов, программ боевой подготовки не только офицерского состава, но и военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в частях ВКС России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богомолова, Е. В. Методика реализации компетентностного подхода в учебном процессе военного вуза / Е. В. Богомолова. – Текст : непосредственный // Вопросы современной науки и практики. – 2017. – № 1 (63). – С. 136–141.
2. Лермонтов, М. Ю. Бородино : сборник / М. Ю. Лермонтов. – М. : Росмэн, 2015. – 92 с. – Текст : непосредственный.

3. Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 11 томах. Том 10 / Н. С. Лесков. – М. : Гослитиздат [Ленинградское отделение], 1958. – 598 с. – Текст : непосредственный.
4. Алехин, И. А. Военная педагогика / И. А. Алехин. – М. : Министерство обороны Российской Федерации, 2008. – 286 с. – Текст : непосредственный.
5. Борытко, Н. М. В пространстве воспитательной деятельности : монография / Н. М. Борытко ; научный редактор Н. К. Сергеев. – Волгоград : Перемена, 2001. – 180 с. – Текст : непосредственный.
6. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 года № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени...». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 19.05.2023). – Текст : электронный.
7. Ипполитова, Н. В. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация / Н. В. Ипполитова, Н. А. Стерхова. – Текст : непосредственный // *General and Professional Education*. – 2012. – № 1. – С. 8–14.
8. Мухина, Т. Г. Становление и развитие системы дополнительного образования в высшей школе : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Мухина Татьяна Геннадьевна. – Нижний Новгород, 2011. – 510 с. – Текст : непосредственный.
9. Кукса, П. А. Формирование ценностных ориентаций и установок у курсантов военных вузов в процессе воспитания и учебной деятельности : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Кукса Павел Александрович. – СПб., 2003. – 188 с. – Текст : непосредственный.
10. Афонин, А. Ю. Понятие и значение мотивации и мотивационного процесса / А. Ю. Афонин. – Текст : непосредственный // *Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания*. – 2013. – № 17. – С. 105–112.

REFERENCES

1. Bogomolova E. V. Methods of implementing the competence approach in the educational process of a military university. *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki = Issues of modern science and practice*, 2017, no. 1 (63), pp. 136–141. (In Russian).
2. Lermontov M. Y. *Borodino* [Borodino]. M., Rosman, 2015. 92 p. (In Russian).
3. Leskov N. S. *Sobranie sochinenij* [Collected works], vol. 10. M., Goslitizdat [Leningradskoe otdelenie], 1958. 598 p. (In Russian).
4. Alyokhin I. A. *Voennaya pedagogika* [Military pedagogy]. M., Ministry of Defense of the Russian Federation, 2008. 286 p. (In Russian).
5. Borytko N. M. *V prostranstve vospitatel'noj deyatel'nosti* [In the space of educational activity]. Volgograd, Change, 2001. 180 p. (In Russian).
6. *Prkaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii ot 24.02.2021 goda № 118 "Ob utverzhdenii nomenklatury nauchnyh special'nostej, po kotorym prisuzhdayutsya uchenye stepeni..."* [Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation no. 118 dated 24.02.2021 "On approval of the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded..."]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043?index=0&rangeSize=1>. (In Russian).
7. Ippolitova N. V., Sterkhova N. A. Analysis of the concept of "pedagogical conditions": essence, classification. *General and Professional Education*, 2012, no. 1, pp. 8–14. (In Russian).

8. Mukhina T. G. *Stanovlenie i razvitie sistemy dopolnitel'nogo obrazovaniya v vysshej shkole* [Formation and development of the system of additional education in higher school]. Nizhnij Novgorod, 2011. 510 p. (In Russian).

9. Kuksa P. A. *Formirovanie cennostnyh orientacij i ustanovok u kursantov voennyh vuzov v processe vospitaniya i uchebnoj deyatel'nosti* [Formation of value orientations and attitudes among cadets of military universities in the process of education and training activities]. SPb., 2003. 188 p. (In Russian).

10. Afonin A. Yu. The concept and meaning of motivation and the motivational process. *Intellektual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznaniya = Intellectual potential of the XXI century: stages of cognition*, 2013, no. 17, pp. 105–112. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лобанов, И. А. Педагогические условия саморазвития офицерского состава ВКС России / И. А. Лобанов, С. Н. Лукаш. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 22–29.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lobanov I. A., Lukash S. N. Pedagogical Conditions of Self-Development of the Officers of the Russian Aerospace Forces / I. A. Lobanov, S. N. Lukash // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 22–29. (In Russian).

УДК 37.013

**ПЕДАГОГИКА КАЗАЧЕСТВА
В ПОСТСОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР)**

С.Н. Лукаш, И.В. Концевич, К.В. Эпоева

**PEDAGOGY OF THE COSSACKS
IN THE POST-MODERN EDUCATIONAL SPACE
(SCIENTIFIC AND PEDAGOGICAL REVIEW)**

S.N. Lukash, I.V. Kontsevich, K.V. Epoeva

Аннотация. В статье представлен ретроспективный научно-педагогический обзор исследований, посвященных казачьему образованию. В частности, анализируются педагогические подходы к определению одного из ключевых терминов казачьего образования «педагогика казачества», осмысление которого начинает активно осуществляться в постсоветский период и продолжается в современном обществе. Авторы считают, что прояснение терминологической и методологической составляющей дефиниции «педагогика казачества» имеет значение для теоретиков казачьего образования и учителей, работающих в воспитательном пространстве педагогики казачества. В статье предложен авторский подход к анализу феномена «педагогика казачества», раскрыты перспективы реализации данного направления в аспекте цивилизационной парадигмы реформирования отечественного образования.

Abstract. The article presents a retrospective scientific and pedagogical review of studies on Cossack education. In particular, pedagogical approaches to the definition of one of the key terms of Cossack education "Cossack pedagogy" are analyzed, the understanding of which begins to be actively carried out in the post-Soviet period and continues in modern society. The authors believe that clarifying the terminological and methodological component of the definition of "pedagogy of the Cossacks" is important for the theorists of Cossack education and teachers working in the educational space of pedagogy of the Cossacks. The article proposes the author's approach to the analysis of the phenomenon of "pedagogy of the Cossacks", reveals the prospects for the implementation of this direction in the aspect of the civilizational paradigm of reforming domestic education.

Ключевые слова: педагогика казачества, казачье образование, методология, многополярный мир, цивилизационный подход к реформированию отечественного образования.

Keywords: pedagogy of the Cossacks, Cossack education, methodology, multipolar world, civilizational approach to the reform of national education.

В мае 2021 года на заседании постоянной комиссии по научно-исследовательской работе Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества была организована ассоциация образовательных организаций высшего образования, реализующих образовательные программы с использованием истории и традиционных ценностей российского казачества. Данное

решение было принято в рамках реализации задач Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы [14]. В своем выступлении на открытии ассоциации министр науки и высшего образования Российской Федерации В.Н. Фальков подчеркнул: «Деятельность университетов, которые вошли в ассоциацию, будет направлена на развитие системы подготовки кадров для казачьих обществ и целевое обучение казаков с последующим прохождением государственной или муниципальной службы. Важной задачей ассоциации также станет изучение истории российского казачества и противодействие исторической фальсификации» [3]. Таким образом, педагогическое сообщество получило четкую целевую установку, связанную с новым уровнем казачьего образования, отвечающим на геополитические вызовы, стоящие перед Россией. В этой связи возникают вопросы, связанные не только с разработкой основных профессиональных образовательных программ, направленных на обучение потенциальных лидеров казачьего движения, но, в первую очередь, с уточнением методологии, понятийного аппарата данного направления обучения и воспитания. В числе основополагающих понятий казачьего образования выделяется дефиниция «педагогика казачества», прояснение терминологической, методологической составляющей которой важно для педагогической науки и практики, для учителей, работающих в воспитательном пространстве педагогики казачества. В данной статье проведен научно-педагогический обзор исследований, посвященных казачьему образованию, в которых встречается термин «педагогика казачества». Предложен авторский подход к анализу феномена «педагогика казачества», раскрыты перспективы реализации данного направления в реформировании отечественного образования.

Накопление научного материала общественными науками в области истории и культуры казачества, потребности общественного развития, связанные с процессами казачьего возрождения и развития, заметно актуализировали казачью тематику в научных исканиях педагогов. Термин «педагогика казачества» начинает активно осмысливаться научно-педагогическим сообществом в постсоветский период, когда произошло воссоздание государственной институционализации казачества в современной России.

В частности, в исследовании ставропольского ученого-педагога И.А. Горбуновой процесс формирования личности будущего режиссера связывается с художественно-игровыми традициями педагогики казачества, которая понимается автором, прежде всего, как этнопедагогика [5]. Автор выявляет педагогические условия, раскрывает сущность художественно-игровых традиций казачества в процессе формирования личности будущего режиссера. В работе И.А. Горбуновой термин «педагогика казачества» трактуется как некий априори заданный, устоявшийся нарратив народной педагогики, в то время как современная сущность и особенности этого понятия не исследованы.

В.Н. Быковский в своем диссертационном исследовании «Особенности воспитания учащихся на примере культуры казачества» анализирует возможность повышения эффективности воспитательного процесса на основе

использования культуры казачества. Автор справедливо указывает на педагогический потенциал культуры казачества, заключающийся в доминировании идей патриотизма и гражданственности; приоритете духовно-нравственных установок; личностной направленности воспитания; ориентации на семейные ценности. Значительное место в своей работе автор уделяет педагогике казачества, характеризуя ее как специфическую ветвь русской народной педагогики, бытовавшую в общественно-экономических условиях, отличающихся от средних общероссийских [1]. В.Н. Быковский отмечает, что основу народной педагогики казачества составляет опыт жизнедеятельности казаков, социально-бытовое и духовное знание, народный фольклор. Автор указывает и на становление современной педагогики казачества, содержательная основа которой формируется на принципах этнопедагогики казачества [1].

В монографии В.Г. Визер «Военно-патриотическое воспитание учащихся на основе этнокультурных традиций русского казачества в России» выделяется проблема исследования, заключающаяся в теоретической разработке и практической реализации модели военно-патриотического воспитания обучающихся, основывающейся на воспитательном потенциале патриотических традиций русского казачества. Автор исследует генезис идей и опыт военно-патриотического воспитания в отечественной школе в историко-культурной ретроспективе. Педагогика казачества понимается автором как организация военно-патриотического воспитания учащихся, основывающаяся на принципах культуроприродо-человекообразности, включающая в себя соответствующую систему социально значимых норм и ценностей, современную методiku военно-патриотического воспитания учащихся [4].

Вопросам этнокультурной идентичности казачества посвящает свои исследования Н.И. Кашина. Автор анализирует педагогические условия формирования этнокультурной идентичности молодых казаков – учащихся кадетских корпусов [6]. По мнению автора, одним из главных условий идентичности с казачьей культурой является референтность того, кто демонстрирует образы и образцы перед кадетами. В этой связи важна личность самого учителя, не только предметника, компетентного в вопросах истории, географии, филологии и других дисциплин, но и максимально включенного, по мнению автора, в казачье сообщество человека. Н.И. Кашина отмечает, что еще одним из педагогических условий эффективности воспитания в казачьей педагогике является привлечение к учебно-воспитательной работе представителей старшего поколения: ветеранов, бабушек и дедушек, всех членов семей учащихся. Автор указывает, что для этих целей необходимо привлекать кубанских краеведов, представителей казачьих обществ и организаций – носителей культурных и духовных традиций российского казачества. Контакт с ними, по мнению Н.И. Кашиной, может обеспечить культуротворческую деятельность по изучению, сохранению и распространению этнокультурных традиций в воспитательном пространстве педагогики казачества [6].

Следует отметить, что в последние годы в методологическом дискурсе философских, социально-педагогических наук получила свое развитие идея непрерывного образования российского казачества. Анализу разработки системы непрерывного казачьего образования посвящены исследования доктора педагогических наук, профессора А.Н. Кураева. Автор обращается к «Стратегии развития российского казачества до 2030 года», констатируя, что «стратегической целью государства является развитие российского казачества и усиление его роли в решении государственных задач» [7, с. 34]. А.Н. Кураев рассматривает непрерывное образование российского казачества как инструмент государственно-политического и духовного развития российского казачества. В качестве экспериментальной площадки автор анализирует исследования и проектные работы в ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского» (г. Москва), где разрабатывается система непрерывного образования казаков, включающая казачий образовательный компонент. «В современной России казачество, учитывая его ярко выраженное государственное начало, становится значимой и признанной силой», – отмечает А.Н. Кураев [7, с. 35]. Однако автор, как, впрочем, и большинство исследователей, разрабатывающих целевые ориентиры образования казачества, связанные с идеей непрерывности, не затрагивает концептуальное поле педагогической науки, в частности, педагогику казачества, которая и призвана осуществлять непрерывность данных процессов.

Данная тенденция присутствует и в статье профессора Кубанского государственного университета культуры Г.О. Мациевского «Потенциал казачьего образования в формировании культуры межэтнических отношений». Автор, рассматривая историю становления казачьего образования в Краснодарском крае и особенности её развития на рубеже XX–XXI вв., приводит организационную структуру системы казачьего образования, сложившуюся в Краснодарском крае [11]. Эта структура, по мнению автора, состоит из: классов казачьей направленности; разновозрастная межклассная группа казачьей направленности в общеобразовательной школе; разновозрастная группа казачьей направленности в общеобразовательной школе, объединяющая детей разных параллелей; разновозрастная группа казачьей направленности на базе дошкольного образования; кадетская школа (школа-интернат); группа казачьей направленности в учреждении начального профессионального образования [11]. Автор, анализируя методическую оснащенность учреждений со статусом «казачье», приходит к мнению, о хорошем оснащении казачьих кадетских школ-интернатов учебными пособиями по истории кубанского казачества; программами по истории, фольклору, декоративно прикладному творчеству, физической культуре кубанского казачества. В заключение автор отмечает, что система казачьего образования в Краснодарском крае имеет свой несомненный потенциал в воспитании патриотизма у подрастающего поколения, формировании культуры межэтнических отношений [11].

В своем анализе состояния системы казачьего образования в Краснодарском крае А.А. Цыбульникова и М.А. Петров, исходя из периодизации,

предложенной Г.О. Мациевским, констатируют начавшийся в 2016 году и продолжающийся поныне пятый этап в истории создания региональной системы многоуровневого казачьего образования [12]. Авторы отмечают непрерывную динамику казачьего образования в Краснодарском крае, выражающуюся в увеличении числа классов казачьей направленности, в совершенствовании инструментов оценки качества казачьего образования, в вовлечении в воспитательное пространство детского дошкольного образования (казачьи детские сады), в создании системы повышения квалификации педагогов [12]. М.А. Петров, А.А. Цыбульникова под казачьей педагогикой понимают закрепленную в «Концепции развития общего, начального профессионального и дополнительного образования на основе историко-культурных традиций кубанского казачества», коннотацию о «традиционной культуре и этнопедагогике кубанского казачества» [12, с. 243].

Отсутствие единых подходов к методологической, концептуальной основе казачьего образования, стремление подмены глубоко внутренних содержательных процессов, которые должны четко трактоваться педагогической наукой, количественными формами, модными трактовками о непрерывности образования казачества, приводит к просчетам, неоднозначным позициям педагогов-практиков в казачьем образовании. Этот факт констатирует доцент Краснодарского краевого института повышения квалификации К.В. Скиба. В своей статье «О единой концепции преподавания истории российского казачества» автор анализирует проблемы и перспективы казачьего образования [13]. Автор обозначает перспективы оптимизации казачьего образования в связи с разработкой «Единой концепции преподавания истории российского казачества в образовательных организациях». К.В. Скиба, в частности, поднимает проблематику, связанную с преодолением излишнего исторического негатива с темы взаимоотношений казаков и Советской власти.

Следует отметить еще одну важную проблему социально-политического плана, которую высвечивает автор. Речь идет о попытках закрепления в некоторых краевых массмедиа, а также в практике отдельных педагогов, свободно трактующих вопросы казачьего образования, парадигмы «казачество – это отдельный народ». Автор не согласен с такой постановкой вопроса и отсылает нас к учебникам и монографиям известных ученых, работающих по казачьей проблематике, в которых идея «казаки – отдельный народ» упоминается как «ненаучная и проблемная» [13]. Автор резюмирует в заключение, что преодолеть узкие места в казачьем образовании поможет разрабатываемая в последнее время «Единая концепция преподавания истории российского казачества в образовательных организациях». К.В. Скиба с оптимизмом констатирует: «И, следует надеяться, что в ближайшее время в этом вопросе произойдут положительные сдвиги» [13, с. 73].

Солидаризуясь в данном вопросе с позицией автора, отметим общую научную истину: нежелание (или неумение) решать общие методологические вопросы приводит исследование к ошибкам в частных методиках,

к неоднозначности понятий и, в конечном счете, может дискредитировать саму концепцию. Если мы не хотим, чтобы подобная участь постигла казачье образование, то педагогика казачества – наука о казачьем образовании, педагогика воспитательного потенциала казачьей культуры – должна занять достойное место на новом, более высоком, уровне теоретико-методологического осмысления процессов реформирования отечественного образования.

Отрадно констатировать, что работы, основанные на добротной методологической базе педагогики казачества, находят поддержку в научном сообществе. К ним можно отнести диссертационное исследование Н.В. Буровой «Приобщение учащихся к традициям культуры донских казаков в дополнительном образовании» [2]. Автор, избравшая своим предметом исследования культуру, традиции донского казачества, вносит свой посильный вклад в трансформацию идей тысячелетней российской культуры в реалии современной культуры в реалии современной культуры. Н.В. Бурова в качестве методологического основания своей работы опирается на цивилизационный, культурологический подходы, бережно аккумулируя и преобразуя воспитательный потенциал культуры российского феномена казачества в новации современной педагогики. В ситуации интенсивного развития на Юге России современной социокультурной концепции воспитания – педагогики казачества, данное исследование, в определенной мере, удовлетворяет возрастающую потребность учителей-практиков в их методологическом оснащении для работы в воспитательном пространстве педагогики казачества. Автор справедливо отмечает, что проблема приобщения современных детей к традициям донских казаков особенно актуальна в свете поиска новых путей организации образовательного процесса.

Особого внимания заслуживает авторская трактовка конструирования модели воспитательного пространства дополнительного образования как взаимосвязи принципов и условий, влияющих на образовательный процесс, а также критериев и показателей внутреннего движения личностного смысла у учащихся в ходе этого процесса, когда учащиеся открывают для себя новые смыслы в традициях культуры российского казачества [2].

Уточненные научные представления о смысловом содержании понятия «приобщение», определение его категориального статуса, выявленные существенные характеристики «приобщения» позволили автору трактовать приобщение как психолого-педагогический процесс воспитательного характера в педагогике казачества, в основе которого лежит идентификация с культурой и традициями донских казаков, нахождение собственных личностных смыслов в пространстве воспитания.

Отрадно констатировать стремление исследователей казачьей культуры систематизировать процессы казачьего образования, прийти к общим позициям по ряду проблемных вопросов. В этом плане выделим статью Н.С. Матвеевой «Педагогика казачества» как социально-культурный феномен», посвященную анализу сущностного содержания понятия «педагогика казачества», как социально-культурного феномена [10]. Автором предпринята небезуспешная попытка систематизации понятийного аппарата педагогики казачества на основе

анализа научных работ теоретиков и практиков, работающих в соответствующем воспитательном пространстве. Н.С. Матвеева, рассматривая содержание понятия «педагогика казачества» с позиций системного подхода, приводит таблицу, в которой даны ряд определений понятия «педагогика казачества» отечественными учеными, педагогами-практиками, работающими в воспитательном пространстве казачьей педагогики [10]. Сопоставив данные определения, автор приходит к заключению, что педагогика казачества базируется на глубинной российской традиционности и в то же время реализует инновационный воспитательный потенциал казачьей культуры, который отвечает потребностям духовно-нравственного развития российского общества. Проведенный анализ позволил Н.С. Матвеевой констатировать, что педагогика казачества, как социально-культурный феномен, основанный на воспитательном потенциале самобытной казачьей культуры, как система воспитания «намного шире по сравнению с другими системами воспитания» и позволяет воспитывать молодое поколение «на примере духовно-нравственных и культурных традиций российского казачества, которые являются историческим образцом сознательного служения Отечеству» [10, с. 174].

Осуществленный нами научно-педагогический анализ работ авторов, обращаясь к содержательному наполнению термина «педагогика казачества», а также более ранние наши исследования процессов казачьего образования позволяют нам высказать собственную точку зрения на образовательные процессы в среде казачества [8; 9].

Начнем с определений. На наш взгляд, педагогика казачества это социокультурная концепция воспитания, основанная на традициях и инновациях культуры казачества Юга России, базовой основой которой в историко-культурной ретроспективе выступает система казачьего воспитания, отражающая сложную природу своего основного феномена. Педагогика казачества проявляется в определённом дуализме: с одной стороны это этнопедагогика сословной, субэтнической группы, с другой, это современная педагогическая концепция, выражающейся в идеалах, ценностях, смыслах, обычаях и ритуалах казачьего образа жизни [8]. Таким образом, педагогика казачества – это педагогика культуры, основанная на традиционных ценностях и идеалах культуры казачества, реализующая инновационный воспитательный потенциал, который накоплен более чем 30-летним периодом казачьего возрождения. Инновационность современной педагогики казачества характеризуется появлением новых форм и моделей учебно-воспитательной деятельности, образованием значительных духовно-воспитательных пространств, объединяющих социокультурные среды, определяющих её значительную социопрактическую направленность.

По нашему мнению, следует различать понятия «казачье образование» и «педагогика казачества». Если казачье образование, в широком смысле, это процесс и результат системы воспитания и обучения личности казака, а также совокупность, приобретаемых в процессах жизнедеятельности знаний, умений, практических навыков, мировоззрения, то педагогика казачества

как социокультурная концепция воспитания дополняет процессы казачьего образования, выявляет его закономерности и принципы, определяет роль образовательных процессов в развитии личности, разрабатывает практические пути и способы повышения их эффективности. Таким образом, современная педагогика казачества обретает характер целенаправленной деятельности педагогов, которая выражается в создании определённых условий жизнедеятельности детей, способствующих усвоению ими ценностей, идеалов и смыслов казачьей культуры.

Являясь производной российской культуры и шире российской цивилизации, педагогика казачества не может служить узким, утилитарным целям. Своей основной целью она ставит воспитание человека российской культуры, который будет соотносить свои действия по ценностям исторически присущим казачьей культуре, как то: свобода, народовластие, патриотизм, культурный плюрализм, державность, «служение Отечеству». Содержательной основой педагогики казачества является ментально-ценностный мир казачества России, призванный воспитывать патриотов, сограждан, людей свободных, способных к саморазвитию и совершенствованию на благо России.

В современных геополитических процессах, ориентирующих политику нашего государства на суверенизацию и парадигму многополярного мира, основой которых является российская цивилизация, российское образование рассматривается с цивилизационных позиций в тесной связи с общими геополитическими процессами, влияющими на выбор моделей развития российского общества [9]. В цивилизационной парадигме модернизации отечественного образования педагогика казачества предстает как выразитель русской матричной культуры и русской идеи в ее историко-культурном этногенезе [9]. В этой связи ей свойственны определенные закономерности образовательных процессов, как то: культурная альтернатива, господствовавшим столетиями тенденциям российского абсолютизма; выражающая культурно-исторические идеи народовластия, становление личности свободного (вольного) человека, укорененного в свою малую родину, культуру и историю России; воспитание молодёжи в духе патриотизма, формирование у молодых поколений на основе культуры и истории казачества общего евразийского культурного вектора; становление в сознании молодёжи психологической готовности к «служению Отечеству не за страх, а за совесть».

В данных социально-политических условиях представляет интерес концептуальная разработка социально-педагогической модели воспитания человека российской культуры – преемника и продолжателя российской цивилизации в ее евразийской сущности на основе воспитательного потенциала культуры казачества [9]. В евразийской парадигме, по мнению авторов, казачество являет собой одну из социально значимых идей российской цивилизации, а педагогика российского казачества в данной модели предстает в своем цивилизационном, феноменологическом осмыслении, позволяющим уяснить ее значимость в становлении и укреплении российской цивилизации, а также в процессах формирования российской национальной идентичности в прошлом, настоящем и будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быковский, В. Н. Особенности воспитания учащихся на примере культуры казачества : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Быковский Владимир Николаевич. – Пенза, 2002. – 23 с. – Текст : непосредственный.
2. Бурова, Н. В. Приобщение учащихся к традициям культуры донских казаков в дополнительном образовании : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Бурова Наталья Владимировна. – Саратов, 2017. – 25 с. – Текст : непосредственный.
3. В Минобрнауки России прошло первое заседание Ассоциации казачьих вузов. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/44089/> (дата обращения: 09.02.2023). – Текст : электронный.
4. Визер, В. Г. Военно-патриотическое воспитание учащихся на основе этнокультурных традиций русского казачества в России : монография / В. Г. Визер. – М., 2005. – 219 с. – Текст : непосредственный.
5. Горбунова, И. А. Художественно-игровые традиции педагогики казачества как средство формирования личности будущего режиссера : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Горбунова Ирина Алексеевна. – Карачаевск, 2002. – 23 с. – Текст : непосредственный.
6. Кашина, Н. И. Образовательно-культурная среда в учебных заведениях с казачьим кадетским компонентом / Н. И. Кашина. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 4. – С. 178–183.
7. Кураев, А. Н. Система казачьего образования в современной России / А. Н. Кураев. – Текст : непосредственный // Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности : сборник материалов трудов XII Международной научно-практической конференции (г. Москва, 15 февраля 2019 года). – М. : ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)», 2019. – С. 33–36.
8. Лукаш, С. Н. Казачество Юга России: от традиций к инновациям : монография / С. Н. Лукаш. – 2-е изд., перераб. и доп. – Армавир : РИО АГПУ, 2014. – 344 с. – Текст : непосредственный.
9. Лукаш, С. Н. Российская идентичность: созидательный потенциал культуры казачества : монография / С. Н. Лукаш, В. А. Зуев, К. В. Эпоева ; под общей редакцией доктора педагогических наук С. Н. Лукаша. – Армавир : РИО АГПУ, 2020. – 228 с. – Текст : непосредственный.
10. Матвеева, Н. С. «Педагогика казачества» как социально-культурный феномен / Н. С. Матвеева. – Текст : непосредственный // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа : материалы Тринадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции (г. Армавир, 12 ноября 2022 года) / под редакцией С. Н. Лукаша, А. А. Цыбулькиной. – Армавир : РИО АГПУ, 2022 – С. 173–176.
11. Мациевский, Г. О. Потенциал казачьего образования в формировании культуры межэтнических отношений / Г. О. Мациевский. – Текст : непосредственный // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья : материалы международной научно-практической конференции (г. Чита, 21 мая 2019 года). – Чита : Забайкальский государственный университет, 2019. – С. 168–171.

12. Петров, М. А. Основные этапы и векторы развития системы казачьего образования на Кубани в 1990–2020 гг. / М. А. Петров, А. А. Цыбулькикова. – Текст : непосредственный // Казачество на Северном Кавказе: современное состояние и образ будущего : материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Новочеркасск, 25–26 ноября 2022 года). – Новочеркасск : Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2022. – С. 241–248.

13. Скиба, К. В. О единой концепции преподавания истории российского казачества / К. В. Скиба. – Текст : непосредственный // Кубанская школа. – 2021. – № 3 (63). – С. 70–73.

14. Указ Президента Российской Федерации от 09.08.2020 № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45821> (дата обращения: 23.03.2023). – Текст : электронный.

REFERENCES

1. Bykovskiy V. N. *Osobennosti vospitaniya uchaschikhsya na primere kul'tury kazachestva* [Features of education of students on the example of the culture of the Cossacks]. Penza, 2002. 23 p. (In Russian).

2. Burova N. V. *Priobshcheniye uchaschikhsya k traditsiyam kul'tury donskikh kazakov v dopolnitel'nom obrazovanii* [Introducing students to the traditions of the culture of the Don Cossacks in additional education]. Saratov, 2017. 25 p. (In Russian).

3. *V Minobrnauki Rossii proshlo pervoye zasedaniye Assotsiatsii kazach'ikh vuzov* [The first meeting of the Association of Cossack universities was held at the Ministry of Education and Science of Russia]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/44089/>. (In Russian).

4. Vizer, V. G. *Voyenno-patrioticheskoye vospitaniye uchaschikhsya na osnove etnokul'turnykh traditsiy russkogo kazachestva v Rossii* [Military-patriotic education of students based on the ethno-cultural traditions of the Russian Cossacks in Russia]. M., 2005. 219 p. (In Russian).

5. Gorbunova I. A. *Khudozhestvenno-igrovyye traditsii pedagogiki kazachestva kak sredstvo formirovaniya lichnosti budushchego rezhissera* [Artistic and game traditions of Cossack pedagogy as a means of shaping the personality of the future director]. Karachayevsk, 2002. 23 p. (In Russian).

6. Kashina N. I. Educational and cultural environment in educational institutions with a Cossack cadet component. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii = Pedagogical education in Russia*, 2012, no. 4, pp. 178–183. (In Russian).

7. Kurayev A. N. The system of Cossack education in modern Russia. *Sovremennyye informacionnyye tekhnologii v obrazovanii, nauke i promyshlennosti = Modern information technologies in education, science and industry*. M., Moscow State University of Technology and Management K.G. Razumovsky, 2019, pp. 33–36. (In Russian).

8. Lukash S. N. *Kazachestvo Yuga Rossii: ot traditsiy k innovatsiyam* [Cossacks of the South of Russia: from traditions to innovations]. Armavir, RIO AGPU, 2014. 344 p. (In Russian).

9. Lukash S. N., Zuyev V. A., Epoyeva K. V. *Rossiyskaya identichnost': sozidatel'nyy potencial kul'tury kazachestva* [Russian identity: the creative potential of the culture of the Cossacks]. Armavir, RIO AGPU, 2020. 228 p. (In Russian).

10. Matveyeva N. S. "Pedagogy of the Cossacks" as a socio-cultural phenomenon. *Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza = From the history and culture of the linear Cossacks of the North Caucasus*. Armavir, RIO AGPU, 2022, pp. 173–176. (In Russian).

11. Matsiyevskiy G. O. The potential of Cossack education in the formation of a culture of interethnic relations. *Ukreplenie edinstva rossijskoj nacii i etnokul'turnoe razvitiye narodov Zabajkal'ya = Strengthening the unity of the Russian nation and the ethno-cultural development of the peoples of Transbaikalia*. Chita, Zabaikalsky State University, 2019, pp. 168–171. (In Russian).

12. Petrov M. A., Tsybul'nikova A. A. The main stages and vectors of development of the system of Cossack education in the Kuban in 1990–2020. *Kazachestvo na Severnom Kavkaze: sovremennoe sostoyanie i obraz budushchego = Cossacks in the North Caucasus: current state and image of the future*. Novocherkassk, South Russian State Polytechnic University named after M.I. Platova, 2022, pp. 241–248. (In Russian).

13. Skiba, K. V. On a unified concept of teaching the history of the Russian Cossacks. *Kubanskaya shkola = Kuban School*, 2021, no. 3 (63), pp. 70–73. (In Russian).

14. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.08.2020 № 505 "Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v otnoshenii rossiyskogo kazachestva na 2021–2030 gody"* [Decree of the President of the Russian Federation of August 9, 2020 No. 505 "On Approval of the Strategy of the State Policy of the Russian Federation towards the Russian Cossacks for 2021–2030"]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45821>. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лукаш, С. Н. Педагогика казачества в постсовременном образовательном пространстве (научно-педагогический обзор) / С. Н. Лукаш, И. В. Концевич, К. В. Эпоева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 30–40.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Lukash S. N., Kontsevich I. V., Epoeva K. V. Pedagogy of the Cossacks in the Post-Modern Educational Space (Scientific and Pedagogical Review) / S. N. Lukash, I. V. Kontsevich, K. V. Epoeva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 30–40. (In Russian).

УДК 378(355.23).16.2:004.9

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ
РЕАЛИЗАЦИИ МЕНТАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО ПОДХОДА
В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ
ФИЗИКО-ТЕХНИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ**

А.В. Паленый

**EXPERIMENTAL STUDY OF THE EFFECTIVENESS
OF THE IMPLEMENTATION OF THE MENTAL-PERSONAL APPROACH
IN THE TRAINING OF FOREIGN MILITARY SPECIALISTS
IN PHYSICAL AND TECHNICAL DISCIPLINES**

A.V. Palenyi

Аннотация. В статье рассматриваются результаты решения проблемы повышения эффективности обучения физико-техническим дисциплинам иностранных военных специалистов. Доказано, что в этом процессе необходим учет этнического мышления как когнитивно-операционального компонента менталитета этноса, предполагающего наличие особенностей в восприятии информации каждым его представителем в соответствии с собственной ментальной программой. Обсуждаются основные черты «незападного» и «западного» типа мышления, связь с ними образовательного процесса. Кратко охарактеризованы ментально-личностный подход и ментально-ориентированная педагогическая технология, которая затем применена при экспериментальном преподавании. Описаны и проанализированы результаты.

Abstract. The article discusses the results of solving the problem of improving the effectiveness of teaching physical and technical disciplines to foreign military specialists. It is proved that in this process it is necessary to take into account ethnic thinking as a cognitive-operational component of the mentality of an ethnic group, assuming the presence of features in the perception of information by each of its representatives in accordance with their own mental program. The main features of the "non-Western" and "Western" types of thinking and the connection of the educational process with them are discussed. The mental-personal approach and the mentally-oriented pedagogical technology, which is then applied in experimental teaching, are briefly described. The results are described and analyzed.

Ключевые слова: ментальность, этническое мышление, специальная терминология, ментально-ориентированная педагогическая технология.

Keywords: mentality, ethnic thinking, special terminology, mentally-oriented pedagogical technology.

Обучение иностранных военнослужащих в российских военных вузах постоянно совершенствуется вслед за изменениями в российском высшем образовании вообще. Существует ряд давно сложившихся проблем теоретического плана, в частности поиск новых эффективных подходов к реализации относительно краткосрочной подготовки, когда хорошее освоение русского языка невозможно, а группы обучающихся часто смешанного состава. Слушатели

с различным уровнем подготовки, спецификой восприятия и мышления испытывают серьезные затруднения. Исследований в этой области немного, и только часть предлагает учитывать национальные особенности [1; 3]. В данной статье мы рассмотрим возможное решение проблемы подготовки иностранных военных слушателей на основе учета ментальных особенностей этноса.

В начале 20-го века во Франции Альфредом Бине было проведено первое тестирование обучаемых с целью определения их интеллектуальных способностей. Далее Льюисом Терманом система тестов была доработана и опубликована. Опубликование теста Термана в США привлекло большое внимание к вопросу о способностях и навыках людей, недавно иммигрировавших в страну [5]. Опираясь на авторитетные исследования, можно выдвинуть предположение: существует явное различие в приеме и обработке информации отдельными этнотипами, осознание полученной информации является особенностью менталитета этноса. В подтверждение наших слов приведем высказывание В.Г. Белинского: «Гайна национальности каждого народа заключается не в его одежде и кухне, а в его, так сказать, манере понимать вещи... Самобытность каждого народа заключается в особенном образе мыслей и взгляде на предметы, в языке и, более всего, в обычаях, без которых народ есть образ без лица» [1, с. 165].

Поскольку существует этническое мышление – ментальность, значит, можно объяснить, почему некоторые этнотипы иностранных учащихся воспринимают предлагаемую в традиционной для нас форме информацию с трудом. Дело не только в том, что они плохо понимают язык обучения, но и в том, что методы и приемы, используемые преподавателем им чужды и непонятны, не учитывают особенностей менталитета (включающего ценности, особенности общения и взаимодействия и т. п.) [11].

Достаточно ярко проблема понимания проявляется при обучении физико-техническим дисциплинам, т. к. к общим проблемам добавляются проблемы недостаточности (или отсутствия) подготовки по физике на всех уровнях национального образования, а также необходимость освоения терминологии, не имеющей аналогов в родном языке [3; 6; 7; 8]. Для специалистов с необходимостью достаточной физико-технической подготовки поиск путей ее обеспечения особенно актуален.

Эффективного восприятия учебной информации можно добиться путем обоснованного подбора метода предложения знания обучаемому, обладающему определенной ментальной программой – когнитивно-операциональным компонентом (познавательной составляющей) менталитета. Когнитивно-операциональный компонент можно определить как призму, через которую воспринимается поток информации из окружающего мира, с набором парадигм, в соответствии с которыми человек реализует потребность в получении знаний.

Этот компонент менталитета реализует определенный порядок восприятия текущей информации с учетом сложившейся системы и стиля мышления и формирует оценку получаемой информации совершенно особенно, отлично от оценки восприятия этой же информации другим этносом.

Стили мышления формируются под прямым воздействием культуры этноса, что прямо связано с языком этноса. И при условии получения текущей информации на неродном языке, усвоение получаемой информации будет неразрывно связано с поиском совпадения ассоциативного ряда языка обучения и родного языка. Некоторые этнические культуры не имеют в своем словаре определенных терминов, например, физических, технических. Это может быть связано с отсутствием широкого технического развития нации или некоторыми особенностями в начальном и среднем образовании [12].

Приведенное предположение обосновывает идею применения подхода, который включает в разьяснения термина понятийного аппарата родного языка обучаемого (ассоциации родного языка) – метод, предполагающий опору на знание особенностей ментальности конкретной этнической группы обучаемых. Изучение специальной терминологии иностранцами на неродном языке опирается не только на понятийные устои родного языка обучаемого. Предложение учебной информации с учетом когнитивных принципов усвоения знаний (менталитетом) и в соответствии с ассоциативным рядом родного языка будет являться залогом успешной передачи знаний и формирования стимула получения знаний.

Такое обучение должно быть личностно-ориентированным (личностно-развивающим) [2] и строиться на основе ментально-ориентированной образовательной технологии. Эта технология опирается на отношение к обучаемому как к объекту сотрудничества в профессиональной области с учетом взаимодействия двух этнических культур – культуры обучаемого и культуры страны обучения. «Личностно-ориентированное обучение – это такое обучение, в котором принимаются во внимание индивидуальные особенности обучаемого, личность является тем субъектом, на который и направлен процесс обучения». Целью личностно-ориентированного обучения является развитие индивидуальности полноценной личности [10]. Мы объединили рассмотренные два подхода в единый ментально-личностный.

Обучающая технология, опирающаяся на идеи ментально-личностного подхода, должна быть направлена на самореализацию личности путем саморазвития когнитивно-этнических способностей и освоения знаний методами, учитывающими ментальные особенности обучаемых [2; 5]. Мотивами процесса обучения являются перспективы профессионального роста и смыслового профессионального будущего личности при приобретении уверенности в достаточности своей подготовки при обучении в российском вузе. Ментально-ориентированная образовательная технология предполагает сочетание личностно-значимой учебной деятельности обучаемого и педагогической деятельности преподавателя, направленных на развитие личности, на удовлетворение индивидуальных потребностей в получении знаний, и предполагает использование средств обучения в виде разноуровневых личностно ориентированных заданий, разработанных с учетом ментально-когнитивных особенностей обучаемых, электронного учебного пособия, соединяющего разноязычную терминологию.

Методами опытно-экспериментальной работы выступили: анкетирование, наблюдение, кросс-культурный, проектирование учебных материалов и учебной деятельности, экспериментальное обучение, тестирование, статистическая обработка результатов.

В качестве рабочей гипотезы опытно-экспериментальной работы взято предположение, что реализация ментально-личностного подхода при представлении, обсуждении и применении учебного материала через адаптацию учебной информации, подбор и разработку специальных методик, приемов, средств обучения сделает процесс обучения более эффективным и продуктивным.

Необходимо отметить, что констатирующий этап эксперимента проводился в течение двух лет, с экспериментальными группами различного типа этнического формирования, но одного курса обучения, одной специальности и одного этноса. Экспериментальному исследованию подвергались группы обучаемых из Лаоса. Интерес к этому этносу был проявлен не случайно, поскольку представители стран Юго-Восточной Азии всегда требовали особого подхода в обучении. Было установлено, что в процессе обучения у иностранных военных слушателей проявляются трудности объективного характера, связанные с владением специальной физико-технической терминологией, с диалоговым общением с преподавателем, а также по ходу занятий, где используется проблемный или эвристический метод организации занятия.

Результаты констатирующего этапа подтверждают правильность рабочей гипотезы и позволяют дополнительно сформулировать ряд условий, в том числе условие необходимости использования родного языка обучаемых как третьего в дополнение к русскому и языку-посреднику (в рамках учебного пособия).

В качестве основной гипотезы исследования мы определили следующую: обучение физико-техническим дисциплинам иностранных военных специалистов и формирование у них основных компонентов профессиональных компетенций в полиэтнокультурной образовательной среде военного вуза будет эффективным, если:

- опирается на методологию ментально-личностного подхода в организации процесса подготовки иностранных военных специалистов;
- процесс обучения построен с учетом особенностей этнического менталитета и полученного образования (восприятия, понимания, усвоения);
- содержание обучения адаптировано к научно-культурному уровню развития иностранных военных специалистов;
- в основу обучения физико-техническим дисциплинам иностранных военных специалистов положена ментально-ориентированная технология;
- в образовательную среду военного вуза включены специально разработанные средства – методические рекомендации, электронное учебное пособие.

В соответствии с ней были подготовлены материалы и другие средства, подобраны методы и приемы, формы организации деятельности, все это объединила ментально-ориентированная образовательная технология, разработанная в ходе поискового этапа.

Экспериментальное обучение было выстроено в соответствии с определенной логической последовательностью и включало следующие виды деятельности обучающихся:

- восприятие учебного материала;
- осмысление, доведенное до понимания внутренних связей и противоречий;
- запоминание и сохранение в памяти изученного материала;
- применение усвоенного в практической деятельности путем выстраивания логических цепочек между полученным знанием и предметом приложения знания.

Поисковый этап опытно-экспериментальной работы был направлен на разработку системы подготовки иностранных военных специалистов в полиэтнокультурной образовательной среде военного вуза, модели ментально-ориентированной образовательной технологии обучения физико-техническим дисциплинам иностранных военных специалистов, методики обучения иностранных военных специалистов физико-техническим дисциплинам на основе ментально-личностного подхода с использованием разработанного электронного учебного пособия. Проводилась частичная апробация идей исследования.

Поскольку менталитет является интегральной характеристикой этнических групп, то изучение особенностей обучаемости носителей определенного менталитета целесообразно проводить при использовании сравнительно-культурных методов (например кросс-культурного). Сравнительные характеристики выделены при исследовании «незападного» и «западного» типа мышления [4], к первому относятся обучаемые из Юго-Восточной Азии, ко второму – представители традиционной системы российского образования – преподаватели. Выделив черты характера обоих этнотипов, можно искать точки соприкосновения для подбора методов и приемов наивысшей эффективности.

Коротко охарактеризуем названные типы мышления. «Западный» тип характеризуется доминантой словесно-аудиального и визуального стиля, нет зависимости от контекста. Опирается на абстрактный и дедуктивный тип мышления, наличие аналитичности, импульсивности с восприятием информации в быстром темпе. Предпочитает изучение новой информации, сопряженное с частой сменой деятельности и работой в группе. Имеется преобладание абстрактного типа мышления, ценности индивидуализации, концентрации на различиях, контрастах. Выбирает контроль преимущественно в виде тестовых заданий. При этом типе обучаемый – центр процесса образования, обучающий – сопровождающее лицо [4].

Для «незападного» типа характерна доминанта аудиального и кинестетического стиля, при анализе – склонность выделения общих черт, зависимость от контекста, стремление к осознанию полной картины происходящего, синтетичности, высокая роль интуиции, образная манера построения своих мыслей, эффективно сосредоточение на одной деятельности. Обучающий организует и ведет учебный процесс, обучаемый копирует и моделирует под себя полученную информацию [10].

Различны способы работы с информацией – все, что говорит преподаватель, воспринимается как истина, при использовании эвристического, проблемного, исследовательского методов «незападные» обучаемые, в соответствии со своим менталитетом, испытывают трудности, они не могут удержаться в привычном для нас быстром, жестком ритме информационного монолога и в результате малоуспешны.

Наблюдения за представителями Лаосской Народно-Демократической Республики (ЛНДР) подтвердили наличие у них «незападного» типа мышления.

Рассмотрим организацию обучения контрольной (сложившаяся система обучения) и экспериментальной (с использованием ментально-ориентированной технологии) группы. Особенности обучения описаны в Рабочей программе учебно-методического комплекса дисциплины – используются элементы лекции, самостоятельной работы с информационными источниками и синтез проблемного, проектного и эвристического обучения.

В ходе эксперимента, на начальной его стадии (1 и 2 темы), личный состав контрольной и экспериментальной группы обучался на основе типовых планов подготовки по дисциплине, достигая индикаторов компетенций в разделах «знать», «уметь», «владеть» приемами проблемного и эвристического обучения. Далее образовательный процесс в экспериментальных группах велся в соответствии с технологией ментально-ориентированного обучения.

На основании особенностей лаосской ментальности были выбраны информационно-рецептивный и репродуктивный методы как основа ментально-ориентированной технологии. Информационно-рецептивный и репродуктивный методы предполагают использование характерных для «незападного» подхода доминанты аудиального и кинестетического стиля. Восприятие информации, получаемой с помощью рецептивных и репродуктивных методов и приемов, основано на образах, формируемых в чувственной зоне памяти обучаемого, что предполагает использование методических средств, стимулирующих эмоции, ощущения.

Учебный материал дисциплины построен модулями, каждый из них объединяет лекцию и ряд практических занятий. В качестве форм ведения занятий использовались лекция, рассказ, объяснение, работа на тренажере, работа с книгой, использование иллюстраций, видеофрагментов, где звуковое сопровождение ключевых фрагментов ведется на лаосском языке (предусмотрено в электронном учебнике).

Лекция ведется рецептивно-иллюстративным методом с использованием значительного количества устной информации, которую обучаемые фиксируют в конспектах. Слушатели из ЛНДР хорошо и быстро пишут, создавая достаточно полные и качественные конспекты. На лекции выдается задание на следующее практическое занятие, где отражены вопросы, которые обучаемый должен самостоятельно изучить на самоподготовке, список литературы с которой необходимо ознакомиться в ходе подготовки к занятию.

Изучение дисциплины предлагаем вести по схеме перевернутого обучения [8], что предполагает самостоятельное предварительное знакомство с материалом с помощью электронного учебника, находящегося в компьютере

обучаемых, а также предварительный контроль усвоения учебного материала. Наиболее эффективный метод контроля – тестирование. Тест выполняется на автоматизированных рабочих местах, имеющих сетевое соединение с компьютером-сервером, который установлен у преподавателя. Тестовые ответы отображаются у преподавателя в виде диаграммы, где в процентном соотношении фиксируется качество усвоенной информации. Таким образом, при низком проценте оценок по какому-либо вопросу, выявленному в ходе теста, преподаватель может принять решение на дополнительное объяснение уже изученного материала.

Учебное пособие, разработанное нами для слушателей из ЛНДР, содержит учебный материал, сопровождаемый визуализацией знаний, которая позволяет сократить время объяснения отдельных понятий преподавателем. Яркая видео- и фотоинформация объемно характеризует изучаемые процессы, формируются наглядно-чувственные образы с дальнейшей целью преобразовать их в информационные модели. Информационные модели – ментальные карты предлагаемой информации. В конце глав содержатся ситуационные задания, алгоритм решения которых учащиеся находят в тексте. Таким образом обеспечивается проблемность и практическая направленность изучаемого материала.

Поскольку обучаемые из ЛНДР имеют склонность к кинестетике, то практическая работа должна включать операции по сборке-разборке, измерению, выполнению других механических действий. Вследствие способности к сосредоточенности на одной деятельности для полного усвоения учебного материала важно использовать практические действия – выполнение несложных заданий позволяет кинестетикам зафиксировать образы, связав теоретические знания с практическим навыком, сделав закладку в образном древе памяти, которая легко раскрывается в нужное время. Кинестетику нужно задать алгоритм действий, которые он запомнит [11].

При проведении опытно-экспериментальной работы были реализованы все виды контроля:

- предварительный – обеспечивает наблюдение за процессом усвоения знаний, приобретения умений и навыков, усвоенных на занятии;
- тематический – позволяет определить достижения поставленных целей в процессе обучения;
- итоговый – направлен на определение результативности обучения и формулировку выводов.

Предварительный контроль проводился с помощью тестов, обеспечивал обратную связь, позволял собрать рейтинговый материал для проведения анализа эффективности предлагаемой системы. Динамика процесса подготовки обучаемых анализировалась на основе замеров сформированности отобранных для эксперимента компонентов компетенций (ОК-1, ОК-2, ОК-3 и ПК-1.2) в соответствии с требованиями фонда оценочных средств УМКД дисциплины.

Для понимания динамики усвоения знаний и умений был определен исходный уровень подготовки слушателей из контрольной и экспериментальной групп, затем, в соответствии с планом дисциплины, – по итогам изучения середины курса (4 тема) и на завершающем этапе (в виде зачета с оценкой – ЗСО).

На исходном этапе, используя предварительный контроль на занятии, в ходе опроса были получены оценки начального уровня сформированности знаний и умений, входящих в компетенции, и установлено, что максимальная разница между оценками, полученными в ходе обучения, составляет не более 0,04 %. На основе этих данных можно сделать вывод о том, что уровень знаний испытуемых групп на начальном этапе эксперимента почти равный.

После завершения 3 месяцев обучения вновь был проведен замер уровня подготовки обучаемых в экспериментальных и контрольных группах. Результаты в экспериментальных группах более чем в 4 раза стали превосходить результаты в контрольных по качеству (количество отличных и хороших оценок). В последующем бурный рост успеваемости обучающихся экспериментальных групп прекратился, контрольные группы начали выравнивать качество успеваемости. По окончании всего периода экспериментального обучения был проведен итоговый контроль качества подготовки, а значит и эффективности обучения на основе применения ментально-ориентированного подхода. Анализ полученных данных показал, что общий уровень подготовки в сравнении с исходным уровнем достиг разницы в 13 %. Экспериментальные группы превосходили контрольные по качеству почти в три раза – большее количество хороших оценок и отсутствие удовлетворительных. Также нужно заметить, что в экспериментальных группах, обучающихся по ментально-ориентированной методике количество отличных оценок, сравнительно невелико, что указывает на смещение индивидуального успеха в пользу общественного (отсутствие удовлетворительных и неудовлетворительных оценок в группе). Это ожидаемый эффект, поскольку «незападный» стиль мышления характерен для коллективистских структур, где ответственность коллективная и интересы общества выше личных.

При помощи непараметрического критерия достоверности различий для несвязанных выборок (U критерия Манна-Уитни) было доказано, что обучение физико-техническим дисциплинам иностранных военных специалистов и формирование у них основных компонентов профессиональных компетенций в полиэтнокультурной образовательной среде военного вуза эффективно, если опирается на методологию ментально-личностного подхода и реализует ментально-ориентированную технологию.

Накопленный опыт и проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Подготовка иностранных военных слушателей в условиях военного вуза должна строиться с учетом новых возможностей образовательной среды, в частности, необходимо создание различных ресурсов с текстовым или аудиальным двуязычным сопровождением, с визуальным рядом. В идеале это должны быть программы-тренажеры, в том числе для освоения теоретического материала, с синхронным переводчиком подобные ресурсы позволят преподавателю более свободно подбирать формы работы с обучающимися соответственно особенностям их восприятия, мышления, формирования умений. Учет этнических и культурных особенностей иностранных слушателей обеспечит их более

качественную подготовку, что, в свою очередь, сделает ее потенциально более востребованной, а опирающиеся на нее военно-промышленные международные связи более прочными, повысит престиж российской армии в мировом пространстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова, А. Е. Условия образования и признаки нации / А. Е. Антонова. – Текст : непосредственный // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2011. – № 166. – С. 163–165.
2. Асмолов, А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А. Г. Асмолов. – М. : Академия: Смысл, 2007. – 528 с. – Текст : непосредственный.
3. Кожевникова, М. Н. Интеграция иностранных обучающихся в образовательную среду российского вуза на основе национально ориентированного подхода : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Кожевникова Мария Николаевна. – М., 2019. – 25 с. – Текст : непосредственный
4. Мацумото, Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – СПб. : Питер, 2003. – 718 с. – Текст : непосредственный
5. Пушкарев, Л. Н. Что такое менталитет? / Л. Н. Пушкарев. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 158–166.
6. Рякина, О. Р. Интенсификация обучения иностранных военнослужащих специальной военной речи в авиационных вузах ВС РФ : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Рякина Ольга Романовна. – М. : ВУ, 2007. – 495 с. – Текст : непосредственный.
7. Тенитилов, П. С. Обучение иностранных военнослужащих на основе принципа доступности : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Тенитилов Павел Сергеевич. – М. : Микрочип, 2018. – 24 с. – Текст : непосредственный.
8. Фетисова, Е. В. Методика проведения практических занятий по физике с иностранными студентами, обучающимися с использованием языка-посредника / Е. В. Фетисова. – Текст : непосредственный // Инновационная наука. – 2015. – № 12-2. – С. 273–277.
9. Хофстеде, Г. Организационная культура: понятия, составляющая, характеристика / Г. Хофстеде. – М. : БЕК, 2008. – 198 с. – Текст : непосредственный.
10. Ярцев, А. А. Генезис развития социально-профессиональной мобильности будущего педагога / А. А. Ярцев. – Текст : непосредственный // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2009. – Т. 15. – С. 105–108.
11. Albert R. D. The inter cultural sensitizer or culture as simulator: A cognitive approach // Handbook of intercultural training / Ed. by D. Landis, R. W. Brislin. New York : Pergamon Press, 1983. Vol. 2. P. 186–217.
12. Bargal D., Bar H. A Lewinian approach to intergroup workshops for Arab-Palestinian and Jewish youth // Journal of Social Issues. 1992. Vol. 48 (2). P. 139–154.

REFERENCES

1. Antonova A. E. Conditions of education and signs of the nation. *Nauchnyj vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoj aviacii = Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation*, 2011, no. 166, pp. 163–165. (In Russian).

2. Asmolov A. G. *Psihologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka* [Personality psychology: cultural and historical understanding of human development]. M., Academy: Sense, 2007. 528 p. (In Russian).
3. Kozhevnikova M. N. *Integraciya inostrannyh obuchayushchihsya v obrazovatel'nyu sredu rossijskogo vuza na osnove nacional'no orientirovannogo podhoda* [Integration of foreign students into the educational environment of the Russian university on the basis of a nationally oriented approach]. M., 2019. 357 p. (In Russian).
4. Matsumoto, D. *Psihologiya i kul'tura* [Psychology and Culture]. SPb., Peter, 2003. 718 p. (In Russian).
5. Pushkarev L. N. What is mentality? *Otechestvennaya istoriya = Domestic history*, 1995, no. 3. pp. 158–166. (In Russian).
6. Ryakina O. R. *Intensifikaciya obucheniya inostrannyh voennosluzhashchih special'noj voennoj rechi v aviacionnyh vuzah VS RF* [Intensification of training of foreign servicemen of special military speech in aviation universities of the Armed Forces of the Russian Federation]. M., WU, 2007. 495 p. (In Russian).
7. Tenitilov P. S. *Obuchenie inostrannyh voennosluzhashchih na osnove principa dostupnosti* [Training of foreign servicemen on the basis of the principle of accessibility]. M., 2018. 24 p. (In Russian).
8. Fetisova E. V. Methods of conducting practical classes in physics with foreign students studying using an intermediary language. *Innovacionnaya nauka = Innovative Science*, 2015, no. 12-2, pp. 273–277. (In Russian).
9. Hofstede G. *Organizacionnaya kul'tura: ponyatiya, sostavlyayushchaya, harakteristika* [Organizational culture: concepts, component, characteristics]. M., BEK, 2008. 198 p. (In Russian).
10. Yartsev A. A. Genesis of the development of socio-professional mobility of the future teacher. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova = Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov*, 2009, vol. 15, pp. 105–108. (In Russian).
11. Albert R. D. *The intercultural sensitizer or culture assimilator: A cognitive approach*. Handbook of intercultural training, ed. by D. Landis, R. W. Brislin. New York, Pergamon Press, 1983, vol. 2, pp. 186–217.
12. Bargal D., Bar H. A Lewinian approach to intergroup workshops for Arab-Palestinian and Jewish youth. *Journal of Social Issues*, 1992, vol. 48 (2), pp. 139–154.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Паленый, А. В. Экспериментальное исследование эффективности реализации ментально-личностного подхода в обучении иностранных военных специалистов физико-техническим дисциплинам / А. В. Паленый. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 41–50.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Palenyi A. V. Experimental Study of the Effectiveness of the Implementation of the Mental-Personal Approach in the Training of Foreign Military Specialists in Physical and Technical Disciplines / A. V. Palenyi // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 41–50. (In Russian).

УДК 378

**ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ
У СТУДЕНТОВ С ОВЗ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ
НАВЫКОВ РАБОТЫ С ИКТ**

С.Р. Хабльева

**PRACTICAL EXPERIENCE IN THE FORMATION
OF ICT SKILLS
AMONG STUDENTS WITH DISABILITIES**

S.R. Khablieva

Аннотация. В статье анализируется опыт формирования у студентов с ОВЗ и инвалидностью навыков работы с ИКТ. Автором изучено состояние вопроса в научной литературе, проанализированы следующие понятия: «навыки», «ИКТ-компетентность», «навыки работы с ИКТ». В статье обоснована необходимость формирования у студентов с ОВЗ и инвалидностью навыков работы с ИКТ и рассматриваются основные направления обучения студентов. Умение использовать ИКТ в процессе обучения (доклады, рефераты, электронные библиотеки и т. д.), социальные сети развивают самостоятельность и ускоряют процесс социализации студентов с ОВЗ и инвалидностью.

Abstract. The article analyzes the experience of developing ICT skills among students with disabilities and disabilities. The author studied the state of the issue in the scientific literature, analyzed the following concepts: "skills", "ICT competence", "ICT skills". The article substantiates the need for the formation of ICT skills among students with disabilities and disabilities and discusses the main areas of student learning. The ability to use ICT in the learning process (reports, essays, electronic libraries, etc.), social networks develop independence and accelerate the process of socialization of students with disabilities and disabilities.

Ключевые слова: навыки, информационные технологии, инклюзивное образование, профессиональный стандарт педагога, ИКТ-компетентность.

Keywords: skills, information technology, inclusive education, teacher's professional standard, ICT competencies.

В Российской Федерации происходит трансформация многих составляющих образовательной системы, в частности, одним из приоритетных направлений ее совершенствования является обучение лиц с ОВЗ и инвалидностью. Для обеспечения доступности для таких обучающихся важна специально организованная образовательная среда, учитывающая особенности их психофизического развития и состояния здоровья, позволяющая повысить качество их образования. «Инклюзивное образование реализуется на всех уровнях: дошкольном, общем, среднем профессиональном и высшем образовании и создает безбарьерную среду в обучении и профессиональной подготовке людей с ОВЗ» [3, с. 15]. Активно ведется поиск новых более эффективных форм организации деятельности, методов и средств, разрабатываются специальные ресурсы и техническая поддержка.

Анализ программ курсов повышения квалификации (на сайтах институтов повышения квалификации они предоставлены в свободном виде), показал, во всех курсах присутствует раздел, посвященный обучению лиц с ОВЗ и инвалидностью, но в основном он не отражает, на наш взгляд, актуальности этого направления. Так как в Федеральные государственные стандарты для детей с ОВЗ и инвалидностью введены с 1 сентября 2016 г. (Приказ от 19 декабря 2014 г. № 1598), то в настоящее время актуальность уже ясна всем. На курсах повышения квалификации, посвящённых особенностям обучения лиц с ограниченными возможностями, в учебный план включены темы, отражающие нормативно-правовые нормы обучения лиц с ОВЗ и инвалидностью: «Государственная политика в сфере по инвалидов и лиц с ОВЗ», «Организация обучения студентов с инвалидностью и ОВЗ с различными нозологиями в системе по: направления, технологии и методы» и т. д. При этом в курсах повышения квалификации не рассматриваются методические основы проведения занятий (попредметно) с группами, в которых имеются лица с ОВЗ и инвалидностью (в школе – классы). Именно это направление является очень актуальным, так как обучать одну категорию людей значительно легче, чем смешанные общеобразовательные группы, в которых люди без ОВЗ или инвалидности и лица с ОВЗ или инвалидностью. Важная роль при этом отводится информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), так как они ускоряют процесс социализации лица с ОВЗ / инвалидностью.

Все вышесказанное определило актуальность темы нашего исследования: «Обобщение практического опыта формирования навыков работы с ИКТ у студентов с ОВЗ и инвалидностью».

Студенты с ОВЗ и инвалидностью должны иметь равные со всеми образовательные возможности. По мнению А.А. Карасёвой, существует две формы обучения лиц с ОВЗ, которые взаимосвязаны:

- инклюзивное образование. С помощью интеграции в общеобразовательную систему все дети независимо от их интеллектуальных, психофизических или других особенностей могут учиться по месту жительства вместе со своими сверстниками без инвалидности. В школах общего типа для них предоставляют необходимую специальную поддержку и учитывают их особые образовательные потребности;

- индивидуальное обучение. У детей есть индивидуальные образовательные траектории, которые реализуются чаще всего через домашнее обучение [4, с. 105].

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ трактует инклюзивное образование как «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [7, ст. 2].

А.А. Карасёва определяет инклюзивное образование как «включение ребенка с особыми образовательными потребностями в образовательное пространство школы, адаптированное под его возможности» [4, с. 105].

С.В. Мамаева, А.В. Рубцов, Л.С. Шмульская считают, что «организация учебного процесса в вузе, а особенно в педагогическом, направлена не только на получение конкретных знаний по тем или иным дисциплинам, но и на формирование представления о том, где и каким способом эти знания можно самостоятельно получить и успешно применить. Только осознав необходимость самостоятельного добывания знаний и усвоив механизмы формирования компетенций, будущие учителя смогут научить и детей» [5, с. 269–270].

Первоначально нашей задачей являлась формирование у студентов с ОВЗ / инвалидностью ИКТ-компетентности. Мы проанализировали определение ИКТ-компетентности и спланировали ее развитие для этой категории обучающихся.

На первом этапе мы рассмотрели текстовый редактор.

На втором этапе – создание презентаций.

На третьем этапе – работу в сети Интернет.

Но данный подход оказался ошибочным. Перед тем как формировать компетенции, необходимо сформировать у них навыки работы с ИКТ.

Под информационно-коммуникационными технологиями (далее – ИКТ) понимают «все технологии в сфере образования, использующие специальные технические информационные средства (компьютер, аудио, кино, видео) для достижения педагогических целей» [8, с. 5].

ИКТ-компетентность – одна из ключевых компетентностей современного человека, которая проявляется, прежде всего, в умении использовать компьютер, средства телекоммуникаций, Интернет и др. в своей деятельности при решении различных задач [2, с. 130–131].

Для студентов важно умение использовать ИКТ в своей образовательной деятельности. Все вузы имеют доступ к различным электронным библиотекам, поэтому каждому студенту необходимо умение находить нужную информацию, обрабатывать ее, уметь ее интегрировать, оценивать, генерировать и передавать с помощью ИКТ-технологий.

При поиске ответа на вопрос «Почему после окончания школы у детей с ОВЗ и инвалидностью не сформированы навыки работы с ИКТ?» мы проанализировали возможности обучения данной категории обучающихся в Республике Северная Осетия – Алания. Анализ показал, что обучение детей с ОВЗ и инвалидностью осуществляется на достаточно высоком уровне. Оно в республике было организовано в 2009 году в рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование» (ПНПО). Во исполнение поручения Правительства республики Северная Осетия – Алания (от 28.08.2009 № 167-р) на базе ГБОУ СОШ г. Беслана был создан Центр дистанционного образования детей-инвалидов с современной материально-технической базой. Возможность получить качественное образование появилась у детей, которые раньше не могли посещать школу по состоянию здоровья. Дистанционно обучаются дети из всех муниципальных образований республики, в том числе отдаленных сельских районов. Благодаря индивидуализации обучения каждый ребенок занимается

по своему графику и в удобном для него темпе. Продолжительность занятия зависит от физических возможностей самого обучающегося.

Поскольку основной формой данного процесса является общение учителя и учащихся посредством электронной почты или в режиме онлайн, то обучающиеся Центра и учителя получают все необходимое для обучения оборудование, оплачивается и Интернет. Казалось бы, у обучающихся должны быть сформированы основные пользовательские навыки работы с ИКТ, однако на практике это оказалось не так. На наш взгляд, несформированность навыков работы с ИКТ у детей с ОВЗ и инвалидностью объясняется тем, что на протяжении всего периода обучения родители помогали свои детям и, соответственно, необходимо отдавать предпочтение онлайн-взаимодействию, чтобы сократить эту помощь.

Таким образом, при обучении студентов с ОВЗ и инвалидностью остается актуальным формирование навыков работы с ИКТ, т. е. умение использовать ИКТ в процессе обучения (доклады, рефераты, электронные библиотеки и т. д.), социальные сети развивают самостоятельность и ускоряют процесс социализации студентов с ОВЗ и инвалидностью.

Учитывая все вышесказанное, мы перестроили процесс обучения следующим образом.

В первую очередь необходимо сформировать навыки использования сети Интернет и работы в текстовом редакторе по следующей схеме.

1. *Открыть браузер.* При этом обучать первоначально нужно на том браузере, который у них установлен на домашнем компьютере. Им очень сложно переключаться между браузерами. То, что нам кажется очень простым, для них может вызвать определенные трудности.

2. *Найти нужную информацию в сети Интернет.* Надо научить писать запрос в адресной строке или в строке поиска. Оба варианта для таких студентов слишком сложны, более понятна запись в строке поиска. Важным навыком на этом этапе является отбор результатов поиска, для этого открывать нужную ссылку удобнее для них в новом окне, чтобы после закрытия не потерять результаты поиска.

3. *Выделить нужный текст.* Основным приёмом выделения фрагмента текста является его выделение с помощью мыши, но в этом случае, как показывает практика, указатель мыши у многих теряется. Правильным и более запоминающимся будет выделение с помощью колесика мыши. Если выделять текст через пункт меню *Выделить* → *Выделить все*, то выделится все страница, и после вставки в текстовый редактор необходимо будет удалять много ненужного текста, что создаст определенные трудности.

4. *Скопировать выделенный текст.* Вроде бы очень простая операция с текстом, но копировать с помощью контекстного меню (щелчок правой кнопки мыши по выделенному тексту) не у всех и не всегда получается. Для этого нам помогут горячие клавиши Windows: Ctrl+C (копировать).

5. *Открыть текстовый редактор.* Для удобства на первых этапах обучения ярлык текстового редактора нужно предварительно закрепить в панели задач и только потом научить создавать текстовый документ через Пуск или контекстное меню «создать».

6. *Вставить скопированный текст.* При добавлении текста в текстовый редактор через контекстное меню трудности заключаются в том, что разные версии текстового редактора будут иметь разные контекстные меню.

Для облегчения понимания операции можно опять воспользоваться горячими клавишами Windows: Ctrl+V (вставить) или щелкнуть по иконке *Вставить* в основном меню (рис. 1).

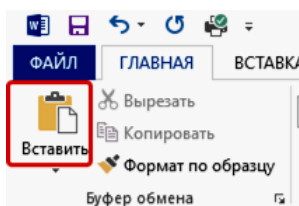

Рис. 1 – Основные меню текстового редактора

Следует отметить, что во всех программах прикладного характера, основные команды меню совпадают, что облегчает их самостоятельное изучение.

На следующем этапе обучения переходим к *форматированию текста*. В текстовом редакторе для выделения всего текста надо воспользоваться пунктом меню *Выделить* → *Выделить все*. Затем выбирается название шрифта, его размер и межстрочный интервал. Это операции осуществлять через меню.

Редактировать текст эффективнее после его форматирования, чтобы визуально весь текст был однообразным. При этом сложно запоминать удаление несколькими способами. Лучше выбрать один (воспользуйтесь клавишей Backspace или Delete) и только после этого отправлять на печать на принтере.

Одновременно необходимо работать с клавиатурным тренажером, который представляет собой учебный текстовый редактор для набора определенного текстового фрагмента, с системой подсказок во время набора на клавиатуре и функцией подсчета правильности выполнения заданий. У многих студентов с ОВЗ/инвалидностью проблемы с иностранным языком, они не знают даже алфавит (некоторые в школе не изучали иностранный язык) и клавиатурный тренажер позволяет решить эту проблему.

Не менее важно научить студентов синхронизации приложений для обмена сообщениями и совершения видеозвонков на компьютере.

Подобная организация деятельности обеспечивает более эффективное формирование у студентов с ОВЗ или инвалидностью базовых навыков работы с ИКТ, необходимых для успешной учебы. На первый взгляд, речь идет

об очень простых навыках, но чем проще учебный материал, тем сложнее его объяснить. Это те навыки, которые способствуют развитию самостоятельности и социализации, повышают уверенность в своих силах. И уже на основании сформированности этих навыков можно говорить о формировании ИКТ-компетентности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дистанционное обучение – новый способ образования. – URL: https://www.beslan.ru/beslan/news_sltd/1.11.2013 (дата обращения: 11.03.2023). – Текст : электронный.
2. Глухова, Т. В. ИКТ-компетентность в современном образовании / Т. В. Глухова, С. В. Бажанова. – Текст : электронный / ИТС. – 2013. – № 2 (71). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ikt-kompetentnost-v-sovremennom-obrazovanii> (дата обращения: 13.03.2023).
3. Зембатова, Л. Т. Роль и место информационных технологий при реализации инклюзивного образования / Л. Т. Зембатова, С. Р. Хабльева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3. – С. 14–21.
4. Карасёва, А. А. Информационно-коммуникационные технологии в индивидуальном обучении детей с ограниченными возможностями здоровья / А. А. Карасёва. – Текст : непосредственный // Вестник науки и образования. – 2017. – № 11 (35). – С. 104–108.
5. Мамаева, С. В. Приёмы формирования профессиональных ИКТ-компетенций у студентов педагогического вуза / С. В. Мамаева, А. В. Рубцов, Л. С. Шмутьская. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60-4. – С. 269–271.
6. Скоробогатова, А. С. Студенты с повышенными образовательными потребностями как педагогическое понятие / А. С. Скоробогатова, Л. А. Сюзюмова. – Текст : непосредственный // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2021. – № 4. – С. 72–88.
7. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (редакция, действующая с 28 февраля 2023 года). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902389617> (дата обращения: 13.03.2023). – Текст : электронный.
8. Хабльева, С. Р. Информационные технологии : учебно-методическое пособие для студентов по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», профиль «Начальное образование», профиль «Дошкольное образование» / С. Р. Хабльева. – Ульяновск, 2022. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. *Distancionnoe obuchenie – novyj sposob obrazovaniya* [Distance learning is a new way of education]. URL: https://www.beslan.ru/beslan/news_sltd/1.11.2013. (In Russian).
2. Glukhova T. V., Bazhanova S. V. ICT competence in modern education. *ITS* = *ITS*, 2013, no. 2 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ikt-kompetentnost-v-sovremennom-obrazovanii>. (In Russian).
3. Zembatova L. T., Khablieva S. R. The role and place of information technology in the implementation of inclusive education. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Armavir State Pedagogical University*, 2019, no. 3, pp. 14–21. (In Russian).

4. Karaseva A. A. Information and communication technologies in individual education of children with disabilities. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of science and education*, 2017, no. 11 (35), pp. 104–108. (In Russian).

5. Mamaeva S. V., Rubtsov A. V., Shmulskaya L. S. Techniques for the formation of professional ICT competencies among students of a pedagogical university. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*, 2018, pp. 269–271. (In Russian).

6. Skorobogatova A. S., Syuzyumova L. A. Students with increased educational needs as a pedagogical concept. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of SUSU. Series: Education. Pedagogical Sciences*, 2021, no. 4, pp. 72–88. (In Russian).

7. *Federal'nyj zakon "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" ot 29.12.2012 N 273-FZ (redakciya, dejstvuyushchaya s 28 fevralya 2023 goda)* [Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012, no. 273-FZ (version effective from February 28, 2023)]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902389617>. (In Russian).

8. Khablieva S. R. *Informacionnye tekhnologii : uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov po napravleniyu podgotovki 44.03.01 "Pedagogicheskoe obrazovanie", profil' "Nachal'noe obrazovanie", profil' "Doshkol'noe obrazovanie"* [Information technologies: a teaching aid for students in the direction of preparation 44.03.01 "Pedagogical education", profile "Primary education", profile "Preschool education"]. Ulyanovsk, 2022. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Хаблиева, С. Р. Практический опыт формирования у студентов с ОВЗ и инвалидностью навыков работы с ИКТ / С. Р. Хаблиева. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 51–57.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Khablieva S. R. Practical Experience in the Formation of ICT Skills Among Students With Disabilities / S. R. Khablieva // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 51–57. (In Russian).

УДК 378.016

АКТУАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА АРХИТЕКТУРЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАУХАУСА

Т.Ф. Шайхутдинов, А.Г. Терентьев, В.Г. Ахметзянов, Н.Н. Абрамова

THE RELEVANCE OF THE SOCIAL COMPONENT OF ARCHITECTURE IN THE ACTIVITIES OF BAUHAUS

T.F. Shaikhutdinov, A.G. Terentiev, V.G. Akhmetzyanov, N.N. Abramova

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что в настоящее время недостаточно раскрыт социальный компонент архитектуры в деятельности школы Bauhaus. Цель статьи заключается в раскрытии реализации социального значения архитектуры в ходе обучения в школе Bauhaus. В настоящее время опыт Bauhaus среди нового поколения считается не соответствующим времени, а достижения школы часто сводят лишь к сформированным в ее стенах концепциям, которые во многом определили развитие архитектуры в настоящее время. В то же время не до конца правильно учитывается идейная основа, которая лежала в основе создания школы. Авторами доказано, что актуальность социального компонента архитектуры в деятельности Bauhaus носила разносторонний характер и его идейное содержание представляет в настоящее время особую актуальность. Статья предназначена для преподавателей высших учебных заведений.

Abstract. The relevance of the article is due to the fact that the social component of architecture in the activities of the Bauhaus school is currently insufficiently disclosed. The purpose of the article is to reveal the realization of the social significance of architecture in the course of studying at the Bauhaus school. Currently, the experience of Bauhaus among the new generation is considered inappropriate for the time, and the achievements of the school are often reduced only to the concepts formed within its walls, which largely determined the development of architecture at the present time. At the same time, the ideological basis that underlay the creation of the school is not fully taken into account correctly. The authors proved that the relevance of the social component of architecture in activities of Bauhaus was of a versatile nature and its ideological content is currently of particular relevance. The article is intended for teachers of higher educational institutions.

Ключевые слова: Bauhaus, социальный компонент архитектуры, социум, обучение, Вальтер Гроппиус, опыт, роль архитектора.

Keywords: Bauhaus, social component of architecture, society, education, Walter Gropius, experience, the role of the architect.

Деятельность школы Bauhaus и различные компоненты педагогических подходов, принятых в процессе обучения в ней широко изучались многочисленными исследователями. Социально-экономические предпосылки возникновения школы Bauhaus рассматривались В.Р. Ароновым [1, с. 11]. И.С. Череди́на и П.П. Зуева изучили творческий метод немецких архитекторов, окончивших школу Bauhaus [2, с. 11]. А.А. Жандарова и Е.В. Денисенко описали принципы

и методы системы образования в школах Баухаус и ВХУТЕМАС [3, с. 12]. Культурно-философский анализ создания художественного стиля и конструирования «нового человека» были изучены С.Л. Дунаевой, А.А. Скакуном [4, с. 12]. А.Ю. Королева анализирует современное дизайнерское образование на базе основных аспектов деятельности Bauhaus [5, с. 12]. Статьи М.С. Солошенко, Л.В. Данченко и Х.Р. Ахметьянова дали обширный материал, касающийся культурного значения архитектуры и истории развития человечества [6; 7; 8, с. 12].

Одними из отправных точек исследования были Манифест школы Bauhaus, составленный ее основателем В. Гроппиусом, а также материалы его публичных выступлений о роли и месте Bauhaus [9, с. 12]. В части практической реализации части идей, заложенных В. Гроппиусом в деятельность школы Bauhaus, представляют интерес статьи Н.Ф. Рябова [10, с. 12], Т.Ф. Шайхутдинова [11, с. 13] касательно формирования пространственных навыков у студентов и воспитании эколого-эстетического сознания.

Цель работы: установить актуальность социальных компонентов архитектуры, которые были включены в деятельность школы Bauhaus.

Материалы и методы исследования: использовались теоретические методы, заключающиеся в анализе, синтезе и обобщении материалов исследования.

Всемирно известный опыт функционирования государственной высшей школы строительства и формообразования Bauhaus в городе Веймар в Германии, как передового учебного заведения в области архитектуры и промышленного строительства, оказал значительное воздействие на развитие основных принципов архитектуры XX века [12, с. 13].

Несмотря на то, что период существования Bauhaus в Германии ограничился периодом с 1919 по 1933 год, именно здесь зародились и, в дальнейшем, получили развитие направления модернизма, минимализма, функционализма, которые в 20 веке обозначили себя основными принципами архитектуры. Также следует отметить, что наряду с ВХУТЕМАСом деятельность Bauhaus привела к возникновению дизайнера в современном его понимании. Все это подводит к мысли, что далеко не весь потенциал идей, созданных при работе Bauhaus, реализован и, более того, многие педагогические подходы, которые использовались при подготовке студентов, могут быть востребованы и в настоящее время. Однако при всей изученности деятельности Bauhaus до сих пор, на наш взгляд, остаются существенные проблемы, связанные с социальной значимостью идей школы, воплощенных в архитектуре.

Стоит отметить, что зарождение школы Bauhaus произошло в сложный период социальных трансформаций в Германии, вызванных множеством факторов, начиная с промышленной революции, произошедшей в 18–19 веках и последовавшей за ней сменой ценностей и приоритетов общества и социальных институтов, и кончая поражением Германии в Первой мировой войне. Фактор промышленной революции, знаменовавший собой смену парадигмы развития общества, привел к тектоническим переменам в жизни общества. В ходе последовавшей далее индустриализации на протяжении всего 3–5 поколений

произошел переход от аграрного общества, основанного на натуральном хозяйстве к индустриальному обществу, основанном на применении машинного производства, которое привело к многократному росту производительных сил, за которым произошло утверждение капитализма как основной формы хозяйства в странах Европы, к которым принадлежала и Германия. Индустриальное общество, основанное на крупных машинных производствах, потребовало создания промышленных очагов с большим количеством задействованных рабочих, что привело к перетеканию населения с аграрных районов в городские агломерации и привело к быстрой урбанизации государств. Данные процессы привели к тому, что возник «резкий перелом, затронувший одновременно социальные, утилитарные и эстетические особенности восприятия окружения людей» [1, с. 11].

Все идеи обустройства окружающей среды, накопленные предыдущими поколениями, подверглись существенной ревизии – само изменение среды обитания сделало невозможным реализовать прежние наработки применительно к вновь возникшим условиям, все предыдущие устои не могли вписаться в новый индустриальный мир. С другой стороны, фактор поражения Германии в первой мировой войне привел к существенному падению уровня жизни населения, экономическому кризису и падением конкурентоспособности местных товаров и изделий на рынке. И на этом негативном фоне создание Bauhaus не является случайным процессом. Существовал социальный запрос на решение возникших проблем и, более того, еще до войны была предпринята попытка создания союза деятелей искусства, фабрикантов, коммерсантов и других интеллигентных профессий путем создания Германского художественно-промышленного союза Веркбунда, существование которого прекратилось с началом первой мировой войны.

Однако после войны сложились условия, в которых интересы капитала и творческой интеллигенции совпали в задачах создания новой, ранее не существовавшей среды обитания, основанной на производстве новых архитектурно-художественных решений массового сегмента, приоритетом которых была низкая себестоимость, в самых различных отраслях хозяйства страны. И поэтому возникновение Bauhaus явилось закономерным ответом на вызовы социума и уже в первые годы его существования принесло совершенно конкретные результаты. В части архитектурных проектов, созданных в стенах Bauhaus, основой стала разработка решений направленных на масштабное строительство многоквартирных домов на базе достижений строительной индустрии, позволившей реализовать совершенно новые идеи на основе новых материалов и конструкций. В данном вопросе хорошо прослеживается социальная роль архитектуры как показателя развития общества, чутко реагирующего на возникающие в ходе движения запросы и предлагающего свои методы решения задач, стоящих перед ним. На основе вышесказанного можно с определенной долей уверенности отметить, что новые педагогические подходы, реализованные в Bauhaus, своей целью

ставили создание архитектурных и художественных решений, отвечающих социальным вызовам государства в конкретных исторических условиях. Более того, одной из задач Bauhaus в свете реализованных педагогических технологий, была попытка изменить роль архитектора, как создателя социальных пространств, отвечающих тенденциям общественного развития.

На протяжении веков происходила трансформация подготовки зодчего – от обучения архитекторов в небольших частных школах в Греции, преподавания на основе методов конкретного мастера в Древнем Риме, к подготовке мастеров при монастырях в Средневековье, к формированию художника и архитектора в одном лице в эпоху Возрождения и к постепенному переходу в академическую плоскость в 18–20 веках. И на каждом из этих этапов превалировала социальная функция архитектуры. Именно в архитектуре отражались знания людей об устройстве окружающего мира, и архитектура была отражением существующей парадигмы развития общества.

К примеру, в Древней Греции изучали сочетание трех основных частей построек – основания, колонны, перекрытий на основе представлений о мире и человеке. Пропорции архитектурных элементов соответствовали пропорциям «золотого сечения» и несли в себе идею отражения антропоморфных пропорций в окружающем пространстве и были тесно связаны с существовавшими в то время философскими воззрениями и легли в основу педагогики при обучении архитекторов. В средневековье обучение зодчих при монастырях преследовало цели подтверждения в реальных архитектурных сооружениях центральной идеи картины мира, базировавшейся на христианской идее Бога, служение которому формировало все ценности культуры и структуру представлений о мироздании. В настоящее время подход к проектированию, например, тех же самых культовых сооружений реализуется практикующими архитекторами на основе самых разнообразных факторов [13, с. 13]. Но в то же время стоит особо отметить, что уже исчезла та пронизывающая все слои общества религиозность, которая и была движущей силой создания таких произведений архитектуры.

В свою очередь, возникновение школы Bauhaus и реализация ее идей тесно связаны с наступлением новой эпохи модерна, пришедшей на замену религии. При этом методика построения процесса обучения базировалась, с одной стороны, на отрицании предыдущего опыта архитектурной мысли, а с другой стороны, на новом уровне воспроизводила формирование роли архитектора, как организатора окружающего пространства.

Главной особенностью подготовки студентов в Bauhaus было внедрение особого цикла подготовки студентов, состоящего из 3 основных блоков: пропедевтического курса, практической части обучения и магистерского курса. Методика обучения базировалась на синтезе достижений современных технологий, искусства и архитектуры и, что являлось неременным условием, предполагала прохождение учебных практик на реальных объектах архитектурного и материального окружения. В контексте изучения актуальности

социального значения Bauhaus примечателен одним значимым приемом – совместная работа не только студентов и преподавателей, но, что представляется более важным, тесное взаимодействие Bauhaus с представителями всех заинтересованных сторон. Реализация данного приема проходила в условиях мастерских, которые, по сути, стали новаторскими лабораториями по разработке новой продукции самого широкого профиля в тесной увязке с существующим производством – по своей сути мастерские становились точкой встречи всех заинтересованных сторон, как представителей промышленности самого разного уровня, так и представителей деятелей искусства, что в свою очередь позволяло гибко работать с общественными запросами и находить адекватные ответы на требования социума.

Более того, это было целенаправленной политикой школы, нашедшей отражение в Манифесте Bauhaus, в котором были обозначены главные три задачи обучения архитекторов в данной школе. Если первые две задачи ставили целью объединение различных видов искусства и поднятие ремесел до уровня художественных творений, то третья задача, которая с годами только набирает свое значение, стало «установление контактов с крупнейшими представителями ремесел и промышленности в стране» [9, с. 12; 14, с. 13].

Несмотря на изменения в руководящем составе, вплоть до 1930 годов, концепция Bauhaus носила подчеркнуто социальный характер. Преемственность школы была выражена в работе следующего руководителя Bauhaus Х. Мейера, пришедшего к руководству 1922 году. В период 1922–1930 гг. деятельность школы была организована на кооперативных началах, обучение стало осуществляться в процессе выполнения реальных заказов, были установлены прямые связи с рабочим и профсоюзным движением.

Однако отражение коммунистических по сути взглядов руководства привело в будущем к расхождению позиций школы Bauhaus с интересами крупного бизнеса и прекращением финансирования, что явилось одним из предвестников заката учебного заведения. Но несмотря на это, данный эпизод свидетельствует, что никаким образом Bauhaus не был изолирован от социальных проблем и, более того, изменение тенденций развития общества, расходящееся с политикой Bauhaus, привело в будущем к закрытию школы.

И, в первую очередь, именно совпадением в конкретный момент истории социальных запросов и деятельности школы Bauhaus можно объяснить тот синергетический эффект, который привел к взлету данного учебного заведения и породил новые направления в архитектуре, дизайне, художественном искусстве, которые остаются актуальными и по сей день. Таким образом, в конкретный исторический период времени, в момент социальных трансформаций школа Bauhaus смогла предоставить адекватные обстоятельствам и нарративу развития общества решения. При этом и все присущие историческому периоду недостатки, когда общество пыталось найти новый путь развития и видело его в разрушении старых порядков и устоев, также отразились в деятельности заведения. Увлечение массовыми решениями,

игра с пространством и формой, ставшие возможными в свете последних достижений инженерии, привело к утрате смыслового наполнения архитектуры, сопровождавшего всю историю ее развития.

Большой интерес с точки зрения социального компонента архитектуры в деятельности Bauhaus представляет речь его основателя Вальтера Гроппиуса, по поводу получения им премии имени Гёте во Франкфурте-на-Майне в августе 1961 г., в которой он вернулся к роли архитектора в современном социуме [9, с. 12]. В этой речи он обозначил, что новейшая архитектура в своем развитии пришла к состоянию хаоса, вызванного тем, что технический прогресс, который выступал локомотивом развития в годы создания Bauhaus, привел к тому, что он стал самоцелью, что грамотное и вдумчивое отношение к достижениям прошлого и разумное вплетение их в современную ткань времени подменилось эклектикой, а материальное изобилие и избыток технологических возможностей привел к потере истинного направления развития архитектуры и к выхолащиванию ее роли, потери целого в мелких деталях.

«Индивидуализированное произведение попросту теряется в бесформенной массе никем не контролируемых зданий, которые вследствие роста наших городов буквально заполонили всю страну... когда любознательность [*художников*] приводит их на нашу землю, чтобы увидеть эти новые творения, растущая ужасающая безобразность общего строительства бросается им в глаза раньше, чем они смогут отыскать объект своего интереса в этом безбрежном и аморфном окружении. Это и есть та сфера, где господствует крайний хаос, и это отсутствие согласованности картины в целом порождает лишь разочарование, а не проблему различения индивидуальных методов творчества», – отметил Гроппиус. И анализируя причины такого состояния дел в области архитектуры, он пришел к выводам о том, что при существующем положении общества утеряна роль архитектора, как выразителя чаяний социума и его взглядов на мироустройство. И тут же привел пример того, как расцвет архитектурного искусства ранее был неразрывно связан с нормами поведения, субординацией гражданского общества и экономических интересов и прямо выражал интересы социума. В противовес В. Гроппиус отметил, что архитектор в современном мире имеет дело с заказчиком в лице усредненного жителя, не имеющего культурных компетенций и с видением картины мира только в пределах конкретного бизнеса.

В свою очередь, все большая автоматизация процессов строительства, новые технологии, в том числе увеличение технических средств коммуникаций, что ликвидирует тесное общение между архитекторами, приводит к тому, что возрастает процесс атомизации специалистов – из творцов новой среды они превращаются в технический персонал, чьей целью является создание архитектурных произведений с помощью подобранной команды инженеров, в отрыве от совместной работы с другими архитекторами, что прямо противоречит концепции «тотальной архитектуры». Если посмотреть на ситуацию, описанную В. Гроппиусом, то в первую очередь можно отметить, что все вышесказанное характеризует состояние социума в целом, а не только отдельно взятого архитектора.

Именно проблемы, существующие в обществе, находят отражение в той картине, которую он представил. Более того, на наш взгляд, это прямое отражение потребительского отношения к миру, которое сформировалось в капиталистических государствах и которое, в конечном итоге, привело к развитию так называемого «общества потребления», в котором высшей ценностью видятся не гуманистические идеалы развития человечества, а возможность как можно большего потребления товаров и услуг. По его словам, которые он произнес по поводу создания Bauhaus, метод обучения, когда коллектив индивидуальностей может сплотиться для совместной работы с целью отвечать вызовам времени и при этом обеспечить единство художественной концепции, несмотря на использование самых различных материалов и решений, в современных условиях снова становится востребованным. И, в конечном итоге, взгляд В. Гроппиуса приобретает неожиданную актуальность в свете современности.

Безусловно, состояние и роль архитектурного образования в современном мире – это показатель развития общества и взаимовлияние архитектуры на человека и общество имеет многогранный характер [15, с. 13].

Современные общественные отношения, эпоха, которую проживает человечество, можно охарактеризовать как победу потребительского отношения к жизни и превалирования частных интересов над общественными. В ситуации, когда материальное окружение и архитектура формируются под влиянием людей, не имеющих представления о культуре, роль архитектора сводится к роли технического специалиста и полностью утрачивает социальный компонент. Это приводит к появлению дисгармоничного окружающего пространства, и, следовательно, формированию такого же индивида или же воспроизводству существующей модели мира и человеческих отношений.

Авторский вклад заключается в выявлении опыта функционирования школы Bauhaus как места, в котором происходит формирование будущего материального окружения, как места производства идей и концепций, направленных на развитие общества, а не просто отражающих его состояние. Именно этот момент, реализованный в Bauhaus, позволил ему задать вектор развития современных тенденций в архитектуре и дизайне, и именно этот импульс был утерян далее, что привело к искажению предназначения школы. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что была предпринята попытка внесения изменений в однобокое понимание целей и задач, которые реализовал Bauhaus в сфере социального компонента архитектуры. Было установлено, что в связи с изменением идеологии общества и развития новых технологий, достижения школы Bauhaus нельзя считать устаревшими. Определяющим моментом в ее деятельности была задача достижения формы и содержания архитектуры не просто как отражающего текущее состояние общества, но и непосредственно задающего тренды его развития. Практическая значимость исследования заключается в том, что по результатам исследования можно отметить, что социальный компонент архитектуры,

нашедший себя в деятельности школы Bauhaus, может и должен быть запущен с совершенно новых стартовых позиций, но с сохранением идейного содержания школы. В настоящее время это начало находить широкое отражение в организации проектной деятельности студентов, направленных как развитие реального восприятия формы, на чем делал акцент В. Гроппиус, так и на формировании эколого-эстетического воспитания студентов архитектурных специальностей, хотя имеются существенные резервы дальнейшей работы в этом направлении.

Именно созданием условий, в которых появится возможность свести состоявшихся творцов, студентов, представителей слоев общественности, от которых зависит распоряжение имеющимися финансовыми и техническими средствами, представителей науки, изучающей общество и предназначение человека, таких как социология и философия, способно породить творческий импульс, который поможет создать новые культурные концепции, направленные на гуманистическое развитие общества и реализацию его креативного потенциала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аронов, В. Р. Баухауз и ВХУТЕМАС в зеркале истории / В. Р. Аронов. – Текст : непосредственный // Баухауз и художественные школы эпохи авангарда : материалы международной конференции. Конференция посвящена 100-летию Баухауза (г. Москва, 17–19 апреля 2019 года). – М. : Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова, 2019. – С. 14–21.
2. Череди́на, И. С. Иностраные архитекторы в России. К 80-летию бригады «Рот Фронт» / И. С. Череди́на, П. П. Зуева. – Текст : непосредственный // Academia. Архитектура и строительство. – 2010. – № 2. – С. 54–63.
3. Жандарова, А. А. Методы в образовании – на основе комплексного обучения Баухаус и ВХУТЕМАС / А. А. Жандарова, Е. В. Денисенко. – Текст : непосредственный // Архитектон: известия вузов. – 2022. – № 3 (79). – DOI: 10.47055/1990-4126-2022-3(79)-14.
4. Дунаева, С. Л. Создание художественного стиля и конструирование «нового человека» (Баухаус и ВХУТЕМАС): культурфилософский анализ / С. Л. Дунаева, А. А. Скакун. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2022. – № 3. – С. 104–113. – DOI: 10.35231/18186653_2022_3_104.
5. Королева, А. Ю. Единство искусства и техники. Теория и практика предметных мастерских Баухауза (1919–1933) / А. Ю. Королева. – Текст : непосредственный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 9. – № 29. – С. 68–71.
6. Солошенко, М. С. Что нам говорит архитектура. Влияние зданий и сооружений на человека и общество / М. С. Солошенко. – Текст : непосредственный // Молодой исследователь Дона. – 2017. – № 3 (6). – С. 161–165.
7. Данченко, Л. В. Геометрический аспект обучения архитектора в контексте истории архитектуры / Л. В. Данченко. – Текст : непосредственный // Филология и культура. – 2011. – № 4 (26). – С. 330–333.

8. Ахметьянов, Х. Р. К вопросу дефиниции профессионально-культурной идентичности студентов архитектурно-строительных специальностей / Х. Р. Ахметьянов. – Текст : непосредственный // Казанский педагогический журнал. – 2021. – № 1 (144). – С. 176–183.

9. Gropius W. Address upon Receiving the Honorary Degree of Doctor of Humane Letters from Columbia University, March 21, 1961. – Arts and Architectures, 1961, May, pp. 14–15, 28–30.

10. Рябов, Н. Ф. Реальные пространственные впечатления в становлении будущего архитектора / Н. Ф. Рябов. – Текст : непосредственный // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2015. – № 1 (31). – С. 47–55.

11. Шайхутдинов, Т. Ф. Формирование эколого-эстетической воспитанности студентов института архитектуры и дизайна средствами изобразительного искусства / Т. Ф. Шайхутдинов, И. Т. Гайсин, Е. И. Прокофьев. – Текст : непосредственный // Экологический консалтинг. – 2014. – № 2 (54). – С. 36–41.

12. Михайлов, С. М. Уроки в Баухаузе 70 лет спустя / С. М. Михайлов. – Текст : непосредственный // Баухауз и художественные школы эпохи авангарда : материалы международной конференции. Конференция посвящена 100-летию Баухауза (г. Москва, 17–19 апреля 2019 года). – М. : Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова, 2019. – С. 34–35.

13. Шавалиева, Н. М. Методика проектирования культовых сооружений в рамках учебного процесса по специальности 270114 / Н. М. Шавалиева. – Текст : непосредственный // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2008. – № 2 (10). – С. 33–36.

14. The art of craft in the interior / L. Kuleeva, T. Burova, L. Listovskaya [et al.] // E3S Web of Conferences Volume 274 (2021) : 2nd International Scientific Conference on Socio-Technical Construction and Civil Engineering (STCCE – 2021), Kazan, 21–28 April, 2021. Vol. 274. – France : EDP Sciences, 2021. – P. 1029. – DOI: 10.1051/e3sconf/202127401029.

15. Aidarova G. Master's theses in architecture conducted at KSUAE: experience and prospects / G. Aidarova, I. Krasnobaev, Ya. Al-Nabuls // IOP conference series : Materials Science and Engineering, Kazan, August, 2020. Vol. 890. – Kazan, Russia : IOP Science, 2020. – P. 012175. – DOI: 10.1088/1757-899X/890/1/012175.

REFERENCES

1. Aronov V. R. Bauhaus and VKHUTEMAS in the mirror of history. *Baukhauz i khudozhestvennyye shkoly epokhi avangarda = Bauhaus and art schools of the avantgarde era*. М., Moskovskaya gosudarstvennaya khudozhestvenno-promyshlennaya akademiya im. S.G. Stroganov, 2019, pp. 14–21. (In Russian).

2. Cheredina I. S., Zuyeva P. P. Foreign architects in Russia. To the 80th anniversary of the Rot Front brigade. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo = Academia. Architecture and construction*, 2010, no. 2, pp. 54–63. (In Russian).

3. Zhandarova A. A., Denisenko Ye. V. Methods in education based on Bauhaus and VKHUTEMAS integrated education. *Arkhitekton: izvestiya vuzov = Architecton: news of universities*, 2022, no. 3 (79), DOI: 10.47055/1990-4126-2022-3(79)-14. (In Russian).

4. Dunayeva S. L., Skakun A. A. Creating an artistic style and constructing a "new man" (Bauhaus and VKHUTEMAS): cultural and philosophical analysis. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin*, 2022, no. 3, pp. 104–113, DOI: 10.35231/18186653_2022_3_104. (In Russian).

5. Koroleva A. Yu. Unity of art and technology. Theory and practice of subject workshops of the Bauhaus (1919–1933). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*, 2007, vol. 9, no. 29, pp. 68–71. (In Russian).
6. Soloshenko, M. S. What architecture tells us. Influence of buildings and structures on a person and society. *Molodoy issledovatel' Dona = Young researcher of the Don*, 2017, no. 3 (6), pp. 161–165. (In Russian).
7. Danchenko L. V. The geometric aspect of teaching an architect in the context of the history of architecture. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, 2011, no. 4 (26), pp. 330–333. (In Russian).
8. Akhmet'yanov Kh. R. To the question of the definition of professional and cultural identity of students of architectural and construction specialties. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*, 2021, no. 1 (144), pp. 176–183. (In Russian).
9. Gropius W. Address upon Receiving the Honorary Degree of Doctor of Humane Letters from Columbia University, March 21, 1961. *Arts and Architectures*, 1961, May, pp. 14–15, 28–30.
10. Ryabov N. F. Real spatial impressions in the development of the future architect. *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta = News of the Kazan State University of Architecture and Engineering*, 2015, no. 1 (31), pp. 47–55. (In Russian).
11. Shaykhutdinov T. F., Gaysin I. T., Prokof'yev Ye. I. Formation of ecological and aesthetic education of students of the institute of architecture and design by means of fine arts. *Ekologicheskii konsalting = Ecological consulting*, 2014, no. 2 (54), pp. 36–41. (In Russian).
12. Mikhaylov S. M. Lessons at the Bauhaus 70 years later. *Baukhauz i khudozhestvennyye shkoly epokhi avangarda = Bauhaus and art schools of the avantgarde era.* – M., Moskovskaya gosudarstvennaya khudozhestvenno-promyshlennaya akademiya im. S.G. Stroganova, 2019, pp. 34–35. (In Russian).
13. Shavaliyeva N. M. Methods of designing religious buildings within the framework of the educational process in the specialty 270114. *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta = News of the Kazan State University of Architecture and Engineering*, 2008, no. 2 (10), pp. 33–36. (In Russian).
14. Kuleeva L., Burova T., Listovskaya L. [et al.]. *The art of craft in the interior.* E3S Web of Conferences Volume 274 (2021) : 2nd International Scientific Conference on Socio-Technical Construction and Civil Engineering (STCCE – 2021), Kazan, 21–28 April, 2021. Vol. 274. France, EDP Sciences, 2021. 1029 p. DOI: 10.1051/e3sconf/202127401029.
15. Aidarova G., Krasnobaev I., Al-Nabuls Ya. *Master's theses in architecture conducted at KSUAE: experience and prospects.* IOP conference series : Materials Science and Engineering, Kazan, August, 2020. Vol. 890. Kazan, Russia, IOP Science, 2020. P. 012175. DOI: 10.1088/1757-899X/890/1/012175.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Актуальность социального компонента архитектуры в деятельности Баухауса / Т. Ф. Шайхутдинов, А. Г. Терентьев, В. Г. Ахметзянов, Н. Н. Абрамова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 58–67.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Shaikhutdinov T. F., Terentiev A. G., Akhmetzyanov V. G., Abramova N. N. The Relevance of the Social Component of Architecture in the Activities of Bauhaus / T. F. Shaikhutdinov, A. G. Terentiev, V. G. Akhmetzyanov, N. N. Abramova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 58–67. (In Russian).

УДК 378.01: 34.08: 070

**О РОЛИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ВОСПИТАНИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

И.В. Шаповалов, М.В. Храмова

**ON THE ROLE OF MASS MEDIA
IN THE EDUCATION OF EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS
BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

I.V. Shapovalov, M.V. Khramova

Аннотация. В статье говорится о воспитательной роли средств массовой информации для сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Обоснована необходимость организации воспитания сотрудников органов внутренних дел с использованием педагогического потенциала средств массовой информации.

Abstract. The article talks about the educational role of the mass media for employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The necessity of organizing the education of employees of the internal affairs bodies using the pedagogical potential of the mass media is substantiated.

Ключевые слова: средства массовой информации, сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, МВД России, воспитание, педагогическое управление воспитательным процессом.

Keywords: mass media, an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation, the Ministry of Internal Affairs of Russia, education, pedagogical management of the educational process.

Воспитательная роль массмедиа сегодня настолько значительна, что становится важным выявить особенности воспитательного потенциала СМИ, провести их функциональный и классификационный анализ, определить роль и место в социуме и в деятельности сотрудников органов внутренних дел. В рамках нашего исследования особый интерес вызывает, прежде всего, воспитательный, педагогический потенциал СМИ, то есть научное обоснование возможности средств массовой информации отражать, формировать убеждения, взгляды, ценности, цели, развивать мотивы, например, правопослушного поведения, профессионально значимых личностных качеств, осуществлять правовое просвещение и правовую пропаганду, т. е. обучать и воспитывать общество, в первую очередь сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

С развитием массмедиа возрастает их воспитательная роль. Исследователь А.Г. Рихтер и педагог В.Ф. Кузнецов [1, с. 48–58], исследуя и анализируя «Декларацию о свободе самовыражения и информации (1982 г.), Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» (1991 г.),

«Декларацию о средствах массовой информации в демократическом обществе» (1994 г.), «Рекомендации № «R» 99(1) «О мерах по стимулированию плюрализма в средствах массовой информации», Резолюцию Совета свободы глобального Интернета по вопросу о разжигании ненависти (1999 г.) и т. д., содержащие нормативно разработанные правовые и социально-педагогические аспекты функционирования СМИ в современном мире, указывают на возрастающий глобальный интерес к воспитательной деятельности средств массовой информации. Педагог Л.А. Шестакова в своем исследовании ссылается на мнение педагога Л.А. Зеленова, определяющего медиапедагогику как науку о воспитании человека средствами массовой информации, раскрывающую сущность, цели, задачи и закономерности медиаобразования, медиаобучения и медиавоспитания [2, с. 18]. Исследователь отмечает, что педагогическую сущность СМИ обуславливают некоторые важные функции: во-первых, отмечается органичное взаимодействие СМИ с реальной социальной жизнедеятельностью людей, во-вторых, СМИ обеспечивает активное развитие самообразования и повышения уровня культуры людей, то есть происходит процесс медиавоспитания и медиаобразования, в-третьих, СМИ предлагает разнообразный формат досуга, и, в-четвертых, позволяет человеку стремиться к духовному творчеству [2, с. 50].

Известный российский педагог Т.Н. Владимирова, всесторонне исследовав феномен медиаобразования, делает, на наш взгляд, важный вывод: «По нашему мнению, медиаобразование сегодня является профилактикой информационных рисков у населения, оно направлено на формирование современных медиакомпетенций, воспитание патриотических, культурных и духовно-нравственных ценностей, повышает уровень медийной грамотности» [3, с. 37–38]. Таким образом, разделяя данное утверждение, мы констатируем, что СМИ обладают педагогическим качеством, которое выражается в медиаобразовании и медиавоспитании граждан, в том числе сотрудников органов внутренних дел, курсантов и воспитанников ведомственных образовательных организаций. Более того, Т.Н. Владимирова утверждает: «Информационная безопасность необходима для того, чтобы сохранить российскую идентичность. Так как вместе с отсутствием информационной безопасности разрушается культура» [4].

Процесс формирования мировоззрения человека, его становление как личности проходит под воздействием многих факторов. Американским исследователем В. Липманом в 20-х годах XX столетия сделан вывод о воздействии СМИ на социум. Ученый на основе анализа динамичного развития массмедиа в Западной Европе и Америке в своем труде «Общественное мнение» утверждает о бесконечном и всесильном влиянии средств массовой информации на сознание отдельно взятого человека и на общество в целом [5]. Таким образом, между воздействием СМИ и формированием массового сознания, воспитанием человека проведены прямые связи.

Степень влияния массмедиа на общество здесь зависит как от состояния самого общества, так и от СМИ [6]. Следовательно, если общество, в том числе

сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, под действием определенных факторов находятся в состоянии перемен, трансформации, конфликтов, это способствует смене устоявшихся в сознании ценностных представлений, что, во-первых, обуславливает потребность общества в актуальной информации по интересующим его вопросам и, во-вторых, большую зависимость его от СМИ.

В период реформирования МВД России качественно новая социально-педагогическая ситуация, сложившаяся в ведомстве, была обусловлена сложностью и противоречивостью протекания процессов экономической, духовной, общественной жизни, с одной стороны, и высокими социальными ожиданиями, с другой. Как известно, формирование и реализация социальных ожиданий базируется и на индивидуальном, и на социальном опыте личности. Социальные ожидания распространяются и поддерживаются благодаря коммуникации и взаимодействию, в первую очередь посредством СМИ.

Таким образом, массмедиа становятся важным воспитательным компонентом в период реформирования МВД России. Вместе с тем сами массмедиа находятся в прямой зависимости от объекта своего воздействия. Это связано в первую очередь с тем, что детерминантом потенциальных отношений и влияния являются ценностные ориентиры социума, включая сотрудников органов внутренних дел как неотъемлемую часть общества, в котором они функционируют. Ключевым аспектом «теории зависимости» считаем выделение результатов воздействия СМИ как определяющих их функции в социуме.

Группа ученых Академии управления МВД России в исследовании «Формирование «медийного образа» сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» утверждает обратное, указывая: «По своему значению СМИ часто превосходят непосредственные (лично-визуальные) практики общения, они часто становятся ключевым средством создания образа-представления об окружающем мире» [7, с. 7]. Так, согласно данным социологического исследования, проведенного в 2017 году, телевизионной информации доверяет 50 % россиян, печатным изданиям – 35 %, социальным сетям – 25 %. Однако исследователи Д. Волков и С. Гончаров отмечают, что практически половина граждан (46 %) не готовы распознать ложь и правду в информационных потоках [8].

По мнению исследователей Академии управления МВД России, средства массовой информации классифицируются по признаку функции:

- информационная: массмедиа представляют актуальные, включая официальные, сведения о складывающейся ситуации и происходящих процессах в разных сферах жизнедеятельности людей, в том числе Министерства внутренних дел Российской Федерации;
- коммуникативная: во-первых, СМИ инициируют диалог, обсуждение по сведениям о складывающейся ситуации и происходящих процессах в разных сферах жизнедеятельности, во-вторых, обеспечивают и поддерживают этот диалог;

- идеологическая: средства массовой информации отражают общественное мнение как социума в целом, так и отдельных его групп, формируют это мнение, превращаясь, таким образом, в «четвертую власть». Такие факторы, как позиция владельца СМИ, мотив сотрудников, культурный уровень запросов аудитории, информационная политика страны, являются определяющими превосходства той или иной функции [7, с. 8–9].

Таким образом, соглашаясь с точкой зрения авторов классифицировать информацию по характеру на положительную, нейтральную и негативную, предлагаем позитивную информацию определять как педагогическую, имеющую ярко выраженный воспитательный эффект, а негативную – как контрпедагогическую, также имеющую определенные воспитательные последствия. Кроме того, информация массмедиа может содействовать как созданию положительного образа сотрудника органов внутренних дел, так и разрушению этого образа, оказывая и в первом, и во втором случае воспитательный эффект на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Важной предпосылкой взаимоприятия становится взаимная заинтересованность людей в общении друг с другом, то есть установление их взаимногоприятия как зарождающегося канала коммуникации. Функция взаимовлияния включает в себя процесс формирования образа другого человека в сознании воспринимающего. Эта сторона коммуникации связана с особым рода связью – сочувствием, сопереживанием.

Иллюстрацией может быть непосредственный диалог сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации с гражданами, потерпевшими и пострадавшими при совершении в отношении них правонарушения или преступления, или проведение «Прямой телефонной линии», когда сотрудники имеют возможность напрямую коммуницировать с гражданами по интересующим их вопросам, а также выпуск печатных памяток, видеоинструкций и т. д., распространяемых ОВД РФ в СМИ и направленных на защиту граждан от преступлений. Таким образом, воспитание граждан проходит при трансляции сопереживания и сочувствия посредством педагогизированной информации СМИ. По сравнению с восприятием взаимовлияние носит более ярко выраженную эмоционально-оценочную окраску.

Не следует считать процесс влияния на человека посредством массмедиа однонаправленным. Человек воспринимает другого человека через собственный внутренний мир, через свои собственные установки, мотивации и отношения. Общение с другим так или иначе влияет на человека, который, воспринимая другого, меняется сам, а воспитывая другого – самовоспитывается [2, с. 102]. Таким образом, функция взаимодействия в массовой коммуникации посредством СМИ проявляет себя в объединении конкретных индивидуальных усилий для осуществления совместной деятельности. Результатом совместной деятельности органов внутренних дел и граждан является повышение качества и результативности правоохранительной и правоприменительной деятельности и оценка уровня общественного доверия граждан к работе полиции. Важной

составляющей системы воспитания в МВД России является информационно-пропагандистская [9] (лат. propaganda – то, что следует распространить).

Воспитание как общественное явление, как известно, обладает объективным характером и предполагает активные действия как самого субъекта воспитания, предполагающие активное отношение взрослого человека к любым воспитательным воздействиям на него. Диапазон проявлений такой активной позиции широк: от позитивного включения в «педагогическое поле» до открытого сопротивления воспитательным воздействиям или самоизоляции от них. Таким образом, важную роль играют фактор субъектности в воспитании и «воспитание их воспитуемости» как способности (и желания) воспринимать воспитательные воздействия. Кроме того, в процессе воспитания, на наш взгляд, важна идея и реализация целостности влияния на формирование и изменение личности сотрудника ОВД всего комплекса его профессионального и жизненного опыта, где специально организованные воспитательные мероприятия выступают лишь частью такого влияния.

Таким образом, на основе проведенного анализа педагогического потенциала СМИ в воспитании сотрудников ОВД РФ сделаны следующие выводы.

1. Педагогический потенциал СМИ в воспитании сотрудников ОВД РФ в непрерывном образовании представляет собой возможности средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационной сети Интернет, транслировать разностороннюю информацию воспитательного характера с целью формирования поведения в соответствии со стандартами требуемого служебного поведения сотрудников ОВД, курсантов, слушателей, адъюнктов образовательных организаций системы МВД России, обучающихся суворовских училищ и кадетских корпусов МВД России с опорой на развитие самосознания.

2. Материалы средств массовой информации, используемые в процессе воспитания действующих и будущих сотрудников органов внутренних дел, могут быть классифицированы по различным основаниям: по специфике воздействия на органы реципиента, по принципу функции, по способу передачи, по широте распространения, по принципу жанра, по форме собственности, по способу передачи и т. д. Наиболее целесообразной и отвечающей целям и задачам воспитания сотрудников ОВД представляется классификация информации по характеру воздействия на реципиента: педагогическая, имеющая воспитательное воздействие, нейтральная и контрпедагогическая (деструктивная).

3. Эффективность информационно-пропагандистской работы сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с использованием СМИ как неотъемлемой части воспитания напрямую зависит от педагогического управления воспитательным процессом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузнецов, В. Ф. Связи с общественностью: Теория и технологии : учебник для студентов вузов / В. Ф. Кузнецов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 302 с. – Текст : непосредственный.

2. Шестакова, Л. А. Педагогический потенциал средств массовой информации и научно-методические основания его реализации : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Шестакова Лариса Анатольевна. – Нижний Новгород, 2005. – 48 с. – Текст : непосредственный.

3. Владимирова, Т. К. Медиаобразование и актуальные проблемы современной педагогики / Т. К. Владимирова. – Текст : непосредственный // Мир образования – образование в мире. – 2019. – № 1 (73). – С. 36–40.

4. Владимирова, Т. Н. Медиаобразование – профилактика информационных рисков у населения / Т. Н. Владимирова. – URL: <http://mpgu.su/zhurnal-rektora/video-blog-rektora/mediaobrazovanie-profilaktika-informatsionnyih-riskov-u-naseleniya/> (дата обращения: 23.02.2023). – Текст : электронный.

5. Lippmann W. *Publik Opinion*. – N. Y., 1921. – P. 7–8.

6. Ball-Rocheach S. J., De Fluer M. L. *A Dependency Model of Mass Communication* // *Communication Research*. 1976. Vol. 3.

7. Формирование «медийного образа» сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации : учебное пособие / под редакцией А. Л. Ситковского. – М. : Академия управления МВД России, 2019. – 72 с. – Текст : непосредственный.

8. Волков, Д. Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ-2017 / Д. Волков, С. Гончаров. – URL: <https://www.levada.ru/2017/08/22/16440/> (дата обращения: 12.02.2023). – Текст : электронный.

9. Приказ МВД России от 25.12.2020 № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». – URL: <https://base.garant.ru/400791288/> (дата обращения: 11.05.2023). – Текст : электронный.

REFERENCES

1. Kuznetsov V. F. *Svyazi s obshchestvennost'yu: Teoriya i tekhnologii* [Public relations: Theory and technology]. M., Aspect Press, 2007. 302 p. (In Russian).

2. Shestakova L. A. *Pedagogicheskij potencial sredstv massovoj informacii i nauchno-metodicheskie osnovaniya ego realizacii* [Pedagogical potential of the mass media and scientific and methodological foundations for its implementation]. Nizhny Novgorod, 2005. 48 p. (In Russian).

3. Vladimirova T. K. *Media education and actual problems of modern pedagogy. Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire = The world of education – education in the world*, 2019, no. 1 (73), pp. 36–40. (In Russian).

4. Vladimirova T. N. *Mediaobrazovanie – profilaktika informacionnyh riskov u naseleniya* [Media education – prevention of information risks in the population]. URL: <http://mpgu.su/zhurnal-rektora/video-blog-rektora/mediaobrazovanie-profilaktika-informatsionnyih-riskov-u-naseleniya/>. (In Russian).

5. Lippmann W. *Publik Opinion*. N. Y., 1921, pp. 7–8.

6. Ball-Rocheach S. J., De Fluer M. L. *A Dependency Model of Mass Communication. Communication Research*, 1976, vol. 3.

7. *Formirovanie "medijnogo obraza" sotrudnika organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii* [Formation of the "media image" of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation], edited by A. L. Sitkovsky. M., Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 72 p. (In Russian).

8. Volkov D. *Rossijskij medialandshaft: osnovnye tendencii ispol'zovaniya SMI-2017* [Russian media landscape: main trends in the use of media-2017]. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/22/16440/>. (In Russian).

9. *Prikaz MVD Rossii ot 25.12.2020 N 900 "Voprosy organizacii moral'no-psihologicheskogo obespecheniya deyatelnosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii"* [Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 25, 2020 No. 900 "Issues of organizing moral and psychological support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation"]. URL: <https://base.garant.ru/400791288/>. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шаповалов, И. В. О роли средств массовой информации в воспитании сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / И. В. Шаповалов, М. В. Храмова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 68–74.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Shapovalov I. V., Khramova M. V. On the Role of Mass Media in the Education of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation / I. V. Shapovalov, M. V. Khramova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, No. 2, pp. 68–74. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

УДК 93/94

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ТУАПСИНСКОГО ПОРТА АРМАВИР-ТУАПСИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Г.Н. Бычков

THE MAIN STAGES AND PROBLEMS OF THE CONSTRUCTION OF THE TUAPSE PORT OF THE ARMAVIR-TUAPSE RAILWAY

G.N. Bychkov

Аннотация. Пути сообщения всегда оказывали глубокое и многофакторное влияние на развитие, как экономики, так и всего общества. Настоящее исследование посвящено проблемам транспортной доступности Черноморского побережья и, в частности, посуда Туапсе в конце XIX и начале XX века. Описаны меры, которые предпринимало правительство для решения этой проблемы. Отражены этапы сооружения казенного порта и работы по возведению его защитных устройств. Дана оценка недостатков этого порта и охарактеризованы причины создания нового комплекса для приема и отправки грузов. Восстановлена хронология процесса строительства портовых сооружений в Туапсе акционерным обществом Армавир-Туапсинской железной дороги и дан анализ возникавших в ходе этого проблем. Рассмотрены факторы, влиявшие на результаты каждого отдельного строительного сезона, так и на весь проект в целом. Отдельное внимание уделено инженерному составу, руководившему процессом сооружения нового коммерческого порта. Статья иллюстрируется впервые вводимым в научный оборот фотографическим материалом.

Abstract. Communication routes have always had a profound and multifactorial impact on the development of both the economy and the whole society. This study is devoted to the problems of transport accessibility of the Black Sea coast and, in particular, the settlement of Tuapse in the late 19th and early 20th centuries. The measures taken by the government to solve this problem are described. The stages of construction of the public port and work on the construction of its protective devices are reflected. An assessment of the shortcomings of this port is given and the reasons for creating a new complex for receiving and sending goods are characterized. The chronology of the process of construction of port facilities in Tuapse by the Armavir-Tuapse railway joint-stock company is restored and an analysis of the problems that arose during this is given. The factors that influenced the results of each individual construction season, as well as the entire project as a whole, are considered. Special attention is paid to the engineering staff, who led the process of building a new commercial port. The article is illustrated by photographic material introduced into scientific circulation for the first time.

Ключевые слова: Туапсе, порт, Армавир-Туапсинская железная дорога, Луи Жюстен Першо, Николай Константинович Пятницкий, Александр Алексеевич Копылов, Александр Юлианович Хмелевский, Федор Федорович Толмачев, Дахадаев Магомед-Али.

Keywords: Tuapse, port, Armavir-Tuapse railway, Louis Justin Perchot, Nikolai Konstantinovich Pyatnitsky, Alexander Alekseevich Kopylov, Alexander Yulianovich Khmelevsky, Fedor Fedorovich Tolmachev, Dakhadaev Magomet-Ali.

Важнейшим фактором экономического развития Северного Кавказа и Черноморского побережья являлись пути сообщения. С окончанием Кавказской войны в 1864 году этот вопрос выходит на первый план. Отсутствие портов на Черноморском побережье препятствовало освоению края и его надежной транспортно-связи с другими регионами страны. Особенно остро данная проблема ощущалась осенью и зимой, когда частые штормы и непроходимое месиво грунтовых дорог, сковывало всю хозяйственную деятельность региона.

В 1875 году Кавказское строительное общество разработало план одно-временного сооружения пяти портов на Черноморском побережье в: Анапе, Новороссийске, Геленджике, Туапсе, Сухуми [20, с. 23–25]. Его стоимость оценивалась в 17 миллионов рублей, но в силу различных причин этот грандиозный по своему масштабу проект реализован не был.

Строительство казенного порта-убежища в Туапсе началось в 1895 году, и 26 декабря 1898 года оно было окончено [15, с. 28]. Изначальным его назначением было создание условий защищенной стоянки парусных судов. Но небольшая глубина и не защищенность этого убежища от западных и юго-западных ветров, делали стоянку больших кораблей в нем не безопасной во время штормов. По этой причине крупные пароходы не заходили в Туапсинский порт, и все операции перевалки грузов производились при помощи фелюг и баркасов от стоящего на рейде судна. Это сильно влияло на объем и скорость грузопотока, проходящего через Туапсе. Для устранения данной проблемы проводились работы по углублению бухты и возведению дополнительных защитных устройств. Завершение сооружения в 1909 году западного волнолома и оградительных стен на рейдовых молах, позволило перенести все операции по погрузке-разгрузке судов, непосредственно на территорию порта-убежища, что способствовало увеличению грузооборота. Однако без железнодорожного сообщения с обширными территориями Северного Кавказа, район тяготения грузов ограничивался возможностями гужевого транспорта.

В начале XX века в правительственных кругах обсуждалось строительство железной дороги, которая должна была соединить Кубанскую область и Закавказье. Это послужило бы мощным фактором всестороннего развития Черноморского побережья. 13 мая 1903 года этот план был утвержден [16, с. 11]. 6 июня 1904 года акционерное общество Владикавказской железной дороги представляет в Министерство путей сообщения проект железнодорожной линии Армавир – Туапсе с Черноморской ветвью, соединяющейся с Закавказской

железной дорогой. Но вследствие начавшейся войны с Японией это строительство откладывают, а 5 апреля 1905 года последовала отмена всех решений по этому вопросу [18, с. 17].

Дело сдвинулось с мертвой точки 22 ноября 1907 года. В этот день инженер путей сообщения Петр Николаевич Перцов обратился в правительственные инстанции с ходатайством о разрешении ему создать акционерное общество Армавир-Туапсинской железной дороги (далее АТЖД) [21, с. 250]. Проект Перцова предполагал строительство железнодорожной линии от Армавира до Туапсе и нового Туапсинского коммерческого порта.

17 июля 1908 года был утвержден устав АТЖД. В соответствии с ним предусматривалось сооружение железной дороги Армавир – Туапсе с ветвью на Майкоп, протяженностью 252 версты и порта с защитными сооружениями [17, с. 363]. Здесь следует отметить, что это был первый в России опыт по предоставлению концессии частному акционерному обществу строительства железнодорожной линии и порта одновременно. При этом был определен предельный срок владения в 81 год с момента окончания работ. Также была установлена возможность выкупа правительством железной дороги не ранее 25 лет с момента открытия на ней правильного движения и порта в любое время. По истечении 81 года все имущество акционерного общества переходило в государственную собственность [22, с. 62–65]. Согласно уставу АТЖД строительная стоимость порта была определена по предварительным изысканиям в 4 миллиона рублей. Но в расценочных ведомостях, основанных на окончательных исследованиях, сумма выросла на 450 тысяч рублей.

18 января правлением АТЖД был проведен конкурс по выбору подрядчика на работы по сооружению порта [2, л. 1–2об.]. По его результатам 23 января 1910 года был определен победитель, им стал французский гражданин Луи Жюстен Першо [4, л. 14–15об.]. Он имел отличные рекомендации от ряда иностранных банков, его фирмой были исполнены крупные работы во Франции и в ряде других стран. 18 марта 1910 года с Першо был заключен договор [23, л. 24]. В нем он обязывался закончить все строительные работы в Туапсинском порту к 1 октября 1912 года.

Летом 1911 года правление АТЖД обращает внимание на существенное отставание подрядчика от утвержденного графика работ [19, с. 228]. В связи с этим 22–24 сентября в Туапсе проходит особое совещание [3, л. 90], в ходе которого Першо получил предупреждение. В нем указывалось, что если темпы работ не будут увеличены, подрядчика отстранят, а договор расторгнут. Понимая, что выполнить взятые на себя обязательства он не может, Першо 18 ноября 1911 года оформил передачу своего контракта «Французскому анонимному обществу» [6, л. 2–5об.], в котором он являлся директором распорядителем. Смена юридического лица не оказала влияния на эффективность работ. 11 марта 1912 года главным инженером АТЖД был выдан последний повелительный наряд [5, л. 28–29об.], но и это не повлияло на темп работы подрядчика. В связи с этим 15 мая 1912 года правление АТЖД приняло решение об отстранении Першо, что фактически произошло 28 мая 1912 года.

За два года фирма Першо смогла выполнить только 37 % наброски камня, изготовить 31 % железобетонных ящиков и 28 % массивов. При этом ни одного массива и ящика не было установлено в проектное положение, также впоследствии было установлено, что отсутствовало оборудование для выполнения этих работ [7, л. 207].

После отстранения Першо правление АТЖД приняло решение о выделении портовых работ в особое управление, его возглавил назначенный на должность главного инженера Николай Константинович Пятницкий [8, л. 113об.]. Строительные работы главным образом были организованы хозяйственным способом, с привлечением мелких подрядчиков, контроль над деятельностью которых осуществляли инженеры АТЖД. Л.В. Базилевич заведовал работами по изготовлению массивов-гигантов и составлял проекты. В.И. Горичев руководил процессом наброски камня под основание мола и волнолома. Дахадаев Магомед-Али – следил за заготовкой камня и устройствами его наброски [10, л. боб.–7].

Фотография из фондов МБУК «Туапсинского историко-краеведческого музея имени Н.Г. Полетаева». Служащие портостроительного управления: в первом ряду – инженер В.И. Горичев, главный инженер Н.К. Пятницкий, инженер Л.В. Базилевич, инженер М.А. Дахадаев; во втором ряду – лаборант Кутепов, техник Будлевский, рассыльный Сабуров, техник-чертежник Кухарчук, конторщик Малеев, бухгалтер Сервинович, техник Свирский, учетчик Крутов и техник Агафонов

Вследствие того, что оборудование подрядчика Першо не было рассчитано на спуск многотонных массивов, весь строительный сезон 1912 года АТЖД пришлось разрабатывать и изготавливать новую эстакаду и бетонный

эллипс для этого процесса. Параллельно с этим проводились работы по отсыпке и выравниванию каменной наброски под южный мол и волнолом. Также были приобретены два парохода «Елизавета» и «Екатерина», так как суда, которые использовал отстраненный подрядчик, принадлежали третьим лицам.

20 марта 1913 года главный инженер Николай Константинович Пятницкий подает прошение об отставке [10, л. 150], и 3 мая его сменяет Александр Алексеевич Копылов [10, л. 173], также строительное управление покидает В.И. Горичев, на его место приходит П.Ф. Козловский.

До конца мая 1913 года все портовые работы происходили главным образом на берегу и носили подготовительный характер. 24 мая был произведен пробный спуск массива-гиганта средней величины, а 2 июня наибольшего типа. Оба спуска при помощи эллинга показали правильность расчетов и работоспособность механизмов разработанной конструкции. 22 июня был выведен в море и установлен в проектное положение первый массив-гигант южного мола. До конца 1913 года было установлено 19 массивов-гигантов с головы южного мола, 7 корневых и 3 массива волнолома. По всей длине установленных массивов-гигантов и по уступу каменной наброски, были уложены защитные массивы большого размера в количестве 280 штук.

В зимний период 1913–1914 года работы в открытом море практически не производились. Проходила подготовка к новому строительному сезону. Было изготовлено 1 078 защитных массивов размером (4x8x13) и 820 (1x1x0,35), для временной железобетонной пристани были забиты 30 рядов свай. Для ускорения операций в открытом море правление АТЖД дополнительно приобрело два парохода «Сергей Трубецкой» и «Тайфун», моторные лодки «Чайка», «Маниш», «Буревестник», была построена плавучая станция № 3, пять шаланд и дополнительный строительный кран. Также было введено в эксплуатацию четыре бетономешалки системы «Шторрер», динамо-машина и дизель-мотор мощностью 200 лошадиных сил [14, л. 1об.].

В течение строительного сезона 1914 года было закончено сооружение южного мола длиной 473 сажени, за исключением надводной надстройки, которая была выполнена на 64 %. Все массивы-гиганты для мола установили и обложили защитными массивами. На рейдовом моле установили 27 из 32 массивов-гигантов. Было закончено сооружение временной железобетонной пристани. Изготовлено защитных массивов размерами (4x8x13) – 167 и (1x1x0,35) – 994 и установлено в проектное положение. Первых – 456, вторых – 1270 [9, л. 148об.–149об.].

Начало Первой мировой войны негативно отразилось на процессе строительства. Мобилизации подлежали многие рабочие, был введен запрет на ночные работы, в распоряжение военных властей предоставлялись все плавучие средства. В начале октября в Туапсе объявляется осадное положение, вследствие этого практически все работы остановились. 7 ноября Туапсе подвергся бомбардировке турецкими судами [9, л. 148об.–149об.], сразу после этого начинается эвакуация служащих и документации АТЖД, что полностью останавливает ход постройки на несколько месяцев.

В течение 1914 года по различным причинам покидают строительство все опытные инженеры: Л.В. Базилевич, М.А. Дахадаев, П.Ф. Козловский, Б.Б. Башилов, что негативно сказалось на эффективности производимых работ в 1915 году. Новым сотрудникам: С.Т. Прокофьеву, А.Д. Грибанову, Г.П. Агафонову – приходилось входить в курс дела в сложных условиях военного времени.

В марте 1915 года главный инженер Александр Алексеевич Копылов подает прошение об отставке, и 24 марта его сменяет Александр Юлианович Хмелевский [11, л. 118]. Также для усиления кадрового состава строительного управления 1 апреля принимаются на службу П.И. Федоров, а 15 мая И.М. Зубов. Первый на должность заведующего землечерпальным караваном, а второй помощником главного инженера.

Строительство в 1915 году, вследствие мировой войны, протекало в крайне неблагоприятных условиях. В июне были реквизированы военным ведомством два парохода «Тайфун» и «Елизавета». Ранее были отстранены от дел все поданные Османской империи, а они выполняли практически весь объем работ по заготовке и доставке камня в море. Эти обстоятельства снизили объемы выполненных работ в открытом море и заготовки материалов в карьерах.

В строительный сезон 1915 года началось уширение южного мола. Для этого было перенаправлено русло реки Туапсе и укреплены ее берега, путем забивки свай и отсыпки их грунтом. Проводились работы по восстановлению волнолома, поврежденного штормами прошедшей зимы. Для этого были переставлены 176 больших и 240 малых защитных массивов и уложено 178 дополнительных. Также углублялось дно портовой бухты, для ускорения этого процесса был заказан подрядчику Смирнову плавучий элеватор. Помимо этого, на территории порта в 1915 году были построены новые складские помещения площадью 1 472 кв. сажени [9, л. 168об.].

Но результаты строительного сезона 1915 года вызвали недовольство многих акционеров АТЖД. Они считали, что правление АТЖД несет ответственность за реализацию проекта в установленные сроки, которые уже прошли, также были выдвинуты обвинения в нецелевом использовании средств общества. Действия недовольных акционеров привели к перевыборам всех директоров правления АТЖД в мае 1916 года.

27 января 1916 года по состоянию здоровья строительное управление покидает главный инженер Александр Юлианович Хмелевский. Временно исполнять его обязанности был назначен Иван Михайлович Зубов [12, л. 22]. В мае на очередном собрании акционеров было принято решение пригласить на пост главного инженера по строительству порта Федора Федоровича Толмачева [13, л. 16–16об.], который вступил в должность в октябре 1916 года [13, л. 84].

В строительный сезон 1916 года в порту продолжалось удлинение волнолома и уширение южного мола, но уже по уложенной узкоколейной железной дороге. К концу года были закончены работы на южном моле и оборудовано на нем два причала в соответствии с требованиями Военно-Морского ведомства.

Небольшие объемы выполненных работ в открытом море были связаны с недостатком плавучих средств, рабочих и отсутствием с начала июля до конца августа необходимых погодных условий. Заготовка камня проходила крайне слабыми темпами, многократные запросы правления АТЖД к военным властям на выделение военнопленных для карьерных работ, не удовлетворялись. С ноября этот процесс еще осложнился из-за недостатка подвижного состава, который был реквизирован военным ведомством. Вместе с этим прекратилось строительство оградительных сооружений. В зимний период проводились ограниченные работы на берегу и заготавливались материалы.

В мае 1916 года новый порт начал осуществлять деятельность по перевалке грузов. В течение года на его территории было дополнительно построено 2 зернохранилища, 2 пакгауза, 1 крытая платформа. Общая площадь складских помещений к концу 1916 года составила 3 152 кв. сажени. Открытие работ в новом порту по отправке и приему грузов привлекло на линии АТЖД в 1916 году дополнительный грузопоток в 2,29 миллионов пудов. Следует отметить, что потенциал портовых сооружений даже в недостроенном состоянии был рассчитан на перевалку 25 миллионов пудов в год [13, л. 84об.].

В январе 1917 года на АТЖД возник топливный кризис. Полностью прекратились поставки угля. Его запасов было крайне мало. Перевести суда строительного управления на нефть не было возможности, отсутствовало необходимое оборудование. Попытки организовать подвоз дров наткнулись на острый дефицит подвижного состава и свободных вагонов. Это негативно отразилось на строительстве. Несмотря на эти сложности, оно продолжалось.

В 1917 году на уширенную часть южного мола была проложена железнодорожная ветка от станции Туапсе. Работы по удлинению и усилению волнолома проводились в крайне малых объемах. Причиной этому служили ограниченные запасы топлива, реквизиция рефулера «Поллукс», землечерпального судна «Кастор» и постоянные волнения в рабочей среде. В течение строительного сезона в открытом море было установлено и передвинуто 328 массива, на берегу заготовлено 92 больших и 64 малых массивов и значительное количество блоков для пирсов [13, л. 135].

Произведенные объемы работ 1917 года в сравнении с предшествующим были значительно меньше. Важнейшим фактором, который оказал на это влияние, были непрерывные волнения в рабочей среде, начавшиеся вскоре после Февральской революции. Попытки администрации повысить эффективность работ с помощью специальных премий, надбавок, перевод на сдельную оплату встречали упорное противодействие со стороны рабочих, видевших в этом скрытое стремление к понижению их заработной платы.

В июле 1917 года правление пришло к заключению о необходимости проводить только наиболее неотложные работы. Они заключались в установке 5 массивов на волноломе и надводной надстройке, а остальные мероприятия планировалось приостановить до наступления более благоприятного времени. Рабочие были предупреждены об этом, и это вызвало между ними новые

волнения, которые привели к забастовке, продолжавшейся с 25 сентября по 4 октября. Экономические требования бастующих правлением были удовлетворены, но нормальный ход дел восстановить не удалось, и даже неотложные работы выполнены не были [13, л. 135].

31 октября 1917 года правление принимает решение о приостановке строительства порта и о сокращении штата. После 1 декабря в порту должны были остаться служащие конторы и плавучих средств с минимальным штатом рабочих, которых предполагалось передать в ведение управления эксплуатации АТЖД [13, л. 135]. Но революционные события конца 1917 года и смена власти в начале 1918 года повлияли на реализацию этого плана.

3 марта 1918 года новые советские власти принимают решение продолжать строительство порта. Для этого была составлена смета, и Центральный губернский Новороссийский комитет советских депутатов выделяет для продолжения работ 250 тысяч рублей на период с 1 апреля по 15 мая. На следующий месяц, с 15 мая по 15 июня, средства были отпущены советскими властями в сумме 260 тысяч рублей. Но 15 июня в дальнейшем предоставлении денег на сооружение порта и оплату рабочим было отказано в связи с тем, что порт не национализирован. В виду этого 25 июня Общее собрание рабочих постановило: «признать национализацию нового порта в Туапсе, просить Туапсинский Совет Народного Хозяйства зафиксировать постановление и передать в Высший Совет Народного Хозяйства Кубано-Черноморской Республики в Екатеринодар на утверждение акт о национализации порта в Туапсе в срочном порядке» [13, л. 136].

Высший Совет народного хозяйства предоставил этот вопрос на усмотрение Совета народных комиссаров Черноморско-Кубанской Республики и постановил считать новый порт национализированным. После этого Управление водного транспорта в Новороссийске выделило около 497 тысяч рублей. Таким образом, постройка порта в 1918 году производилась на средства, отпущенные советскими властями.

Исполненные объемы работ за строительный сезон 1918 года были ограничены и сводились в основном к ремонту плавучих средств и портовых мастерских. Деятельность в открытом море не могла производиться, потому что Союз моряков национализировал и объявил своей собственностью пароходы «Греза» и «Екатерина». Распоряжаясь судами, Союз моряков не считался с потребностями строящегося порта. Также большое влияние на все работы оказывала Гражданская война, в ходе которой город переходил из рук в руки противоборствующих сторон. В конце июня советские власти проводили эвакуацию из Туапсе особо ценного имущества, в том числе и из порта. Это было связано с наступлением грузинских войск, которые заняли город 13 июля. 19 августа была восстановлена власть большевиков. Но уже с 27 августа Туапсе находился под контролем Добровольческой армии Юга России [13, л. 136об.]. В ходе военных действий происходили хищения и разрушения объектов инфраструктуры АТЖД. С сентября 1918 года начали составляться акты для определения ущерба и сметы для продолжения строительства. Главными

препятствиями для этого являлось отсутствие средств, судов и продовольственный кризис, начавшийся осенью 1918 года. Эти обстоятельства повлияли на весь строительный сезон 1919 года.

Весной 1919 года правлением АТЖД было возбуждено перед Отделом торговых портов Управления торговли и промышленности Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России ходатайство о ссуде. Техническим совещанием при Управлении торговли и промышленности это прошение было признано заслуживающего удовлетворения. По этому вопросу была составлена и утверждена смета обязательных портовых работ в сумме 17 556 240 рублей. После этого рассмотрением дела занималась Контрольно-финансовая комиссия, которая внесла корректировки, что увеличило смету до 25 922 000 рублей [14, л. 63об.].

Точных данных о количестве выделенных ассигнований и исполненных работ за 1919 и 1920 годы автором статьи обнаружено не было. Но с большой степенью вероятности можно предположить, что значительных успехов в строительстве достигнуто не было вследствие того, что отсутствовали пароходы «Греза», «Екатерина» и плавучий кран. Эти суда продолжительный период 1919 года исполняли работы военного ведомства в Новороссийском порту, а все ходатайства правления АТЖД об их возврате удовлетворены не были.

В начале 1920 года армия Юга России потерпела ряд поражений от Красной армии, что привело к стремительному ее отступлению, которое закончилось в марте эвакуацией через порты Новороссийска и Туапсе.

25 марта АТЖД национализируется и входит в состав новой объединенной Владикавказской железной дороги [1, л. 165]. Так, в конце марта АТЖД перестает существовать как юридическое лицо, и вместе с этим заканчивается история ее строительства порта в Туапсе. Дальнейшие работы по сооружению портовой инфраструктуры в Туапсе проходили в совершенно иных социально-экономических условиях.

Таким образом, рассмотренные события и приведенные факты позволяют указать на причины, вследствие которых строительство затянулось и не было окончено в намеченные сроки. В первую очередь это неудачный выбор подрядчика правлением АТЖД. Он оказал большое влияние на весь ход постройки порта с защитными сооружениями. Хозяйственная деятельность Першо привела к фактической потере двух строительных сезонов и большим финансовым издержкам акционерного общества. Следует отметить, что вступление России в 1914 году в мировую войну породило новые проблемы для АТЖД, такие как мобилизация рабочих, реквизиция подвижного состава и судов, эвакуационные мероприятия, обесценивание денег. Это все крайне негативно отразилось на процессе строительства. В 1917 году к существовавшему положению дел добавились волнения в рабочей среде, продолжавшиеся в течение всего года. Революция и события Гражданской войны также не способствовали успешному ходу работ по сооружению порта.

Таким образом, первый опыт России в передаче концессии на одновременное строительство железнодорожной линии и коммерческого порта частным акционерным обществом можно признать неудачным. Тем не менее в процессе работ применялись передовые технические решения. Это позволило заложить прочную основу для развития Туапсе как портового города, что и было реализовано в советское время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивный отдел администрации г. Армавира (далее – АОАА). – Ф. 51. – Оп. 1. – Д. 289. – Текст : непосредственный.
2. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 9. – Текст : непосредственный.
3. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 11. – Текст : непосредственный.
4. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 18. – Текст : непосредственный.
5. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 22. – Текст : непосредственный.
6. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 31. – Текст : непосредственный.
7. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 36. – Текст : непосредственный.
8. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 46. – Текст : непосредственный.
9. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 60. – Текст : непосредственный.
10. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 104. – Текст : непосредственный.
11. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 202. – Текст : непосредственный.
12. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 255. – Текст : непосредственный.
13. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 268. – Текст : непосредственный.
14. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 350. – Текст : непосредственный.
15. Ванцар, В. Б. Порт Туапсе: 100-летний виток истории / В. Б. Ванцар, Г. И. Литвиненко, В. А. Цыкало. – М. : Транспорт, 2000. – 215 с. – Текст : непосредственный.
16. Кривенко, А. Н. Интересы и права частных лиц в вопросе об устройстве железных дорог на Кавказе и колоссальные потери страны от бездорожья / А. Н. Кривенко. – СПб. : Товарищество Художественной печати, 1906. – 32 с. – Текст : непосредственный.
17. Перцов, П. Н. Воспоминания / П. Н. Перцов ; комментарии Д. И. Болотиной. – М. : Кучково поле, 2017. – 576 с. – Текст : непосредственный.
18. Расторгуев, В. П. История сооружения Армавир-Туапсинской железной дороги : рукопись / В. П. Расторгуев, Ф. М. Шуляев. – Армавир : Армавирский краеведческий музей, 1961. – 145 с. – Текст : непосредственный.
19. Россия. Государственный контроль. Всеподданнейший отчет Государственного контролера 1865–1916. – СПб., 1912. – 272 с. – Текст : непосредственный.
20. Салов, Г. Н. 100 лет славных дел: «история Туапсинского морского торгового порта» / Г. Н. Салов. – Туапсе : Морские вести России, 1999. – 191 с. – Текст : непосредственный.
21. Сидоренко, В. Т. Путешествие в историю Северо-Кавказской железной дороги 1860–1920 / В. Т. Сидоренко. – Ростов н/Д. : Омега-Принт, 2007. – 324 с. – Текст : непосредственный.
22. Устав Общества Армавир-Туапсинской железной дороги. – СПб., 1908. – 65 с. – Текст : непосредственный.
23. Фонды МБУК «Туапсинского историко-краеведческого музея имени Н.Г. Полетаева». – Научный архив-1. – Д. 16. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 1, case 289. (In Russian).
2. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 9. (In Russian).
3. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 11. (In Russian).
4. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 18. (In Russian).
5. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 22. (In Russian).
6. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 31. (In Russian).
7. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 36. (In Russian).
8. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 46. (In Russian).
9. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 60. (In Russian).
10. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 104. (In Russian).
11. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 202. (In Russian).
12. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 255. (In Russian).
13. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 268. (In Russian).
14. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 350. (In Russian).
15. Vancar V. B. *Port Tuapse: 100-letnij vitok istorii* [Port of Tuapse: 100-year round of history]. M., Transport, 2000. 215 p. (In Russian).
16. Krivenko A. N. *Interesy i prava chastnyh lic v voprose ob ustrojstve zheleznyh dorog na Kavkaze i kolossal'nye poteri strany ot bezdorozh'ya* [Interests and rights of individuals in the issue of the construction of railways in the Caucasus and the colossal losses of the country from impassability]. SPb., Association of the Artistic Press, 1906. 32 p. (In Russian).
17. Percov P. N. *Vospominaniya* [Memories]. M., Kuchkovo field, 2017. 576 p. (In Russian).
18. Rastorguev V. P. *Istoriya sooruzheniya Armavir-Tuapsinskoj zheleznoj dorogi* [The history of the construction of the Armavir-Tuapse railway]. Armavir, Armavir Museum of Local Lore, 1961. 145 p. (In Russian).
19. *Rossiya. Gosudarstvennyj kontrol'. Vspoddannejšij otchet Gosudarstvennogo kontrolera 1865–1916* [Russia. State control. The Most Submissive Report of the State Comptroller 1865–1916]. SPb., 1912. 272 p. (In Russian).
20. Salov G. N. *100 let slavnyh del: istoriya Tuapsinskogo morskogo trgovogo porta* [100 years of glorious deeds: the history of the Tuapse commercial seaport]. Tuapse, Maritime news of Russia, 1999. 191 p. (In Russian).

21. Sidorenko V. T. *Puteshestvie v istoriyu Severo-Kavkazskoj zheleznoj dorogi 1860–1920* [Journey into the history of the North Caucasian railway 1860–1920]. Rostov-on-Don, Omega-Print, 2007. 324 p. (In Russian).

22. *Ustav Obshchestva Armavir-Tuapsinskoj zheleznoj dorogi* [Charter of the Armavir-Tuapse Railway Society]. SPb., 1908. 65 p. (In Russian).

23. Fond MBUK "Tuapsinskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya imeni N.G. Poletaeva" [Funds of the MBUK "Tuapse Museum of History and Local Lore named after N.G. Poletaev"]. Scientific archive, fund 1, case 16. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бычков, Г. Н. Основные этапы и проблемы строительства Туапсинского порта Армавир-Туапсинской железной дороги / Г. Н. Бычков. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 75–86.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bychkov G. N. The Main Stages and Problems of the Construction of the Tuapse Port of the Armavir-Tuapse Railway / G. N. Bychkov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 75–86. (In Russian).

УДК 93/94

**ПАМЯТНИК РУССКОЙ ИНЖЕНЕРНОЙ МЫСЛИ:
ИСТОРИЯ МОСТА АРМАВИР-ТУАПСИНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ
ЧЕРЕЗ РЕКУ УРУП**

Г.Н. Бычков

**MONUMENT OF RUSSIAN ENGINEERING THOUGHT:
THE HISTORY OF THE ARMAVIR-TUAPSE RAILWAY BRIDGE
OVER THE URUP RIVER**

G.N. Bychkov

Аннотация. В статье представлены материалы, восстанавливающие хронологию событий, связанных со строительством, эксплуатацией, разрушением и последующей реконструкцией мостового перехода через реку Уруп Благодарненской линии Армавир-Туапсинской железной дороги. Они помогают найти ответы на целый ряд вопросов, которые невольно возникают у всех, кто хоть раз видел этот памятник инженерной мысли начала XX века. В настоящее время он находится на грани исчезновения. По мнению автора, он требует защиты со стороны государства вместе с остальными сохранившимися объектами транспортной инфраструктуры Благодарненской линии Армавир-Туапсинской железной дороги, потому что это важная часть истории хозяйственно-экономической деятельности наших предков. В статье размещены материалы, которые до настоящего времени не были введены в научный оборот и детально не изучались.

Abstract. The article presents materials that restore the chronology of events related to the construction, operation, destruction and subsequent reconstruction of the bridge crossing over the Urup River on the Blagodarnenskaya line of the Armavir-Tuapse railway. They help to find answers to a number of questions that involuntarily arise in everyone who has ever seen this engineering monument of the early 20th century. It is currently on the verge of extinction. According to the author, it requires protection from the state along with the rest of the preserved objects of the transport infrastructure of the Blagodarnenskaya line of the Armavir-Tuapse railway, because this is an important part of the history of the economic activity of our ancestors. The article contains materials that have not yet been introduced into scientific circulation and have not been studied in detail.

Ключевые слова: пути сообщения, железнодорожное строительство, Армавир-Туапсинская железная дорога, Благодарненская линия, Гражданская война, Великая Отечественная война, река Уруп, Армавир.

Keywords: communication lines, railway construction, Armavir-Tuapse railway, Blagodarnenskaya line, Civil War, Great Patriotic War, Urup River, Armavir.

Прежде чем перейти к изложению материалов, непосредственно касающихся истории мостового перехода через реку Уруп Благодарненской линии Армавир-Туапсинской железной дороги, необходимо дать общую и в то же время краткую характеристику развития путей сообщения на Северном Кавказе.

К началу XX века в Российской империи в рамках капиталистической модернизации активно протекали процессы экономической специализации регионов. Основным видом деятельности населения, проживавшего на обширных территориях Кубанской области и Ставропольской губернии, было сельское хозяйство. Этому способствовали плодородные земли и благоприятный климат. Отрасли тяжелой и добывающей промышленности находились на низком уровне своего развития. Одной из основных причин, препятствовавших формированию крупного и развитого сектора промышленного производства, являлось отсутствие современных путей сообщения. Железнодорожное строительство на Северном Кавказе началось значительно позже, чем в остальных регионах страны. В дополнение к этому маршруты будущих железнодорожных линий определялись правительством в первую очередь для решения военно-стратегических задач. Это отразилось на развитии всех отраслей экономики региона и в том числе на сельском хозяйстве.

Для решения целого комплекса проблем, связанных с транспортной доступностью районов Закубанья в Кубанской области и Черноморской губернии, 17 июля 1908 году правительством было принято постановление, разрешающее создание акционерного общества Армавир-Туапсинской железной дороги (далее АТЖД) [18, с. 1]. Здесь следует особо подчеркнуть, что это произошло только благодаря активной позиции местного населения по данному вопросу. Новообразованное общество должно было построить железнодорожную линию от Армавира до Туапсе и новый коммерческий порт в туапсинской бухте [8, л. б/н].

Осенью 1909 года началось строительство железной дороги от Армавира в западном направлении. Работы проводились интенсивно, что выразилось в открытии 31 августа 1910 года товарного движения на участке Армавир – Курганная [7, л. 4об.], а 12 декабря 1910 года и на всем протяжении ее равнинной части. В горной местности строительство значительно замедлилось по целому ряду причин, и только 7 февраля 1914 года железнодорожный путь был доведен до Черноморского побережья, а с 1 июля на нем начались регулярные грузопассажирские перевозки.

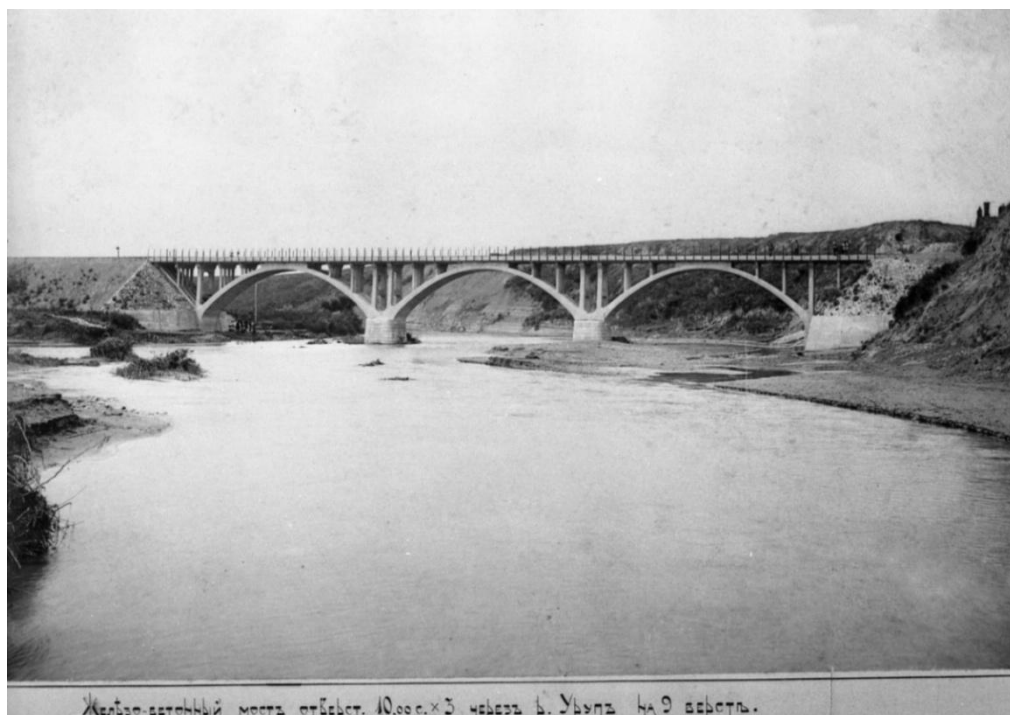
Сразу после образования акционерного общества АТЖД в ее правлении начинают разрабатывать планы перспективного развития своей железнодорожной сети. Для этого в 1909 году инженерами АТЖД были произведены предварительные изыскания в восточном направлении от Армавира [6, л. 19об.]. Они показали экономическую целесообразность и технологическую возможность расширения железнодорожной сети в этом направлении. Большую заинтересованность в строительстве этой железной дороги проявили ставропольские предприниматели, которые нуждались в надежном и коротком пути к возводимым портовым сооружениям в Туапсе. Они видели в этой дороге, в первую очередь, возможность вывоза ставропольского зерна на экспорт, не прибегая к услугам перегруженного Новороссийского порта и Владикавказской железной дороги. Также следует отметить, что маршрут будущей магистрали определялся собраниями уполномоченных городской думы Ставрополя и селений губернии, исходя из экономических интересов всего региона [5, л. 5–5об.].

28 мая 1912 года АТЖД получила право на строительство Лабинской ветви и Благодарненской линии [19, с. 71]. Первая пролегла по территории Кубанской области, и имела протяженность всего 32 версты. Ее сооружение началось в том же году. Оно проходило быстро и эффективно. 15 июня 1913 года на ней было запущено временное коммерческое движение [16, с. 3]. Сдача ее в эксплуатацию произошла вместе с основной линией Армавир – Туапсе 15 февраля 1915 года [14, с. 157].

Благодарненская линия имела протяженность в 348 верст. Ее проектом предусматривался маршрут Армавир – Ставрополь – Петровское – Благодарное и ветвь Петровское – Дивное [19, с. 71]. Трасса проектируемой железной дороги начиналась в Кубанской области и проходила по ней всего 70 верст, а остальной ее путь пролегал по территориям Ставропольской губернии. В связи с геологическими особенностями местности и большой ее длины потребовалось произвести дополнительные изыскания, которые были проведены в 1912 году [9, л. 82]. В течение 1913 года разрабатывалась проектно-сметная документация, которая, в свою очередь, проверялась Министерством финансов и Министерством путей сообщения, а после этого утверждалась или возвращалась в общество АТЖД на доработку. 12 января 1914 года расценочные ведомости были подписаны министром путей сообщения [10, л. 59], после чего АТЖД получила юридическое право на производство строительных работ, которые начались 15 марта 1914 года. В административном отношении Благодарненская линия на время постройки была разделена на четыре участка с верстовым отчетом от станции Армавир АТЖД.

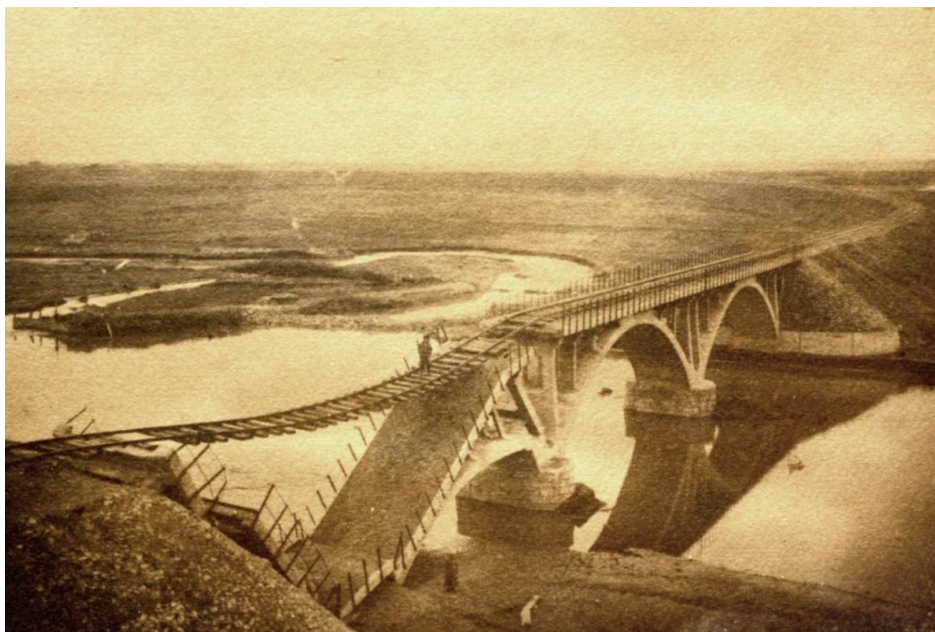
С осени 1913 года правление АТЖД проводило отбор на конкурсной основе надежных подрядчиков. 12 февраля 1914 года были определены подрядчики по сооружению всех искусственных сооружений на ближнем к Армавиру четвертом строительном участке. Ими стали инженер путей сообщения К.В. Мрочковский и его компаньон В.А. Торлецкий. 10 августа 1914 года между ними и АТЖД был заключен договор на сооружение трехпролетного арочного моста через реку Уруп [12, л. 34]. Его стоимость была определена в 123 370 рублей [11, л. 124]. Процесс его возведения проходил в военное время, но перерасхода денежных средств не произошло, в отличие от других объектов на Благодарненской линии. Строительство было закончено в 1915 году, а весной 1916 года прошли его испытания и окончательный расчет с подрядчиками [4, л. 193]. В фондах Государственного архива Краснодарского края сохранился уникальный снимок, сделанный перед испытанием мостового перехода статическими и динамическими нагрузками.

Штатная эксплуатация этого моста продлилась с весны 1916 до марта 1920 года, когда он был взорван отступающими войсками армии Юга России.

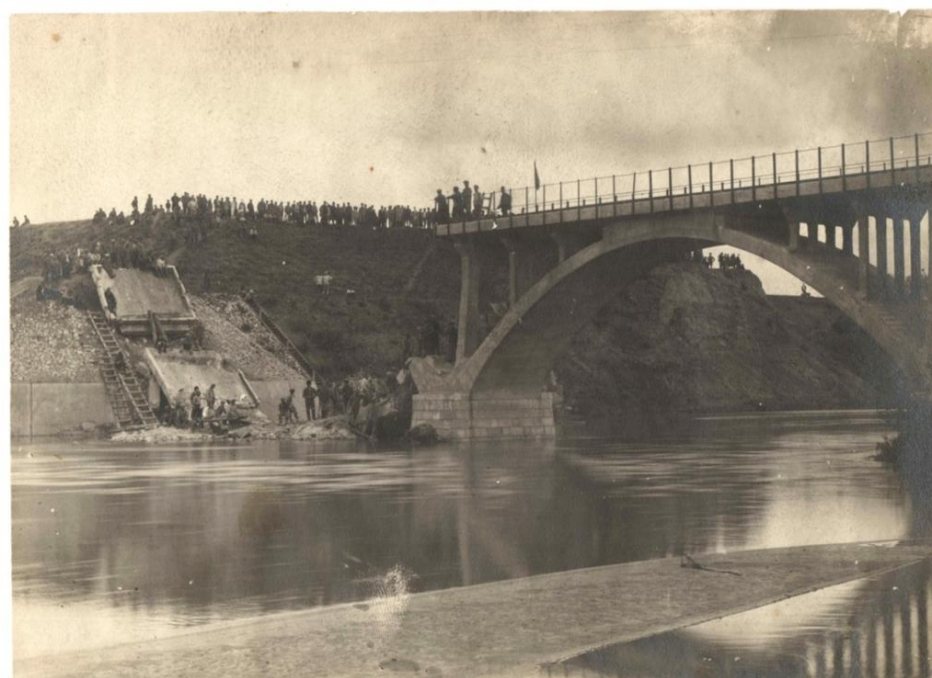

***Снимок 1916 года перед испытанием мостового перехода
статическими и динамическими нагрузками
(из фондов Государственного архива Краснодарского края)***

В процессе исследования данной проблематики в Российском государственном архиве экономики была обнаружена фотография, на которой зафиксированы последствия этого подрыва. В этом же деле содержится и описание его повреждений: «Подорвана береговая половина арки Армавирского пролета. Пролетное строение обрушилось одним концом в русло и приняло наклонное положение, удерживаясь другим концом на Благодарненском устое» [15, л. 26]. Временное восстановление моста было признано невозможным. К капитальному же восстановлению в проектом виде было приступлено средствами Армавирского участка 10 июня 1920 года. Но ввиду острого дефицита строительных материалов и, главным образом, квалифицированных кадров, работы по восстановлению моста затянулись [15, л. 26] и продолжались до 20 мая 1922 года. Это подтверждается документами, хранящимися в архивном отделе администрации города Армавира. В нем было обнаружено дело со сведениями о восстановительных мероприятиях, относящихся к 1 апреля 1922 года, в которых скупо описывалось производство работ на железнодорожном мосту через реку Уруп. Из этих документов следует, что проводились бетонные и земляные работы, демонтаж металлических кружал и укладка пути. Там также указана и дата их окончания – 20 мая 1922 года [2, л. 23].

***Март 1920 года. Последствия подрыва моста
отступающими войсками армии Юга России
(из фондов Государственного архива экономики Российской Федерации)***

***Июнь 1920 года. Процесс демонтажа поврежденных конструкций
(из фондов Армавирского краеведческого музея)***

Интересен тот факт, что после окончания сложнейшего восстановления моста через Уруп 25 мая 1922 года прошло совещание специально образованного Технического совета, на котором было принято решение о закрытии грузопассажирских перевозок на участке Армавир – Ставрополь. В документах по этому вопросу указывалось, что это было продиктовано многочисленными сплывами железнодорожных насыпей и общим состоянием искусственных сооружений. В протоколе этого собрания было особо подчеркнуто, что участок от Армавира до разъезда Балластный, расположенного на 30-й версте, считать открытым только для балластной возки, и в каждом отдельном случае об этом служба эксплуатации должна согласовывать движение состава со службой пути [1, л. 73]. В справке о состоянии искусственных сооружений по линиям Армлинодела сообщается, что до разъезда Балластный возможен пропуск паровозов серии Ы с вагонами нормального размера без допущения двойной тяги через мост на реке Кубань, находящийся на 13-й версте [2, л. 47]. Из сказанного выше следует, что данный участок эксплуатировался после закрытия движения на Благодарненской линии, предположительно до ноября 1926 года, когда начался демонтаж рельс для завершения строительства железнодорожного участка Петровское – Благодарное, которое состоялось 7 ноября 1927 года [13, с. 121–127].

Здесь будет уместно указать, что при разработке планов по развитию Армавирского транспортного узла на период первой пятилетки Армавирской окружной крестьянской инспекцией неоднократно поднимался вопрос о восстановлении прямого железнодорожного сообщения между Армавиром и Ставрополем [3, л. 179–181]. Для этого было разработано три проекта. По первому линия восстанавливалась по старому маршруту. Второй предусматривал частичное использование существующего полотна дороги до 62 километра и строительства нового участка, проходящего вблизи Сенгилеевского озера с выходом к железнодорожной станции Палагиада. Третий вариант содержал предложение сооружения новой линии Армавир – Ставрополь протяженностью 83 километра. По этому проекту железнодорожный путь отвечался от бывшей магистрали Владикавказской железной дороги, пересекал Кубань в районе села Ново-Кубанского и хутора Северокавказский, далее направлялся через станицу Каменнобродскую и хутор Русский до железнодорожной станции Палагиада [17, с. 37–38]. В силу различных обстоятельств эти планы остались только на бумаге.

После того как с железобетонного трехпролетного моста через реку Уруп в 1926–1927 годах была снята рельсошпальная решетка, он стал использоваться как автомобильный вплоть до августа 1942 года, когда был взорван отступавшими войсками Красной Армии. Это решение было продиктовано военно-стратегическими соображениями. Сохранность моста и его назначение до 1942 года, а также последующее уничтожение в этот период подтверждается немецкими разведывательными аэрофотоснимками, сделанными в период с сентября 1941 по апрель 1943 года. В послевоенный период данный мост не восстанавливался и находился практически в неизменном виде до лета

2002 года. В июне 2002 года после резкого и сильного подъема уровня воды одна из опор получила крен и начала создавать угрозу при своем падении перекрыть часть русла и тем самым вызвать нежелательные и непредсказуемые последствия для инженерных сооружений, расположенных ниже по течению реки. В связи с этим в 2009 году было принято решение о его демонтаже. Но после проведения целого ряда взрывных работ одна из опор устояла, и в таком виде существует по сегодняшний день.

Таким образом, нами был выявлен целый ряд прежде неизвестных первоисточников, которые впервые вводятся в научный оборот. Представленная информация дополнена уникальными фотографическими материалами. В статье произведена историческая реконструкция хронологии строительства, эксплуатации и восстановления трехпролетного арочного моста через реку Уруп Благодарненской линии АТЖД. Эти материалы, несомненно, будут являться хорошим помощником для учителей кубановедения при проведении ими факультативных занятий, а также для экскурсий в Армавире и его ближайших окрестностях.

В заключении нужно добавить, что этот некогда красивейший трехпролетный арочный мост, построенный в 1915 году, является немым свидетелем событий Гражданской и Великой Отечественной войн. Он, как и другие объекты Благодарненской линии АТЖД, является памятником прошлого нашей родной земли и имеет большое значение в качестве исторического источника, наглядно рассказывающего о развитии путей сообщения региона в начале XX века. Именно поэтому эти объекты требуют защиты, бережного отношения и должны быть сохранены для будущих поколений. Включение в экскурсионные маршруты этого и других памятников транспортной инфраструктуры Благодарненской линии АТЖД, несомненно, будет способствовать решению целого ряда задач: от изучения истории родной земли и воспитания гражданственности и патриотизма до развития внутреннего туризма на Кубани.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивный отдел администрации г. Армавира (далее – АОАА). – Ф. Р-164. – Оп. 1. – Д. 16. – Текст : непосредственный
2. АОАА. – Ф. Р-164. – Оп. 1. – Д. 18. – Текст : непосредственный
3. АОАА. – Ф. Р-247. – Оп. 1. – Д. 223. – Текст : непосредственный
4. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 1. – Д. 223. – Текст : непосредственный
5. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 1. – Д. 321. – Текст : непосредственный
6. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 11. – Текст : непосредственный
7. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 20. – Текст : непосредственный
8. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 36. – Текст : непосредственный
9. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 75. – Текст : непосредственный
10. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 268. – Текст : непосредственный
11. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 280. – Текст : непосредственный
12. АОАА. – Ф. 51. – Оп. 2. – Д. 334. – Текст : непосредственный

13. Бычков, Г. Н. Строительство Благодарненской линии Армавир-Туапсинской железной дороги: основные этапы истории / Г. Н. Бычков. – Текст : непосредственный // Лунинские чтения. – 2022. – № 1. – С. 121–127.

14. Государственный контроль. Всеподданнейший отчет Государственного контролера 1865–1916. – Петроград, 1916. – 237 с. – Текст : непосредственный.

15. Российский государственный архив экономики. – Ф. 1884. – Оп. 56. – Д. 92. – Текст : непосредственный.

16. Отклики Кавказа. Местная хроника. – Выпуск 129. – Армавир, 1913. – 4 с. – Текст : непосредственный.

17. Пояснительная записка к перспективам развития Армавирского транспортногo узла на период генплана. – [Б. м.], [б. и.], [б. г.]. – 280 с. – Текст : непосредственный.

18. Устав Общества Армавир-Туапсинской железной дороги. – СПб., 1908. – 65 с. – Текст : непосредственный.

19. Уставы русских железнодорожных обществ / Высочайше учрежденная Особая Высшая Комиссия для всестороннего исследования железнодорожного дела в России. – Выпуск LXXXVIII. – СПб. : С.Л. Кинда, 1913. – 540 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund P-164, inventory 1, case 16. (In Russian).

2. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund P-164, inventory 1, case 18. (In Russian).

3. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund P-247, inventory 1, case 223. (In Russian).

4. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 1, case 223. (In Russian).

5. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 1, case 321. (In Russian).

6. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 11. (In Russian).

7. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 20. (In Russian).

8. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 36. (In Russian).

9. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 75. (In Russian).

10. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 268. (In Russian).

11. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 2, case 280. (In Russian).

12. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. Fund 51, inventory 3, case 334. (In Russian).

13. Bychkov G. N. Construction of the Blagodarnenskaya line of the Armavir-Tuapse railway: the main stages of history. *Luninskie chteniya = Lunin's readings*, 2022, no. 1, pp. 121–127. (In Russian).

14. *Gosudarstvennyj kontrol'. Vsepoddannejšij otchet Gosudarstvennogo kontrolera 1865–1916* [State control. The Most Submissive Report of the State Comptroller 1865–1916]. Petrograd, 1916. 237 p. (In Russian).

15. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics]. Fund 1884, inventory 56, case 92. (In Russian).

16. *Otkliki Kavkaza. Mestnaya hronika* [Responses of the Caucasus. Local chronicle]. Issue 129. Armavir, 1913. 4 p. (In Russian).

17. *Poyasnitel'naya zapiska k perspektivam razvitiya Armavirskogo transportnogo uzla na period genplana* [Explanatory note to the prospects for the development of the Armavir transport hub for the period of the general plan]. 280 p. (In Russian).

18. *Ustav Obshchestva Armavir-Tuapsinskoj zheleznoj dorogi* [Charter of the Armavir-Tuapse Railway Society]. SPb., 1908. 65 p. (In Russian).

19. *Ustavy russkih zheleznodorozhnyh obshchestv. Vysochajshe uchrezhdennaya Osobaya Vysshaya Komissiya dlya vsestoronnego issledovaniya zheleznodorozhnogo dela v Rossii* [Charters of Russian Railway Societies. The Highest Established Special Higher Commission for a comprehensive study of the railway business in Russia]. Issue LXXXVIII. SPb., 1913. 540 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бычков, Г. Н. Памятник русской инженерной мысли: история моста Армавир-Туапсинской железной дороги через реку Уруп / Г. Н. Бычков. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 87–95.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Bychkov G. N. Monument of Russian Engineering Thought: the History of the Armavir-Tuapse Railway Bridge over the Urup River / G. N. Bychkov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 87–95. (In Russian).

УДК 93/94

**ЧАСТНЫЕ СЮЖЕТЫ ЖАНДАРМСКОГО НАДЗОРА
КАК ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)**

Ю.Ю. Гранкин

**PRIVATE STORIES OF GENDARME SUPERVISION
AS A REFLECTION OF THE SYSTEM OF DAILY IMPLEMENTATION
OF RECRUITS IN THE RUSSIAN EMPIRE
(FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)**

Yu.Yu. Grankin

Аннотация. Рекрутские наборы стали основным способом комплектования Российской имперской армии с 1699 года. К 30-м годам XIX века они приняли форму стабильных установлений систематического характера. Роль армии постоянно возрастала вместе с ростом и развитием Российского государства и активизации внешнеполитической деятельности его правительства. Росла также и численность всех родов войск, и усложнялся механизм их комплектования. Множественность инстанций, участвовавших в финансировании, снабжении и комплектовании армейских частей приводила к функциональным сбоям, которые часто были результатом недостаточного соблюдения предписанных регламентов или сознательного и злонамеренного злоупотребления со стороны людей, участвовавших на разных этапах и в разных структурах доведения рекрутов в войска. Высшие власти государства, желая установить действенный контроль за происходившими процессами во многих сферах общественной жизни и обладать исчерпывающей о них информацией, создали особенный инструмент – Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, который транслировал в высшие сферы информацию о нарушениях, злоупотреблениях помещиков и должностных лиц всех рангов и управлений, притеснениях, казнокрадстве и злонамеренных замыслах людей, так или иначе преступавших черту закона. Частные случаи такого надзора, выявлявшего людей, способы и сферы, в которых совершались правонарушения, становились отображением повседневного состояния и течения дел всей административной машины государства, в том числе и в существовавшей системе рекрутских присутствий при реализации наборов по комплектованию армейских полков. Жандармским офицерам и нижним чинам предписывалась роль гонителей зла и защитников поправленной справедливости.

Abstract. Recruitment kits have become the main method of manning the Russian Imperial Army since 1699. By the 1930s, they took the form of stable, systematic institutions. The role of the army constantly increased along with the growth and development of the Russian state and the intensification of the foreign policy activities of its government. The number of all types of troops also grew and the mechanism for their recruitment became more complicated. The multiplicity of instances involved in the financing, supply and manning of army units led to functional failures, which were often the result of insufficient compliance with prescribed regulations or conscious and malicious abuse by people involved in different stages and in different structures of bringing recruits to the troops.

The highest authorities of the state, wishing to establish effective control over the ongoing processes in many areas of public life and to have comprehensive information about them, created a special tool – the Third Department of His Own Imperial Majesty's Chancellery, which broadcast to the highest spheres information about violations, abuses of landowners and officials of all ranks and administrations, harassment, embezzlement and malicious designs of people who somehow transgressed the law. Particular cases of such supervision, which revealed people, methods and areas in which offenses were committed, became a reflection of the daily state and course of affairs of the entire administrative machine of the state, including in the existing system of recruiting presences in the implementation of sets for recruiting army regiments. Gendarmerie officers and lower ranks were assigned the role of persecutors of evil and defenders of violated justice.

Ключевые слова: Третье отделение, рекрутское присутствие, рекруты, комплектование армии, злоупотребление, департамент, жандармские чиновники.

Keywords: Third branch, recruiting presence, recruits, army recruitment, abuse, department, gendarmerie officials.

После проведения 1-го рекрутского набора в России, рекрутская система комплектования войск постепенно сделалась основным механизмом формирования армии. Сначала наборы рекрутов были достаточно случайными, по мере надобности, и не носили систематического характера. Однако как само развитие российской государственности, так и состояние геополитической ситуации вокруг её границ постоянно актуализировали роль и значение вооруженных сил. Внешнеполитическая активность правительства порождала потребность в росте численности регулярной армии, что сопровождалось увеличением числа людей, находившихся на военной службе.

Данную тенденцию можно наглядно проследить по ниже приводимым данным: 1802 г. – 416,8 тыс. чел.; 1822 г. – 856,7 тыс. чел.; 1842 г. – 930,3 тыс. чел.; 1852 г. – 1 142,1 тыс. чел. Одновременно росли расходы на содержание сухопутной армии: 1805 г. – 45,2 млн руб.; 1820 г. – 179,9 млн руб.; 1835 г. – 193,9 млн руб. [6, с. 10, 12]. Военное ведомство расходовало денежные суммы, предназначенные для армии через несколько своих подразделений – Комиссариатский, Провиантский, Артиллерийский и Инженерный департаменты.

Такая множественность инстанций предполагала множественность исполнителей, что всегда связано с возможностью функциональных сбоя, имеющих самую разную природу, в том числе с сознательными искажениями, бывшими результатом неправомερных действий. Наибольшее поле для такого рода деятельности предоставлял Комиссариатский департамент, через который направлялись средства на жалование и обмундирование военнослужащих, содержание госпиталей, приобретение строевых лошадей. Не меньше возможностей для лихоимства предоставлял Провиантский департамент, средства которого направлялись на продовольствие войск и фураж для лошадей [6, с. 13].

Рекрутский устав 1831 г. значительно упорядочил систему набора рекрутов. По этому уставу все податные сословия (категории населения, обязанные

платить налоги) были переписаны и разбиты на тысячные участки (территория, на которой проживала 1 000 человек податного сословия). Российская империя в военно-административном отношении была разделена на 2 полосы, восточную и западную, и рекруты брались ежегодно из каждой из них по очереди, когда 2 года считалось за 1 набор. С 1831 г. вводились ежегодные наборы рекрутов, которые подразделялись на обычные – по 5–7 человек на 1 000 душ; усиленные – по 7–10 человек на 1 000 душ; чрезвычайные – более 10 человек на 1 000 душ [3].

Сословные общества должны были давать рекрутов по очереди от семей с большим числом трудоспособных. Семьи, имевшие одного трудоспособного работника, освобождались от поставки рекрутов. Если было несколько кандидатов, то предпочтение отдавалось в пользу холостых или более старших по возрасту. Отдатчики (уполномоченные от обществ), обязаны были снабжать рекрутов одеждой, обувью и продуктами, необходимыми им для пропитания во время пути к месту службы. Отдатчики передавали рекрутов в руки военных приемщиков.

Установившаяся после Устава 1831 г. рекрутская система весьма неоднозначно воспринималась прежде всего в помещичьей среде. Так последовавший летом 1838 г. указ о рекрутском наборе с северной половины России был воспринят там «с особенным неудовольствием», как о том информировал шеф Третьего отделения СЕИВК граф А.Х. Бенкендорф [8, с. 187]. Приводило в смятение «уже и самое постановление о постоянном каждый год наборе с одной половины государства по 5 человек с тысячи признается довольно тягостным, и потому прибавка, следовавшая... без всякой видимой причины, единственно для пополнения обыкновенной убыли, возбудила довольно заметный между помещиками ропот» [8, с. 187]. По их рассуждениям от частых рекрутских наборов «в непродолжительном времени останутся в поместьях только старцы и дети» [8, с. 408].

Помещики опасались, что «сия столь тягостная повинность» может быть в скором времени ещё увеличена. При этом жалобщики винили во всем военного министра и дежурного генерала П.А. Клейнмихеля. Некоторые из помещиков стали искать способы обходить нежелательные для них предписания. Распространилась практика отдачи в рекруты непригодных для службы людей, а также лиц с расшатанными нравственными устоями, пристрастных к воровству и буйству.

Другими частыми злоупотреблениями при проведении рекрутских наборов были нарушения в очередности отдачи кандидатов в войска, махинации с обмундированием и необъективное медицинское освидетельствование здоровья рекрутов. Волостные правления вместе с местной полицией самостоятельно принимали решения и отбирали кандидатов в армейскую службу. В нарушение установлений в рекруты отправляли молодых людей из бедных семей или вдовьих сыновей, что вообще было запрещено [7].

Среди контингента местной полиции наибольшие нарекания относились к станovým приставам, которые представляли низший разряд, но многочисленный

государственных чиновников, имевших самое скудное содержание, а занятия обременительные и неприятные. По этой причине в данную должность поступали люди, «которые по неспособности или по другим, не в их пользу клонящимся обстоятельствам не могут приискать себе лучшей службы, или будучи движимы корыстолюбием, стремятся к обогащению...» [8, с. 263]. Из-за того, что количество станových приставов было чрезвычайно велико, не было никакой возможности подобрать такое же количество людей совершенно честных, а потому губернаторы часто терпели на этих должностях людей дурных, «опасаясь заметить их ещё худшими» [8, с. 264].

Обмундирование по несколько раз перекупалось с повышением цены, которая вырастала в несколько раз по отношению с установленной правительством суммой 43 рубля на каждого рекрута. У каждого чиновника были налажены устойчивые контакты с отдатчиками рекрутских партий, которые передавали чиновниками рекрутских присутствий заранее установленные между ними суммы подношений [2, с. 31].

В связи с чем высшее наблюдение вынуждено было не только информировать высшие власти, но просить назначить соответствующие меры и людей для предотвращения злоупотреблений в данном деле. В 1834 г. для наблюдений за проведением рекрутских наборов были назначены флигель-адъютанты и жандармские штаб-офицеры, что в определенной мере изменило ситуацию к лучшему.

С 1831 г. губернские жандармские штаб-офицеры и состоявшие при них в качестве адъютантов обер-офицеры получили право в любое время на вход в рекрутские присутствия для наблюдения. Нижние чины жандармерии стали следить за отдатчиками и действиями связанных с ними чиновников, если они попадали под подозрение [2, с. 27].

Результатом сделалось резкое уменьшение числа побегов и заболелавших во время препровождения людей в рекрутские присутствия. Резко сократилось количество злоупотреблений с обмундированием и довольствием рекрутов. Жандармы следили за тем, чтобы раскладка рекрутов была справедливой и проходила по существовавшим установлениям, но жалобы от помещиков на частое проведение наборов не утихали. В некоторых местах империи уже в 1840-х годах стало чувствоваться «большое затруднение в исполнении сей повинности» [8, с. 255].

При этом, как отмечал глава высшего надзора, повсеместно было желание, что полезно было бы принимать в рекруты людей не моложе 24 лет, поскольку при существовавших правилах в рекруты поступали 18-летние ещё часто неженатые мужчины, которые после многолетней службы вынуждены возвращаться в никуда, так как не успевали обзавестись ни семьей, ни хозяйством [8, с. 291].

Кроме того, поступая в армию в слишком молодом возрасте, мужчины не только не были достаточно крепки телом, но и духом, что требовало продолжительного воспитания прежде, чем они могли сделаться настоящими

солдатами. С другой стороны, стремление помещиков сохранять в своих имениях наиболее работоспособных крестьян приводило к тому, что в рекруты направлялись люди значительно старше установленного призывного возраста. В Военном ведомстве скапливались рапорты от командиров полков, которые доносили, что к ним стали во множестве прибывать рекруты, среди которых немалое число составляли лица 50 и даже 60-летнего возраста, поступавшие из помещичьих имений [6, с. 18].

Опасность такой тенденции заключалась в том, что нижние чины, чей возраст превышал 30 лет, теряли способность служить в действующей армии и переводились в войска внутренней стражи или инвалидные команды. Это угнетающе действовало на людей и в целом отражалось негативно на армии, особенно там, где военные действия носили неопределенно долгое продолжение, например, на Кавказе.

В связи с этим жандармский надзор отмечал существовавшее недовольствие в полках по поводу того, что не только нижние чины, но даже молодые офицеры, назначаемые в армию из кадетских корпусов, прибывали в полки «не свежие, не с бодрым духом... а как бы усталые». В массе офицеров отмечалось какое-то «заметное уныние, какая-то неохота к делу... и общая мода жаловаться на тяжесть службы» [8, с. 267].

В стремлении пресекать негативное развитие процессов в функционировании рекрутской системы Третье отделение СЕИВК не только получало информацию с мест, но и с 1832 г. систематически посылало своих чиновников на туда «как для изучения на месте положения дел, так и для приискания надежных агентов и организации правильного наблюдения в важнейших пунктах» [4, с. 127]. Деятельность и донесения таких агентов должны были дополнять и корректировать информацию, получаемую из других источников, что было важно для «предупреждения» преступлений и иных злоупотреблений.

Так, командир Кавказского линейного батальона № 1 подполковник Храмов 8 января 1851 г. сообщал в Ставропольское губернское правление, что к нему был доставлен посредством казачьих постов при рапорте военного начальника станицы Кавказской сотника Ткачева, рядовой из крестьян Волынской губернии, Луцкого уезда Григорий Цибульский, неправильно отданный в рекруты. По выяснении всех обстоятельств произошедшего Цибульского исключили из службы в его «первобытное состояние», сняли с довольствия, выдав о том аттестат, и отправили установленным образом в рекрутское присутствие [5, л. 1–1об.].

О случившемся было доложено в Инспекторский департамент Военного министерства, с отношением в который обратился командир Ставропольского егерского полка полковник А.П. Пулло, сообщив о предоставлении временной квартиры в г. Ставрополе, препровождаемого из Усть-Лабинской крепости «навроде арестанта» Григория Цибульского. В своем отзыве Инспекторский департамент предписал передать бывшего рядового Цибульского из военного ведомства гражданскому начальству для отправления последнего в означенное рекрутское присутствие и возвращения его в прежнее место жительства [5, л. 3об.].

Помимо полковника А.П. Пулло в Ставропольское губернское правление сносился комендант Усть-Лабинской крепости полковник Гриневич, который, опираясь на распоряжение Министерства государственных имуществ, сообщал о возвращении из военной службы неправильно отданного в рекруты крестьянина и просил отправить Цибульского по назначению [5, л. 5–5об.].

В Ставрополе возвращающийся с военной службы крестьянин объявил, что он имеет собственные средства, чтобы следовать на родину. Это освободило уполномоченные ведомства от необходимости ненужных трат из-за переставшей быть нужной пересылки Григория Цибульского посредством внутренней стражи. В Ставропольском губернском присутствии ему было выдано свидетельство на свободное следование до города Житомира сроком на 2 месяца с тем условием, чтобы он следовал по прямому тракту, и по прибытии на место назначения явился с данным ему свидетельством в Волынское губернское рекрутское присутствие, о чем последнее обязано уведомить коменданта Усть-Лабинской крепости и командира Кавказского линейного № 1 батальона [5, л. 6].

Следует отметить, что для большей части населения России «в условиях произвола бюрократии всех рангов», когда незнатному населению практически невозможно было надеяться на законную защиту их прав, Третье отделение СЕИВК выглядело органом высочайшей государственной опеки подданных, а потому весьма многие люди искали там защиты от несправедливых действий. Кроме того, по мысли создателей этого особенного учреждения, главная задача его состояла в том, чтобы «выявить все недостатки в государственном управлении и указать пути к их искоренению» [8, с. 9, 13].

Третье отделение СЕИВК осуществляло функции «всевидающего ока», транслировавшего в высшие сферы власти информацию о нарушениях, злоупотреблениях помещиков и должностных лиц всех рангов и управлений, притеснениях, казнокрадстве [1, с. 6] и злонамерениях против общественных установлений, существовавших в Российской империи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумов, О. Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком / О. Ю. Абакумов. – М. : Центрполиграф, 2017. – 319 с. – Текст : непосредственный.
2. Бибилов, Г. Н. Инструкция жандармам 1827 года по контролю за набором рекрутов / Г. Н. Бибилов. – Текст : непосредственный // Русский сборник : в 29 томах. Том 7. – М. : Модест Колеров, 2009. – С. 24–32.
3. Военная служба непривилегированных сословий. – URL: <https://vgd.ru/ENGLISH/army1.htm> (дата обращения: 20.05.2023). – Текст : электронный.
4. Воронцов, С. А. Спецслужбы России / С. А. Воронцов. – Ростов н/Д. : Феникс, 2006. – 512 с. – Текст : непосредственный.
5. Государственный архив Ставропольского края. – Ф. 68. – Оп. 1. – Д. 2610. – Текст : непосредственный.

6. Корнилов, В. А. Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века / В. А. Корнилов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». – 2008. – № 1 (22). – С. 8–24.

7. Проблемы рекрутских наборов. Правление императора Николая I. – URL: <https://www.sites.google.com/site/ocerkipoistoriirodnyhmest/rekrutskie-nabory-obratnaa-storona> (дата обращения: 20.05.2023). – Текст : электронный.

8. «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869 : сборник документов / составители: М. Сидорова, Е. Щербакова. – М. : Российский фонд культуры «Российский Архив», 2006. – 706 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Abakumov O. Yu. *Tret'e otdelenie na strazhe npravstvennosti i blagochiniya. Zhandarmy v bor'be so vzyatkami i porokom* [The third branch is on guard of morality and deanery. Gendarmes in the fight against bribes and vice]. M., Tsentrpoligraf, 2017. 319 p. (In Russian).

2. Bibikov G. N. Instructions to the gendarmes of 1827 on the control of recruitment. *Russkij sbornik = Russian collection*, vol. 7. M., Modest Kolerov, 2009, pp. 24–32. (In Russian).

3. *Voennaya sluzhba neprivilegirovannyh soslovij* [Military service of the unprivileged classes]. URL: <https://vgd.ru/ENGLISH/army1.htm>. (In Russian).

4. Voroncov S. A. *Specsluzhby Rossii* [Russian special services]. Rostov-na-Donu, Feniks, 2006. 512 p. (In Russian).

5. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja* [State Archive of the Stavropol Territory]. Fund 68, inventory 1, case 2610. (In Russian).

6. Kornilov V. A. Recruitment and the internal state of the Russian army in the first half of the 19th century. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki" = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. The series "Historical Sciences"*, 2008, no. 1 (22), pp. 8–24. (In Russian).

7. *Problemy rekrutskih naborov. Pravlenie imperatora Nikolaya I* [Problems of recruiting sets. The reign of Emperor Nicholas I]. URL: <https://www.sites.google.com/site/ocerkipoistoriirodnyhmest/rekrutskie-nabory-obratnaa-storona>. (In Russian).

8. *"Rossiya pod nadzorom": otchety III otdeleniya 1827–1869* ["Russia under surveillance": reports of the III branch 1827–1869], comp. by M. Sidorova, E. Shcherbakova. M., Russian Cultural Foundation "Russian Archive", 2006. 706 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гранкин, Ю. Ю. Частные сюжеты жандармского надзора как отражение системы повседневной реализации рекрутской повинности в Российской империи (первая половина XIX века) / Ю. Ю. Гранкин. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 96–102.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Grankin Yu. Yu. Private Stories of Gendarme Supervision as a Reflection of the System of Daily Implementation of Recruits in the Russian Empire (First Half of the XIX Century) / Yu. Yu. Grankin // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 96–102. (In Russian).

УДК 93/94

**КАВКАЗ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

М.Р. Григорян

**THE CAUCASUS IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITIES
OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

M.R. Grigoryan

Аннотация. XIX век характеризовался поиском со стороны правительства Российской империи баланса между упрочением высшей власти, осуществляемой из центра, и учётом национальных особенностей, характерных для отдалённых окраин страны, выраженных в осуществлении деятельности органов местного власти. Начиная со второй половины XIX столетия, основываясь на распространявшемся как на территории Запада, так и на территории Российской империи убеждении о том, что максимальные возможности развития кроются в национальном государстве, имперские власти перешли к последовательному осуществлению политики более тесного включения отдалённых областей России в единую систему управления страной. Исключением не стал и Северный Кавказ. В этой связи в статье рассматриваются основные этапы становления российского управления на Кавказе, и в частности, поиска эффективной формы взаимодействия центральных органов государственной власти и региональной администрацией.

Abstract. The XIX century was characterized by the search on the part of the Government of the Russian Empire for a balance between the consolidation of supreme power exercised from the center and taking into account national characteristics characteristic of the remote outskirts of the country, expressed in the activities of local authorities. Starting from the second half of the XIX century, based on the widespread belief both in the West and in the territory of the Russian Empire that the maximum development opportunities lie in the national state, the imperial authorities moved to the consistent implementation of the policy of closer inclusion of remote regions of Russia in a single system of governance of the country. The North Caucasus was no exception. In this regard, the article examines the main stages of the formation of Russian governance in the Caucasus, and in particular, the search for an effective form of interaction between central government bodies and the regional administration.

Ключевые слова: Кавказ, Российская империя, система управления, наместничество, административно-территориальное строительство, администрация, государственная политика, национальная политика.

Keywords: Caucasus, Russian Empire, management system, viceroyalty, administrative-territorial construction, administration, state policy, national policy.

На протяжении исследуемого периода Северный Кавказ, как и другие окраины империи, фактически не входил в общую систему управления страной. В определенной степени «изолированность» региона от остальной части России

объяснялась рядом причин. Неимение возможности связаться со столицей в случае срочной необходимости, продолжавшееся до постройки железной дороги на Кавказе, военная целесообразность, заметная хозяйственная самостоятельность – все это вынуждало российские власти наделить региональное управление особыми полномочиями с целью незамедлительного вмешательства в постоянно изменяющуюся обстановку в крае. В этой связи формировался особый порядок взаимодействия кавказской администрации с центральными органами государственной власти.

По мере усиления тенденции к стандартизации административно-правового устройства окраин империи представителями центральной власти выражалось все больше несогласий в отношении широкой автономии региональной администрации, тогда как кавказские представители власти указывали на необходимость увеличения объема их полномочий. В результате влияния этих двух подходов трансформировались и формы взаимодействия кавказской администрации и центральных органов власти.

Первый и наиболее продолжительный этап, занявший период с 1845 по 1881 гг., стал временем максимальной автономии кавказской администрации. Создание кавказского наместничества и учреждение Кавказского комитета предоставили возможность практически полностью выделить региональную систему управления на Северном Кавказе от системы управления органов государственных власти, подчинив ее напрямую императору.

Наиболее эффективно зарекомендовал себя институт наместничества, который поднял автономию региональных властей на новый уровень. В соответствии с рескриптом императора Николая I «Об усилении прав главноуправляющего гражданской частью на Кавказе» от 30 января 1845 года вводилась новая должность наместника, и устанавливался объем его полномочий. Согласно документу, функции министерств в области управления Кавказом возлагались на наместника. В дополнении к рескрипту был также подписан документ «О правах и власти главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом» [4], на основании которого власть наместника в области принятия решений приближалась к императорской. Дополнительно администратору региона передавались все функции управленческого характера на территориях, занятых по итогам завершения Кавказской войны. Этим и объясняется тот факт, что при выборе претендента на должность наместника региона руководствовались не только личными качествами чиновника, но и их безусловной преданностью престолу [2, с. 123–137].

На исходе лета 1845 года преобразование системы управления на местном уровне было завершено. Созданный еще в августе 1842 года особый комитет был реформирован. Функции комитета, получившего название «Кавказского», совпадали с осуществляемыми Государственным советом и Комитетом министров функциями на остальной территории страны [14, с. 2]. Необходимо отметить, что осуществление контроля за деятельностью администрации Кавказа со стороны столицы империи было слабо развито. В исследуемый период

центральные органы государственной власти, и, в частности, Кавказский комитет не были компетентны в вопросах, затрагивающих специфические особенности края, ввиду отсутствия специалистов, хорошо знакомых с особенностями Кавказского края и имеющимися на его территории проблемами. В этой связи орган достаточно редко принимал участие в процессе внесения поправок и корректировок в исходящие от канцелярии наместника предложения. В основном все ограничивалось исключительно формальным принятием решений по официальным документам, зачастую даже не ознакомившись с ними предварительно. Таким образом, следуя бюрократическим правилам, Кавказский комитет не препятствовал реальной деятельности региональной администрации Кавказа.

Позднее подобный объем полномочий кавказской администрации был сокращен в связи с выводом за пределы ее компетенции некоторых функций. В частности, учреждения финансового ведомства на Кавказе перестали быть подконтрольными наместнику [12, с. 4], а полномочия в области принятия решений законодательного характера переходили от Кавказского комитета в Государственный совет, подчеркивая, что принимаемая мера не повлияет отрицательно на эффективность деятельности кавказского руководства [11, с. 170–171]. Кроме того, уточнялись и конкретизировались полномочия администратора региона, получившего право назначения или снятия с занимаемого поста должностных лиц на основании влияния их работы на положение дел в регионе, а также право административного выдворения за пределы региона подозрительных лиц в интересах поддержания безопасности [12, с. 5].

В рамках региональной административной системы Северному Кавказу отводилось особое место. Осуществлением управления и контроля над территориями, населенными коренными жителями региона, занимались военные власти, а руководство над отделенной от нее гражданской административной системой осуществлял наместник. Систему военно-народного управления первоначально возглавлял главнокомандующий Кавказской армии, а затем командующий войсками Кавказского военного округа, которые в свою очередь входили в состав Военного министерства и были подконтрольны только военному министру. Иными словами, наряду с выделением системы гражданского управления из-под контроля министерств, система военно-народного управления, наоборот, находилась в составе одного из министерств. Отсюда следует, что на Кавказе существовали две ветви власти – военное управление и гражданское управление.

Таким образом, период с 1845 по 1881 годы характеризовался высокой степенью автономности кавказской администрации и центральных органов государственной власти. Столица империи лишь номинально осуществляла контроль за деятельностью наместника. В целом в рассматриваемый период в области управления все еще использовалась практика, принятая в середине 40-х гг. XIX в., в рамках которой столица только на формальном уровне осуществляла контроль и вмешивалась в деятельность наместничества. Однако в 60–70-е годы сформировалось понимание необходимости изменения принципа взаимодействия

администрации Кавказа и центральных органов управления. Кавказ переставал расцениваться как изолированный от остальных регионов империи край и становился закономерной частью российского пространства с характерной ему «особостью» [3, с. 315–368].

Период с 1881 по 1888 годы характеризовался поиском новой эффективной формы взаимодействия центральных органов государственной власти и региональной администрацией Кавказа. Начало модернизации действующей системы было положено после вступления на престол императора Александра III, в соответствии с распоряжением которого в ноябре 1881 года наместничество было ликвидировано, а в качестве замены была введена должность главнокомандующего гражданской частью на Кавказе. Вместе с этим упразднился Кавказский комитет, круг деятельности которого перенаправлялся в Комитет министров, и возвращался единый порядок взаимодействия между министерствами и губернскими учреждениями [7, с. 115]. При этом за разработку проекта будущей организации кавказской системы управления несли ответственность не региональная администрация, а центральные органы государственной власти страны [7, с. 115].

Согласно указу от 29 января 1882 года были определены основные границы взаимодействия между кавказской системой управления и центральными органами государственной власти [6], главноначальствующий терял часть прав наместника, и в частности, права, связанные с осуществлением руководства региональными учреждениями всех ведомств на Кавказе, право назначений на должность и отставок должностных лиц судебного ведомства, а также право внесения на рассмотрение в Госсовет и Комитет министров вопросов, связанных с управлением кавказской территорией. Вместе с тем часть исключительных прав главноначальствующего все еще сохранялась, среди которых право непосредственного предоставления сведений императору по наиболее важным вопросам в области управления Кавказом, право выбора времени введения мировых судов на населенных горцами территориях Терской и Кубанской областей, а также право административного выдворения за пределы региона подозрительных лиц в интересах поддержания безопасности в соответствии с Положением об усиленной охране от 14 августа 1881 года [5], действие которого распространялось на территории Кавказа на постоянной основе. Наряду с этим, 29 января 1882 года по инициативе А.М. Дондукова-Корсакова Комитетом министров было утверждено положение, продлевающее актуальность действующего порядка до 1 января 1883 года [6] ввиду необходимости доработки разработанного проекта [1, с. 88].

Начиная с 1883 года вступило в силу новое «Учреждение управления Кавказского края», определяющее порядок взаимодействия кавказской администрации с центральными органами государственной власти, которое в целом дублировал проект, утвержденный указами Александра III с ноября 1881 года по январь 1882 года [13, с. 7]. Упразднение военно-народной системы и учреждение гражданской системы управления произошли на территории Терской и Кубанской областей в результате административной

реформы 1869 года. Поэтому по итогам реформирования 1883 года на территории этих областей начал действовать общий для всей империи порядок взаимодействия властей местного уровня и центральных органов государственной власти. При этом ввиду того, что некоторые элементы военноподобного управления не подверглись реформированию, военное ведомство продолжало оказывать влияние на систему управления в этих областях.

На момент осуществления реформы 1883 года на территории Дагестана действовало военноподобное управление, и итоги ее проведения сложились несколько по-другому. Как было отмечено ранее, одним из положений разработанного в Петербурге проекта реформирования системы управления на Кавказе было упразднение военноподобного управления. Однако подобный взгляд разделяли не все, и в частности, руководители областей и округов, которые находились в военноподобном управлении [9, с. 29]. Примечательно, что А.М. Дондуков-Корсаков и А.А. Шепелев, являвшиеся сторонниками проекта, разработанного в столице, перешли на сторону представителей кавказской системы управления после их назначения на Кавказ. В частности, Александр Михайлович в своем докладе военному министру отмечал нецелесообразность упразднения военноподобной системы [8, с. 48]. Идентичную точку зрения озвучил и назначенный на должность начальника канцелярии главноуправляющего по военноподобному управлению [9, с. 23] А.А. Шепелев, подчеркивающий совершенную неподготовленность коренных народов Кавказа к имперским порядкам [9, с. 4].

Руководство Военного министерства, осуществляющее управление теми территориями, которые находились в военноподобном управлении, выступало за передачу этой обязанности в зону ответственности Гражданского управления [8, с. 256]. Должностные лица, осуществляющие деятельность в региональной системе управления не выступала против такого предложения [8, с. 257], но при этом тяготели к сохранению на данных территориях права на осуществление судопроизводства, основанного на адатах, а также особых полномочий местной власти, включающих право контроля над судебной системой.

В дальнейшем эти положения были заложены в основу разработанного к февралю 1885 года проекта реформирования военноподобной системы [8, с. 26]. Под контроль Гражданского управления планировалось передать местное управление на территории Дагестанской области, Карсской области, Закатальского, Батумского и Артвинского округов. При этом для горцев сохранялось адатное судопроизводство [9, с. 92], которое полностью контролировала администрация. В соответствии со статьей 1 «Проекта положения об устройстве судебной части» на территориях, где существовало военноподобное управление, главноначальствующий кавказской гражданской системой выступал в качестве носителя судебной власти [9, с. 91], а в соответствии с другой статьей проекта, он играл роль высшей апелляционной инстанции для судов, действующих на основании адата [9, с. 93]. Власти местного уровня получали широкие полномочия в области полицейского управления [9, с. 102]. Таким образом, данный проект

противоречил положениям проекта, на основании которого в Петербурге планировалось осуществить реформирование региональной системы управления на Кавказе, ввиду чего он не мог быть принят в столице.

В результате Военное министерство оказалось в достаточно затруднительном положении. Разработанный на Кавказе проект реформирования был результатом совместной работы должностных лиц как военно-народного, так и гражданского управлений [9, с. 32] с непосредственным участием направленного в командировку на Кавказ А.А. Шепелева. Решение сложившейся ситуации произошло следующим образом. Для Министерства внутренних дел было сформулировано заключение, во вступлении к которому отмечалось, что Военное министерство не видит каких-либо препятствий на пути утверждения проекта [10, с. 129]. При этом предлагалось внести ряд поправок, которые противоречили проекту, в сущности, перечеркивая его.

Подготовка нового проекта Министерства внутренних дел было бы невозможно, так как требовалось участие представительства со стороны регионального управления. В свою очередь А.М. Дондуков-Корсаков не спешил с представлением нового проекта, поскольку был доволен текущей системой военно-народного управления. А вскоре, ввиду реформирования системы управления на территории Терской и Кубанской областей, у Александра Михайловича появился законный повод отозвать из столицы разработанный им проект. Подчеркивая необходимость согласования своего проекта с «Учреждением управления Кубанской и Терской областей», утвержденным в 1888 году, Дондуков-Корсаков настаивал на возвращении подготовленных им в 1885 году документов, что и было исполнено Министерством внутренних дел [10, с. 191].

Таким образом, после 1888 года реформа военно-народной системы управления на Кавказе отошла на второй план, а переход функции управления Терской и Кубанской областями к ведению Военного министерства во многом сняло с повестки дня обсуждение данного вопроса. С течением времени сменились взгляды и в высших эшелонах власти по отношению к военно-народной системе управления.

Подводя итоги, отметим, что период времени с 1881 по 1888 гг. можно оценить как достаточно противоречивый период для Кавказа. Если на территории Закавказья в результате упразднения института наместничества и роспуска Кавказского комитета удалось установить единые общеимперские нормы взаимодействия между центральными органами государственной власти и региональной системой управления, то на территории Северного Кавказа подобного рода реформирование оказалось в крайне безвыходном положении. На конец 1880 года весь северокавказский регион был подконтролен Военному министерству. Можно сделать вывод о том, что в рамках поставленной столицей задачи по стандартизации в соответствии с установленными в империи нормами в области взаимодействия между центральными органами государственной власти и региональной системой управления

наблюдался определенный откат в прошлое, потому как практически было восстановлено влияние военной администрации на автохтонное население Терской и Кубанской областей, считавшееся к моменту осуществления реформирования ослабленным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вуич, Н. И. Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802–1902) : в 5 томах. Том 4 / Н. И. Вуич, Н. А. Куломзин ; под редакцией Н. А. Куломзина. – СПб. : Канцелярия Комитета министров, 1902. – 472 с. – Текст : непосредственный.
2. Клычников, Ю. Ю. Мозаика северокавказской жизни: события и процессы XIX – начала XX веков : исторические очерки / Ю. Ю. Клычников, С. С. Лазарян. – Пятигорск : ПГЛУ, 2012. – 330 с. – Текст : непосредственный.
3. Матвеев, В. А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / В. А. Матвеев. – Ростов н/Д., 2012. – 560 с. – Текст : непосредственный.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 : в 60 томах. Том 20. – СПб., 1846. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=502®im=3 (дата обращения: 08.05.2023). – Текст : электронный.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 томах. Том 1. – СПб., 1885. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=1425®im=3 (дата обращения: 08.05.2023). – Текст : электронный.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3 : в 33 томах. Том 2. – СПб., 1886. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=1440®im=3 (дата обращения: 08.05.2023). – Текст : электронный.
7. РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 723. – Л. 115. – Текст : непосредственный.
8. РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Д. 724. – Л. 26, 48. – Текст : непосредственный.
9. РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Ед. хр. 950. – Л. 4. – Текст : непосредственный.
10. РГВИА. – Ф. 400. – Оп. 1. – Ед. хр. 951. – Л. 129. – Текст : непосредственный.
11. Силаев, Н. Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Силаев Николай Юрьевич. – М., 2002. – 240 с. – Текст : непосредственный.
12. Учреждение управления Кавказского и Закавказского края. – СПб., 1876. – URL: https://rusneb.ru/catalog/001908_000036_18EA6EE5-504F-4C31-9047-D7AD4AF65BA3/ (дата обращения: 08.05.2023). – Текст : электронный.
13. Учреждение Кавказского и Закавказского края. Том 2, часть 2. – СПб., 1886. – URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003547485?page=2&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 08.05.2023). – Текст : электронный.
14. Эсадзе, С. С. Историческая записка об управлении Кавказом / С. С. Эсадзе. – Тифлис, 1907. – 616 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Vuich N. I., Kulomzin N. A. *Istoricheskij obzor deyatel'nosti Komiteta ministrov: k stoletiyu Komiteta ministrov (1802–1902)* [Historical review of the activities of the Committee of Ministers: on the centenary of the Committee of Ministers (1802–1902)], vol. 4. SPb., 1902. 472 p. (In Russian).

2. Klychnikov Yu. Yu. *Mozaika severokavkazskoj zhizni: sobytiya i processy XIX – nachala XX vekov* [Mosaic of North Caucasian life: events and processes of the XIX – early XX centuries]. Pyatigorsk, PGLU, 2012. 330 p. (In Russian).

3. Matveev V. A. *Rossijskaya universalistskaya transformaciya i separatizm na Severnom Kavkaze (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Russian Universalist transformation and Separatism in the North Caucasus (the second half of the XIX century – 1917)]. Rostov-on-Don, 2012, 560 p. (In Russian).

4. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2], vol. 20. URL: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php?part=502®im=3. (In Russian).

5. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3], vol. 1. URL: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php?part=1425®im=3. (In Russian).

6. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3], vol. 2. URL: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php?part=1440®im=3. (In Russian).

7. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* [Russian State Military Historical Archive]. Fund 400, inventory 1, case 723, p. 115. (In Russian).

8. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* [Russian State Military Historical Archive]. Fund 400, inventory 1, case 724, pp. 26, 48. (In Russian).

9. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* [Russian State Military Historical Archive]. Fund 400, inventory 1, case 950, p. 4. (In Russian).

10. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* [Russian State Military Historical Archive]. Fund 400, inventory 1, case 951, p. 129. (In Russian).

11. Silaev N. Yu. *Severnyj Kavkaz v sostave Rossii vo vtoroj polovine XIX v.: demograficheskie, ekonomicheskie, administrativno-pravovye aspekty integracii* [The North Caucasus as part of Russia in the second half of the XIX century: demographic, economic, administrative and legal aspects of integration]. M., 2002. 240 p. (In Russian).

12. *Uchrezhdenie upravleniya Kavkazskogo i Zakavkazskogo kraja* [Establishment of the Administration of the Caucasus and Transcaucasian Region]. SPb., 1876. URL: https://rusneb.ru/catalog/001908_000036_18EA6EE5-504F-4C31-9047-D7AD4AF65BA3/. (In Russian).

13. *Uchrezhdenie Kavkazskogo i Zakavkazskogo kraja* [Establishment of the Caucasian and Transcaucasian Region]. SPb., 1886. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003547485?page=2&rotate=0&theme=white>. (In Russian).

14. Esadze S. S. *Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom* [Historical note on the management of the Caucasus]. Tiflis, 1907. 616 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Григорян, М. Р. Кавказ в системе органов государственной власти Российской империи во второй половине XIX века / М. Р. Григорян. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 103–110.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Grigoryan M. R. The Caucasus in the System of Public Authorities of the Russian Empire in the Second Half of the XIX Century / M. R. Grigoryan // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 103–110. (In Russian).

УДК 94(470.62)''1920/30''

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ
ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ
ГОРОДА АРМАВИРА В 1920–1930-е ГГ.**

В.А. Излев, В.Г. Шнайдер

**DEVELOPMENT OF THE SYSTEM
OF MEDICAL AND PREVENTIVE INSTITUTIONS
IN THE CITY OF ARMAVIR IN THE 1920s–1930s**

V.A. Ivlev, V.G. Schneider

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития системы лечебно-профилактических учреждений в первые десятилетия советской власти в Армавире. В том числе показаны усилия органов советской власти по налаживанию системы медицинского обслуживания населения, проанализирован процесс расширения сети больниц, поликлиник, амбулаторий и других объектов здравоохранения в городе. В статье показаны усилия органов власти Армавира, а также медицинских работников в борьбе с эндогенными и экзогенными заболеваниями жителей города. Например, большой проблемой, особенно в 1920-е гг., были венерические заболевания, малярия, оспа, размах которых современники приравнивали к эпидемии. Отдельное место в статье уделено рассмотрению развития родовспоможения в Армавире. Изучение исторического опыта решения проблем здравоохранения в советском государстве представляет интерес для анализа и формирования политики в системе здравоохранения современной России.

Abstract. The article discusses the process of development of the system of medical institutions in the first decades of Soviet power in Armavir. In particular, the efforts of the Soviet authorities to establish a system of medical care for the population are shown, the process of expanding the network of hospitals, polyclinics, outpatient clinics and other healthcare facilities in the city is analyzed. The article shows the efforts of the authorities of Armavir, as well as medical workers in the fight against endogenous and exogenous diseases of the city's residents. For example, a big problem, especially in the 1920s, was venereal diseases, malaria, and smallpox, the magnitude of which was equated by contemporaries with an epidemic. A separate place in the article is given to the development of obstetrics in Armavir. The study of the historical experience of solving health problems in the Soviet state is of interest for the analysis and formation of policy in the health care system of modern Russia.

Ключевые слова: здравоохранение, здравоотдел, лечебно-профилактические учреждения, доступность, диагностика, родовспоможение, диспансер, амбулатория.

Keywords: health care, health department, medical institutions, accessibility, diagnostics, obstetrics, dispensary, outpatient clinic.

Советская власть окончательно утвердилась на Кубани только в марте 1920 г. С этого времени начинается новый этап в развитии медицины в регионе, что можно считать объектом нашего исследования. Предметом исследования

является развитие системы лечебно-профилактических учреждений в г. Армавире в межвоенный период.

На основе результатов полемики и решений I Съезда медико-санитарных отделов Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, который проходил в Москве в июне 1918 г. были сформулированы основные принципы советской медицины, суть которых можно свести к следующему: 1) государственный характер; 2) профилактика; 3) участие населения в здравоохранении; 4) единство медицинской науки и практики здравоохранения. При ее становлении признавалось безусловно необходимым, чтобы она была общедоступной, бесплатной и квалифицированной [6, с. 495–496].

События Первой мировой войны, Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны постепенно привели здравоохранение Армавира в неутешительное состояние. Потому в городе частыми «гостями» была холера, тиф, чахотка, оспа и др. Органы советской власти на местах с первых недель своей деятельности стали активно заниматься здравоохранением, несмотря на скудные средства.

В 1920 г. при Армавирском ревкоме был создан отдел здравоохранения.

Среди первых приказов армавирского ревкома весны 1920 г., касающихся здравоохранения и санитарии мы находим, например, приказ об открытии амбулатории в районе черепично-кирпичного завода; приказ врачам околотка (так по привычке называли отдельные районы города, которые ещё недавно входили в состав некоего городского полицейского участка) размещать больных в самом околотке, т. к. в больнице не было питания и медикаментов; врачам разрешали приобретать медикаменты на рынке с последующей оплатой счетов; из-за роста количества желудочно-кишечных заболеваний здравотделу приписывалось срочно установить баки с кипячёной водой с крышкой, краном и кружкой во всех районах города [2, л. 11].

Вероятно, первым руководителем здравотдела Армавирского ревкома был тов. Самофалов, по крайней мере, он занимал эту должность в мае 1920 г., то есть менее чем через два месяца после установления советской власти в Армавире. Кроме него, в отделе в те трудные дни трудились товарищи Ранштейн и Ватугин, санитарный врач Гогдетьянц, врачи Маневский и А.М. Зайс, был ещё и первым руководителем санитарно-профилактического подотдела. В последующем доктор Зайс был главным врачом тубдиспансера и погиб во время первой бомбёжки Армавира в годы ВОВ [2, л. 11].

Организация в городе Армавире ведомственного здравоохранения в 1920 г. была связана с молодым талантливым врачом Константином Щербаковым. Из окон своей квартиры он наблюдал за тяжёлым физическим трудом путевых и станционных рабочих и, как врач, понимал, что такое непосильное напряжение обязательно приведёт к болезням. И по его инициативе был открыт первый медпункт с двумя больничными койками в помещении кондукторского резерва станции Армавир-2. В 1932 г. Щербаков на средства страховой больничной кассы организовал строительство стационара на 120 коек [7, с. 227].

В 1923 г. в Армавире действовало 7 аптек. Городское аптекоуправление начало действовать в 1924 г. И оно взяло на себя снабжение лекарствами всех муниципализированных аптек. При этом отмечалось, что имелись ещё и арендованные, то есть, по существу, частные аптеки. В том же году был открыт магазин санитарии и гигиены [2, л. 3].

Наиболее крупным лечебным заведением в Армавире начала 1920-х гг. была больница им Ф.Ф. Довжиковой, открытая ещё в 1920 г. и имевшая стационар всего на 50 коек. В 1920 г. больница была переименована в 1-ю Народную и перешла в ведение Народного комиссариата здравоохранения.

По состоянию на декабрь 1922 г. в Армавире было 5 лечебных заведений:

- Первая народная больница (бывшая Довжиковой) ул. Шереметевская (Энгельса), 2 – на 100 коек;

- Вторая народная больница угол Свободы (Кирова) и Воронцовской (Полины Осипенко) на 60 коек. Вероятно, имеется в виду нынешний онкодиспансер;

- Заразная больница на 40 коек по адресу ул. Почтовая (Ленина), 6;

- Детская заразная больница на 35 коек по ул. Тургеневской, 78;

- Больница Домзака (вероятно, тюремная) по ул. Войсковой (Пугачёва).

Таким образом, в конце 1922 г. в Армавире одновременно могли лежать в больнице не более 260 чел., но это сравнительно неплохо. В то же время, например, в станции Лабинской могли лечиться стационарно 50 чел., в Отрадной – 26, в Кубанской (совр. Новокубанск) – 10, в Курганной – 6 [1, л. 12]. К 1924 г. общая коечная сеть городских больниц достигла 672 коек [2, л. 7].

Известно, что в 1923 г. в Армавире практиковали 9 частных врачей [2, л. 5].

В 1923 г. был окончен ремонт 1-й Народной больницы. В ней открывались хирургическое, гинекологическое, глазное и внутреннее отделение. Отремонтирован рентген-кабинет. Таким образом, все мелкие больницы сводились в одну на 200 коек [2, л. 4].

При больнице открылись две малярийные станции, две консультации по охране материнства и детства (1924 г.), а также амбулатория, где были созданы необходимые условия для диагностики и лечения заболеваний, проведены курсы повышения квалификации для медицинских работников. В 1933 г. была открыта детская соматическая больница на 60 коек по ул. Комсомольской, 64 [10, с. 13].

До установления советской власти в Армавире специальной больницы для инфекционных больных не было. С 1920 г. часть из них госпитализировалась в 1-ю Народную больницу, часть во 2-ю Советскую по ул. Набережной, 171 и ул. Кирова, 16. В августе 1929 г. при больнице по ул. Пугачёва, 7 было организовано специальное инфекционное отделение на 50 коек, число которых в течение года было увеличено до 250. Первым главным врачом инфекционной больницы был А.М. Яковлев. В больницу госпитализировались больные с инфекционными заболеваниями: сыпным, возвратным, брюшным тифами, дифтерией, скарлатиной, корью, дизентерией и другими кишечными заболеваниями [10, с. 179].

В 1925 г. в прессе сообщалось, что планируется открытие туберкулёзного диспансера «на средства, собранные в туберкулёзный трёхдневник» [2, л. 7].

5 августа 1926 г. была открыта противотуберкулезная амбулатория. Именно с этой даты и начинается официальная летопись Армавирского противотуберкулезного диспансера. Его первым руководителем был А.М. Зайс [5].

Первый в городе рентгеновский аппарат был приобретен в 1928 г. В этом же году в Армавирском противотуберкулезном диспансере был открыт прием по костно-суставному туберкулезу. А в 1936 г. была проведена первая операция на легком с торакопластикой [4, с. 330].

До революции в России не проводилось никакой борьбы с венерическими заболеваниями, в стране господствовало нищета, проституция, бесправное положение женщины, развращенность обеспеченных классов, отсутствие бесплатной медицинской помощи, что постепенно и привело к ежегодному росту заболевших. В апреле 1920 г. был открыт первый в городе венкабинет.

С 1 ноября 1923 г. в Армавире начал действовать венерическая больница на 45 коек с амбулаторией. Одновременно с этим Армавирский здравотдел разработал план по борьбе с венерическими заболеваниями в отделе. Медицинская помощь оказывалась бесплатно. Распространённость вензаболеваний источник называет эпидемией и сравнивает её размах с малярией [2, л. 4–5].

В мае 1925 г. был организован кожно-венерический диспансер, который находился на улице Осипенко 109, где работало уже 5 врачей. В 1926 г. венерологический диспансер был переведён в здание по улице Кирова, 64, где находится и до сих пор.

В 1924 г. открылся отдельный зубоортопедический кабинет. «Отлично отремонтированное здание с тремя специальными кабинетами и великолепной залой ожидания» [2, л. 6]. В 1925 году на углу улицы Софьи Перовской и Тургенева была открыта первая стоматологическая поликлиника. Здесь оказывалась помощь в лечении ротовой полости, а также протезирование зубов [10, с. 152].

В 1929 г. при 1-й Городской больнице была открыта физиотерапевтическая лечебница по инициативе врача Томазова, бывшего тогда зав. подотделом окружного здравотдела. В ней оказывались процедуры светолечения, электролечения, водогрязелечения, теплолечения и массажа [10, с. 137].

До революции в г. Армавире вопросу родовспоможения не уделялось никакого внимания. Роды проводились только частными акушерками и повивальными бабками на дому. В городской больнице родильных коек не было. В 1915–1917 гг. в г. Армавире частными врачами были открыты небольшие больнички для женщин: врачом Самуэльсоном – родильный приют на 5–10 коек для женщин из состоятельных семей [3].

В 1920 г. в 1-й Народной больнице при хирургическом отделении было выделено 10 коек для рожениц, которых обслуживала одна акушерка. В женской части хирургического отделения также выделялось до 10 коек для гинекологических больных. В 1925 г. для создания полноценного родильного

отделения из Ростова-на-Дону был приглашён врач акушер-гинеколог Н.А. Веселова. В итоге под родильное отделение было отведено отдельное здание с шестью комнатами на 25 коек. Дети в то время лежали на кроватях вместе с матерями. Детские койки были получены только в 1930 г., но стояли они по-прежнему в тех же палатах, где лежали и матери. С 1924 г. количество родов стало расти и 25 коек уже не хватало, и их число было увеличено до 40. Количество рожениц составляло до 40–50 в день. Под родильное отделение освободили одно крыло хирургического отделения больницы. В 1936 г. было принято решение об оборудовании специального родильного дома на 80 коек, под которое было отведено здание одной из гостиниц в центре города (к сожалению, источник не уточняет какой именно), которое пришлось достраивать. Известно, что оно было двухэтажным. В последующем, вплоть до 1941 г., роддом принимал до 2 500 рожениц в год [2, л. 31–32].

В 1928 г. исполком Армавирского горсовета открывает сравнительно крупную 1-ю детскую поликлинику в здании на углу улиц Кирова и Комсомольской. Известно, что здание было двухэтажным и разрушено в годы войны. Под такое описание подходит только одно здание – это бывший торговый дом братьев Тарасовых, располагавшийся на месте современного жилого здания по адресу ул. Кирова, 52.

В январе 1925 г. в Армавире был открыт пастеровский пункт [2, л. 35]. По существу, это пункты вакцинации, которые открывали для борьбы с бешенством, а точнее для предупреждения этого заболевания.

Еще одним лечебно-профилактическим учреждением, которое было создано в те годы, была станция скорой помощи, основанная в 1935 г., у которой были свои автомобили и медицинский персонал [10, с. 139].

Одной из важнейших задач государства после установления советской власти являлось обеспечение системы здравоохранения необходимой численностью квалифицированного медицинского персонала. С целью гарантированного наполнения профилактических учреждений Краснодарского края согласно распоряжению Наркомата просвещения РСФСР в сентябре 1929 г. открываются двери в Армавирские медицинские курсы, готовившие медицинских сестер, сиделок и санитаров, руководителем которых был назначен главный врач противотуберкулезного диспансера А.М. Зайс [9, с. 8].

В соответствии с решением областной инспекции по охране здоровья в середине 1930 г. курсы были преобразованы в Армавирский медицинский техникум, выпускавший медицинских сестер по охране материнства и детства, операционных ассистентов и санитарных фельдшеров [11, с. 13].

В течение 1920–1930-х гг. произошло несколько реорганизаций административных структур, занимавшихся управлением системой здравоохранения. В 1924 г. при Армавирском окружном исполнительном комитете был образован отдел здравоохранения. На основании решения президиума Армавирского городского совета от 9 сентября 1929 г. с 12 сентября того же года в городе была создана инспекция здравоохранения. На основании постановления президиума

Армавирского городского совета от 10 июня 1931 г. инспекция была реорганизована в городской отдел здравоохранения [4, с. 332]. Можно сказать, что усилия местных органов советской власти, а также медицинских работников г. Армавира в первые десятилетия советской власти в целом соответствовали основным принципам организации советской медицины.

Таким образом, в течение 1920-х гг. в городе были открыты и функционировали: 1-я Народная больница (Энгельса, 2), 2-я Советская больница (ул. Набережная, 171 – ныне М. Жукова, 179), 3-я детская больница (ул. Комсомольская, 64), родильный дом, инфекционная больница (ул. Пугачёва, 7), 1 и 2-я детская консультации, 1-ая детская поликлиника, венерологический диспансер, противотуберкулёзный диспансер, стоматологическая поликлиника, станция скорой помощи, дезинфекционная станция, малярийная станция, пастеровский пункт. В 1930-е гг. продолжается совершенствование имеющихся учреждений и расширение перечня медицинских услуг и коечного фонда. Например, в 1935 г. при инфекционной больнице было организовано многопрофильное детское отделение на 65 коек; в 1937 г. при детской больнице было открыто «грудное» отделение для детей младше 3 лет; в 1936 г. в новое здание переехал родильный дом, о чём мы писали выше; с 1932 г. началась госпитализация больных с острозаразными формами сифилиса, чего раньше не делалось; в 1939 г. поликлинику № 2 достроили вторым этажом. К сожалению, нам не удалось выяснить, в каком месте она располагалась.

Ниже мы приводим данные на основании справки об истории здравоохранения в г. Армавире, составленной в 1978 г. коллективом ведущих медицинских работников города во главе с заведующим горздравотделом Армавирского горисполкома В.С. Курочкиным. Источник утверждает, что в 1940 г. при населении Армавира в 85 527 чел. больных обслуживали 102 врача, 230 средних медработников, а коечный фонд составлял 500–550 коек.

Для сравнения, до революции в Армавире действовала открытая в 1920 г. больница им. Довжиковой на 50 коек. Кроме неё в городе к 1913 г. работали 6 относительно небольших лечебниц: лазарет Кавказского запасного кавалерийского дивизиона; лечебница А.А. Ерохина и В.Д. Самуильсона; лечебница сельского общества; приёмный покой Общества Армавир-Туапсинской железной дороги и сельский заразный барак [8, с. 216–217].

Таким образом, мы можем утверждать, что за первые два десятилетия советской власти в Армавире существенно расширился список лечебно-профилактических учреждений и оказываемых населению медицинских услуг. Важным обстоятельством было то, что в течение этого периода постоянно увеличивалась, в итоге достигнув абсолютных величин, доля бесплатной медицинской помощи. Предположительно, почти в 10 раз вырос коечный фонд медицинских учреждений города. В Армавир были привлечены опытные специалисты из крупных городов России, закупалось современное оборудование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивный отдел администрации г. Армавира (далее – АОАА). – Ф. Р.-45. – Оп. 1. – Д. 11. – Текст : непосредственный.
2. АОАА. – Ф. Р.-1271. – Оп. 1. – Д. 119. – Текст : непосредственный.
3. Фонд № Р-1172. Армавирский родильный дом. – URL: <https://alertino.com/ru/498090> (дата обращения: 25.05.2023).
4. Василенко, В. Г. Из истории медицинского общества на Кубани в конце XIX – начале XX вв. / В. Г. Василенко. – Текст : непосредственный // Федор Андреевич Щербина и народы Юга России: история и современность : сборник материалов 4 Международной научно-практической конференции. – Краснодар : ИМСИТ, 2006. – С. 329–332.
5. ГБУЗ Армавирский противотуберкулёзный диспансер. – URL: <http://armptd.ru/index.php/9-o-dispansere/16-istoriya-dispansera> (дата обращения: 26.05.2023). – Текст : электронный.
6. Затравкин, С. Н. Принципы советской медицины: история создания / С. Н. Затравкин, Е. А. Вишленкова. – Текст : непосредственный // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2020. – № 28 (3). – С. 491–498.
7. Именитые граждане Армавира / под редакцией Ю. А. Стецуры. – Армавир, 2000. – 226 с. – Текст : непосредственный.
8. Ктиторов, С. Н. История Армавира (досоветский период: 1839–1918 гг.) / С. Н. Ктиторов. – Армавир : Полиграфическое предприятие им. Ф. Скорины, 2002. – 384 с. – Текст : непосредственный.
9. Об открытии медтехникума в г. Армавире // Армавирская коммуна. – 1930. – 25 июня. – № 143. – Текст : непосредственный.
10. Павлюченков, В. Н. Наш Армавир. Здравоохранение, учреждения социальной защиты населения / В. Н. Павлюченков. – Армавир, 2015. – 475 с. – Текст : непосредственный.
11. Стецура, Ю. А. Зарождение, развитие среднего медицинского образования в г. Армавире / Ю. А. Стецура, В. Г. Василенко. – Армавир, 2002. – 226 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. F. R.-45. Op. 1. D. 11. (In Russian).
2. *Arhivnyj otdel administracii g. Armavira* [Archival department of the administration of the city of Armavir]. F. R.-1271. Op. 1. D. 119. (In Russian).
3. *Fond N R-1172. Armavirskij rodil'nyj dom* [Fund No. R-1172. Armavir maternity hospital]. URL: <https://alertino.com/ru/498090>. (In Russian).
4. Vasilenko V. G. From the history of the medical society in the Kuban in the late XIX – early XX centuries. *Fedor Andreevich Shcherbina i narody Yuga Rossii: istoriya i sovremennost' = Fedor Andreevich Shcherbina and the peoples of the South of Russia: history and modernity*. Krasnodar, IMSIT, 2006, pp. 329–332. (In Russian).
5. *GBUZ Armavirskij protivotuberkulyoznyj dispenser* [GBUZ Armavir TB dispensary]. URL: <http://armptd.ru/index.php/9-o-dispansere/16-istoriya-dispansera>. (In Russian).
6. Zatravkin S. N., Vishlenkova E. A. Principles of Soviet medicine: the history of creation. *Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny = Problems of social hygiene, health care and the history of medicine*, 2020, no. 28 (3), pp. 491–498. (In Russian).

7. *Imenitye grazhdane Armavira* [Eminent citizens of Armavir], ed. Yu. A. Stetsura. Armavir, 2000. 226 p. (In Russian).

8. Ktitorov S. N. *Istoriya Armavira (dosovetskij period: 1839–1918 gg.)* [History of Armavir (pre-Soviet period: 1839–1918)]. Armavir, Printing company named after F. Skorina, 2002. 384 p. (In Russian).

9. On the opening of a medical college in Armavir. *Armavirskaya kommuna = Armavir commune*, 1930, June 25, no. 143. (In Russian).

10. Pavlyuchenkov V. N. *Nash Armavir. Zdravoohranenie, uchrezhdeniya social'noj zashchity naseleniya* [Our Armavir. Health care, institutions of social protection of the population]. Armavir, 2015. 475 p. (In Russian).

11. Stetsura Yu. A., Vasilenko V. G. *Zarozhdenie, razvitie srednego medicinskogo obrazovaniya v g. Armavire* [The origin, development of secondary medical education in the city of Armavir]. Armavir, 2002. 226 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ивлев, В. А. Развитие системы лечебно-профилактических учреждений города Армавира в 1920–1930-е гг. / В. А. Ивлев, В. Г. Шнайдер. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 111–118.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ivlev V. A., Schneider V. G. Development of the System of Medical and Preventive Institutions in the City of Armavir in the 1920s–1930s / V. A. Ivlev, V. G. Schneider // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 111–118. (In Russian).

УДК 396

**ДЕВИЦА-УЧЕНИЦА И ЖЕНЩИНА-УЧИТЕЛЬ:
ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

К.С. Коваль, А.А. Парамонова

**A GIRL STUDENT AND A FEMALE TEACHER:
EDUCATION IN RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

K.S. Koval, A.A. Paramonova

Аннотация. Статья посвящена особенностям развития решения женского вопроса под призмой женского среднего и высшего образования на рубеже XIX–XX веков. Характерной особенностью этого периода являются трансформации, затронувшие как общественно-политическую, так и социальные сферы. Решение женского вопроса стало своеобразным локомотивом как для повышения статуса общественных инициатив, так и для дальнейшего женского общественного движения в России. В статье рассматривается эволюция изменений, касающихся женского воспитания и образования, такие как реформы и виды образовательных учреждений, уделяется внимание и эмоциональной составляющей данного вопроса. Мы проследим путь, который преодолела девица-ученица от своего начального образования до статуса женщины-учителя. Этот путь изменил не только внутренний мир женщины дореволюционной России, но и открыл новую страницу в общественном сознании для будущих поколений.

Abstract. The article is devoted to the peculiarities which are connected with the solution's development of the women's issue under the prism of female secondary and higher education at the turn of the 19–20 centuries. A specific feature of this period is transformation that affected both socio-political and social spheres. The solution of the women's issue has become a kind of locomotive both for raising the status of public initiatives and for further women's social movement in Russia. The article examines the evolution of changes concerning women's upbringing and education, such as: reforms and types of educational institutions, attention is paid to the emotional component of this issue. We will trace the path that the female student overcame from her primary education to the status of a female teacher. This path changed not only the inner world of a woman in pre-revolutionary Russia, but also opened a new page in the public consciousness for future generations.

Ключевые слова: женское образование, женское воспитание, женское движение, русская женщина, образовательные реформы, права женщин, российская образовательная система.

Keywords: women's education, female upbringing, women's movement, Russian woman, educational reforms, women's rights, Russian educational system.

Пусть же XX век поднимет значение женщины-воспитательницы в широком смысле слова – и, внося в это поприще побольше света, окажет великую услугу человечеству.

Русский педагог В.П. Острогорский

Главными музами разных цивилизаций всех времён и народов были, есть и, хочется сказать, будут женщины. Через женские образы мы воспринимаем тот или иной исторический период, наполняя его не только фактами, сколько

чувствами и переживаниями людей той эпохи. Возможно, именно поэтому и не оставляет исследователей в разных областях изучение женского вопроса под призмой тех или иных особенностей. Настоящая статья тому подтверждение.

Вынося в заголовок такую важную для исследуемого периода тему, как образование, мы ставим перед собой *целью* постараться отметить изменения как в общественном восприятии женщин, так и во внутреннем мире женщин дореволюционной России, проследить путь от возможности получить образование до шанса стать носителем знания и проводником в мир образования. Ведь именно их, девиц, юных барышень и женщин, коснулись реформы данного периода, именно они стали главными акторами в конце XIX – начале XX веков.

Любые преобразования и реформы в области отечественного образования опираются не только на новейшие (в том числе и международные) достижения и практики, но и на исторический опыт, который наносит свою неповторимую печать. Усиление роли женщины в современном обществе, особенно в вопросе воспитания подрастающего поколения, подводит к необходимости изучения исторических закономерностей. На сегодняшний день число женщин, занятых в сфере образования, растет, а мужчин – наоборот, снижается. И важно помнить, что так было не всегда.

Объектом нашей статьи станет именно женщина, а предметом – место женщины в историческом процессе реформ, её последовавшее влияние на социальные, культурные, политические и экономические сферы жизнедеятельности общества.

Заявленные в названии статьи хронологические рамки охватывают период с момента 1860-х годов, когда реформирование средней женской школы шло с опережением других школьных реформ, включая бурный рост именно женской средней школы в середине 1890-х годов, и до революции 1917 года. После реформ женская школа быстро набирала силы, став массовой, активно развивающейся и по своим масштабам в короткое время обгоняющей школу мужскую [7, с. 238] – этот факт вызывает немалый интерес исследователей.

В ходе статьи мы рассмотрим следующие вопросы:

- предпосылки к реформам женского образования и их особенности в конце XIX – начале XX веков;
- виды женских образовательных организаций;
- какие изменения происходили, когда женское образование наращивало свои объёмы, качество и популярность?

Дореформенная историография женского образования достаточно обширна, но представлена в основном либо работами участников её создания и развития (Е.И. Лихачева, Н.П. Малиновский, В.П. Острогорский, Д.Д. Семенов, В.Я. Стоюнин, А.А. Чумиков и др.), либо историческими очерками отдельных женских учебных заведений. Будучи фактографичной, историография того периода является и источниковой базой для современных исследователей.

Зарубежная историография, посвященная женскому вопросу в дореволюционной России, концентрируется на неравенстве как на предшественнике

феминистского движения, что не является достаточно корректным. Темы прав женщин, их социальная активность и роль, влияние на жизнь общества – вот основные акценты исследователей.

Отсутствие анализа причинно-следственных связей при освещении истории женского образования в России, его рассмотрение вне общего социального контекста, и к тому же изолированно от общего хода развития отечественного образования, присущи как зарубежной, так и немногочисленной советской историографии.

В советской исторической и особенно историко-педагогической литературе длительное время господствовала однозначно негативная оценка правительственной политики в дореволюционной России, в том числе и в области образования. Между тем она органически сочетала в себе две функции, две линии: сдерживающую, охранительную и развивающую, реформаторскую, направленную на модернизацию страны, на преодоление затянувшейся стадии её «догоняющего развития» [7, с. 9].

Учитывая социально-экономический и политический контексты, исследователи сходятся во мнении, что образовательные реформы и контрреформы шли «преимущественно всегда с опережением» [7, с. 9], что обуславливалось характерной заострённостью проблем образования и той ролью, которую образование играло.

Пожалуй, самая яркая возникающая ассоциация, когда мы слышим словосочетание «женское образование в Российской империи» – это Смольный институт благородных девиц. И он того заслуживает: став в середине XVIII века первым в Европе государственным учебным заведением для обучения девушек, он заложил первый камень в дальнейшее выстраивание обновлённой системы образования дореволюционной России, а образ юных Смолянок нашёл своё отражение и в искусстве.

Русская общественность середины XIX века была наполнена демократическими взглядами, где женщина переставала восприниматься как хранительница домашнего очага. Сторонники реформ в государстве всячески стремились к эмансипации женщин, отстаивая их право на образование и труд.

В 1840-е годы благодаря массовым публикациям и общественным обсуждениям передовая часть русского общества впервые высказалась о своём стремлении изменить положение женщин в обществе, разделяя понятия «образование» и «воспитание», видя необходимость в улучшении качества и того, и другого.

Чуть позже (в период общественного подъема второй половины 1850-х годов) в действие вступает новый негосударственный мощный фактор развития образования – общественная деятельность, общественная инициатива [7, с. 236]. Общество впервые взяло на себя создание прежде всего женского, затем – начального народного, профессионально-технического, внешкольного и дошкольного образования.

Вопрос о женском профессиональном образовании в России был выдвинут во второй половине XIX столетия. Этому способствовало разложение

натурального хозяйства, где каждая монета в семье была на счету. В такой ситуации женщине было просто необходимо работать. К тому же в стране увеличилось число одиноких женщин: это были вдовы, которым необходимо было обеспечивать своих детей, а также старые девы, которых не могла всю жизнь обеспечивать вся семья.

Первый реальный шаг к серьезному реформированию женского образования был предпринят весной 1856 года. Это стало своеобразной точкой бифуркации: 5 марта 1856 года министр народного просвещения А.С. Норов подал Александру II всеподданнейший доклад, в котором писал: *«В системе народного образования по сие время преимущественное внимание правительства обращено было на образование мужского пола. Институты для девиц, обязанные существованием своим попечениям особ августейшего дома, предназначены для ограниченного числа дочерей дворян и чиновников; лица же среднего состояния, особенно в губернских и уездных городах, лишены возможности дать дочерям своим необходимое образование, соответствующее даже скромному их быту. Между тем, от этого зависит как развитие в массах народных истинных понятий об обязанностях каждого, так и всевозможные улучшения семейных нравов и вообще всей гражданственности, на которые женщина имеет столь могущественное влияние. Поэтому, – подчеркивал Норов, – учреждение открытых школ для девиц в губернских и уездных городах и даже больших селениях было бы величайшим благодеянием для отечества и, так сказать, довершило бы великую и стройную систему народного образования, обнимая собою всеобщие и специальные нужды всех состояний и обоих полов»* [7, с. 117]. Однако по факту, как становится видно дальше по предпринимаемым действиям, правительство не имело ни средств, ни иных реальных возможностей к содержанию и развитию женской школы. Подтверждением тому являются Положения о женских училищах как 1858, так и 1860 годов [7, с. 141].

По учебной части Положение 1860 года устанавливало два нововведения. Оно несколько расширяло учебный курс женских училищ, в частности в области изучения русского языка, и предоставляло педагогическим советам право вводить дополнительные необязательные предметы. Но главное, оно предусматривало создание при необходимости подготовительных классов при женских училищах, что, с одной стороны, ставило их в связь с начальной школой и на её фундамент, а с другой – существенно способствовало демократизации контингента учащихся. Ибо дети, не имевшие возможности получить первоначальное образование дома, теперь могли получить его в подготовительном классе женских училищ [7, с. 141]. Это привело к ускорению и расширению развития женского образования в России: открытие новых женских министерских училищ заметно ускорилось. В Ведомстве учреждений императрицы Марии такой всплеск не наблюдался.

Женские открытые высшие училища в конце 1850 – начале 1860-х годов были обязаны своим появлением и распространением прежде

всего российскому «среднему классу». Именно этот общественный слой, ранее более всего обделенный женским образованием, начинал предъявлять на него повышенный спрос. И поскольку среднее сословие брало в основном на себя расходы по содержанию министерских женских училищ, социальный состав учащихся этих училищ был весьма демократичен.

В 1860-е годы происходит «выпадение» значительной части средней женской школы из государственной сферы, обретением ею и юридически, и фактически общественного, неправительственного характера. Отвергая три основные установки всей предшествующей правительственной политики в этой сфере – жесткую сословность, закрытый характер учебных заведений и полное устранение влияния на них общественности – женская средняя школа представляла собой принципиально новую социально-педагогическую модель построения образования [7, с. 238].

С 1862 года были окончательно закреплены две принципиально различные системы женского образования в России – чисто государственная (в Мариинском ведомстве устав закреплял бюрократический и централистский характер управления открытыми женскими учебными заведениями) и общественно-государственная (в Министерстве народного просвещения). И вплоть до 1917 года эти системы не пересекались.

Окончившие полный курс учения в мариинских гимназиях получали, без особого испытания, свидетельство на звание домашних учительниц; окончившие специальный педагогический курс – свидетельство на звание домашних наставниц. Получившие одобрительные свидетельства об окончании четырех низших классов семиклассных гимназий получали права на звание первоначальных учительниц и учительниц народных училищ, если они, по достижении 16-летнего возраста будут исполнять в течение полугода обязанности помощниц учителя или учительницы при каком-либо начальном училище.

В образовательном и правовом, не говоря уже о финансово-экономическом, положении мариинские женские училища имели существенные преимущества перед министерскими. То есть чисто государственная подсистема женского образования, в сравнении с общественно-государственной его подсистемой, изначально выстраивалась как привилегированная. И понадобилось немало общественных усилий, отраженных, в частности, в шеститомном своде замечаний на различные школьные проекты, чтобы к 1870 году, к изданию нового Положения о министерских гимназиях и прогимназиях уравнивать их в образовательном и правовом (но отнюдь не в финансово-экономическом) отношении с гимназиями Мариинского ведомства.

В 1870 году в Москве одним из первых было основано общество воспитательниц и учительниц. Со временем стали появляться и в других городах страны педагогические женские курсы, где обучались совсем юные девушки. На базе таких курсов в начале XX века стали издаваться журналы педагогической направленности. В них публиковались статьи о методиках преподавания в школах и гимназиях, зарубежный опыт в данной сфере, а также различные рекомендации учителям.

Новая открытая всесословная средняя женская школа – область образования, практически заново созданная в 60–90-х годах XIX века, – явилась ключевым звеном системы женского образования в пореформенной России. Она создала необходимые предпосылки для организации высших женских учебных заведений. Она же стала важнейшим фактором развития начальной народной школы, подготовив для этой школы значительную часть учительских кадров [7, с. 10].

В 1880-х годах правительство предпринимало решительные и многократные попытки огосударствить женские школы, находившиеся в ведении Министерства народного просвещения. Степень воздействия политической воли на женские учебные заведения зависела ещё и от географического фактора: так, по отношению к женским учебным заведениям в национальных северо-западных и юго-западных районах мнение правительства, сформулированное как не давать местному населению возможности принимать участие в учреждении женских учебных заведений – было единодушным.

Стоит отметить, что школьное дело в России на рубеже XIX–XX веков многим обязано женским усилиям, ведь для женщин той эпохи основной деятельностью было воспитание детей. Конечной целью воспитания детей являлось создание в ребёнке порядочного и милосердного человека. При патриархальном общественном укладе можно сказать, что женщина – прирождённая воспитательница. Именно ей присуще качество настоящего учителя. Как заметила писательница Мария Анзимилова: «Главные, самые ценные заслуги женщины будут всегда заключаться в усовершенствовании человечества путем воспитания» [3].

Хорошо образованная женщина со своими принципами и идеями была незаменима в образовательных учреждениях того времени. Введение женской руки в образование способствовало развитию нравов у учащихся, а также единению семьи и школы. Поскольку воспитание детей в семье лежало на плечах женщин, то женщины, должно быть, имели специальные подходы в обучении нового поколения. Помимо этого, многие женщины перестали удовлетворяться семейной жизнью и домашними делами. Ими овладела мечта постоянно развиваться и расти в карьерном плане.

Русский педагог и организатор женских гимназий в России Н.А. Вышнеградский был глубоко убежден, что *«школа учит лучше, чем семья, а семья воспитывает несравненно лучше, чем школа»*, о чём он и говорил в речи при открытии первого Мариинского женского училища. Учреждением такого училища объединяются усилия семьи и школы, и *«мы совершаем праздник семейных начал в воспитании, праздник системы образования, которая по своей естественности представляет новое ручательство за правильное развитие отечественного юношества»* [С.-Петербургские ведомости, 1858, № 96].

Всесословная женская школа создала необходимые предпосылки как для организации высших учебных заведений, так и для развития начальной народной школы, подготовив для этой школы значительную часть учительских кадров.

Опираясь на различного рода источники, можно сделать вывод о том, что русские женщины (это относится к дочерям дворян, купцов и иногда мещан) с детства много читали, изучали иностранные языки, обучались музыкальной грамоте и танцам.

Основным видом среднего женского образования была 8-летняя классическая гимназия с углублённым изучением гуманитарных предметов. Женская гимназия создала и утвердила в обществе авторитет образованной женщины, открыла перед нею новые возможности.

Другим видом среднего образования являлись женские институты с пансионом, созданные для дворянских дочерей. Неполное среднее образование можно было получить в прогимназиях, в которых было всего 4 класса.

К началу XX века в русских городах появилось множество частных профессиональных курсов для женщин. Там обычно готовили бухгалтеров, кассиров, машинисток, переводчиц, и даже учителей. Кроме того, значительно увеличилось число женских воскресных школ и Домов трудолюбия для воспитания одиноких девиц, а также женских гимназий. Кроме того, начинали меняться и школьные программы: стали обращать больше внимание на обучение учащихся точным и естественным наукам [4].

Девушки, поступающие на высшие курсы, обычно были не моложе 20 лет. В августе они готовили документы для поступления: метрическое свидетельство и аттестат о среднем образовании. Вступительных экзаменов не было, но, если количество заявлений абитуриенток превышало количество мест, устраивали конкурс по оценкам в аттестате.

Таким образом, девушки сами выбирали специальность, на которую им поступать. Обычно Высшие курсы имели несколько направлений. К примеру, знаменитые Высшие Бестужевские курсы в Петербурге имели историко-филологическое, юридическое и физико-математическое отделения.

На гуманитарных специальностях изучали богословие, психологию, историю педагогики, русский и иностранные языки, философию. Студенткам точных и естественных наук преподавали математику, физику, химию, ботанику, зоологию и другие дисциплины. Девушки могли менять специальность с передачей разницы предметов [6].

Интересно, что в сентябре 1901 года указом царя Николая II министр народного просвещения П.С. Ванновский получил право назначения лиц женского пола, окончивших Высшие профессиональные курсы, преподавать все предметы в старших классах женских гимназий и прогимназий. Позднее, в 1906 году, им было разрешено преподавать и в некоторых классах мужских гимназиях.

Принимая во внимание психологию русских женщин того времени, можно прийти к выводу, что сознание служебного долга и женское милосердие помогали студенткам в педагогической практике. Сама учащаяся женская молодёжь была ответственна за судьбы женского образования, как перед народом, так и перед будущим поколением русских женщин. И важно не забывать, что именно женская часть населения играет наиважнейшую

роль в развитии государства, оказывая влияние на демографические, семейные и культурные процессы общества.

К началу XX века насчитывалось около 30 высших женских учебных заведений. Возникали женские курсы уже не только в больших городах, но и в провинции. В 1911 году был принят закон о высшем женском образовании, который расширял права женщин в данной области. Теперь женщины могли получать полноценный диплом о высшем образовании. Уже в 1912 году состоялся первый Всероссийский съезд по женскому образованию, где и утвердили возможность совместного обучения мужчин и женщин. Здесь мы видим последствия того, как эмансипация все больше и больше проникала в умы русского общества.

В целом высшее женское образование в России предрекало большой успех в российской науке. Девушки-студентки учились прилежно, с большим интересом. Особый интерес был замечен в педагогической подготовке. Они изучали общеобразовательные и специальные дисциплины, в которые погружались с головой.

Тем не менее, несмотря на рост высших учебных заведений для женщин, среднее образование являлось наиболее распространённым и более выгодным по экономическим условиям. Гимназистки в своих мемуарах описывали обучение с большим трепетом и теплотой. Приобретённые знания и навыки в гимназии формировали взгляды подрастающего женского поколения. Таким образом, мы видим, что женщины-учителя играли огромную роль в жизни своих учениц. Именно они прививали в них такие качества, как женственность, милосердие, трудолюбие и элегантность. Кроме того, многие учительницы были советчицами девочек в спорных жизненных ситуациях.

Последовательно происходящие изменения в жизни и образовании юных девушек привели к тому, что одной из наиболее часто встречающихся женских профессий начала XX века была профессия учителя. Женщины работали гувернантками, учителями институтов и пансионатов, городских и сельских школ. Многие девушки становились гувернантками, будучи ещё совсем молодыми. Уже взрослые дамы, которые находились в трудном финансовом положении, открывали небольшие пансионаты для девочек со своего района. Таким образом, мы видим, что педагогика становилась обычным для женщины делом.

Поскольку профессия женщины-учителя появилась во второй половине XIX века, её положение оставляло желать лучшего: средняя зарплата школьного учителя в размере 20 рублей позволяла тратить свой доход только на вещи первой необходимости. Однако в начале XX столетия средняя по Российской Империи зарплата составила 30 рублей для учителей женского пола [8].

Стоит сказать, что большинство слушательниц по окончании курсов выходило замуж и останавливало свой карьерный рост. Однако по мере того, как увеличивалось количество женщин-выпускниц Высших женских курсов, применяющих свои знания в самых разных областях, исчезало и то недоверие, с каким в прежние годы относились к образованному слабому полу.

Где же в этом во всём вышесказанном внутренний мир и переживания женщины? Самым лучшим источником для этого станут, безусловно, дневники и мемуары. О чём писали женщины XIX века?

Любовь и брак, вне сомнений, были важными вещами в жизни молодых женщин XIX века, но опасно видеть в наших героинях легкомысленных особ: они много рассуждали о политике, религии и образовании. Дневниковые записи, посвященные политическим событиям, проникнуты патриотизмом и озабоченностью судьбой родной страны, её народа.

«В золотое время умственного образования начинают развиваться и лучшие чувства человека: любовь, искренность, патриотизм, дружба. По счастью, я нередко ощущаю в себе эти чувства и желаю иметь их всегда. Труд умственный я предпочитаю физическому. Я думаю, что поступаю справедливо. Меня отдали сюда для образования моего сердца и ума, а прочее – дело второстепенное: потому я и должна преимущественно развивать свои умственные способности» – цитата из дневника воспитанницы Ярославского училища девиц духовного звания.

Анна Ивановна Волкова, публицист, переводчица, благотворительница, издавала журнал «Друг женщин», посвященный вопросам обучения и проблемам женщин в обществе. Необходимость женского образования она видела не в обретении независимости, а, наоборот, рассматривала просвещение как средство укрепления семьи, способствующее более ответственному материнскому воспитанию. Вот цитата из её дневника: *«Пусть выбор профессии будет так же свободен для женщины, как и для мужчины. Пусть и брак будет таким же простым актом и равно необходим, как для мужчины, так и для женщины; последняя, вступая в брак, несомненно, будет понимать свои обязанности воспитательницы своих детей, как понимает это и хороший отец в настоящее время»* [5, с. 277].

Также Анна Волкова в своих воспоминаниях пишет о том, как важно получать знания и делиться ими с другими. Однако часто женщин останавливает на этом пути неуверенность в себе, страх быть высмеянной. Исходя из этого, мы приходим к выводу, что женщинам изучаемого периода очень часто не хватало психологической поддержки как со стороны общества, так и близких людей. В рассматриваемой литературе нами не было найдено статей, которые бы вдохновляли и поддерживали женщин в их начинаниях. Статьи и материалы были в основном посвящены борьбе за равноправие или женскому вопросу.

Подводя итоги нашего обзора женского образования, становится очевидным его особое значение для женского вопроса в целом, поскольку побудительным мотивом для государственной власти было осознание важной жизненной роли женщины и её серьёзного влияния на общественные нравы, а также воспитание будущего поколения. Успешное развитие женского образования в начале XX века наполняло сердца женщин надеждой светлого будущего в отношении женского вопроса.

По сравнению с ситуацией в 60–70-е годы XIX века женское образование и умственный труд в начале XX века стали обыденной вещью. Русское общество убедилось в том, что внесло высокие нравственные начала, которые помогли приобрести женщинам новые знания и навыки. Обучение женщин перестало восприниматься как нечто невежественное. Отчасти необходимость получения высшего образования для женщин перестало быть вопросом, женские учебные заведения заняли устойчивое положение среди просветительских учреждений в России.

Уже в 1880 году среди учителей сельских начальных народных училищ Европейской России женщины составляли 20 % – 4 878 человек. Из них выпускниц средних женских учебных заведений было 62,7 % (3 059 человек). Возраст трех четвертей всех учительниц не превышал 25 лет, то есть средняя женская школа была их самым недавним прошлым.

К 1911 году число учительниц начальных народных училищ возросло почти в 20 раз, и они составили 53,8 % общего количества народных учителей. Иными словами, получив в 1860-х годах право преподавания в начальной народной школе, выпускницы средних женских учебных заведений через полвека составляли уже более половины учительского корпуса этой школы [7, с. 11].

Возможность для женщин получить высшее образование, несмотря на все препятствия, способствовала становлению профессионального женского образования, прежде всего педагогического, а затем медицинского. Такая расстановка была своего рода национальным ответом на вызовы модернизации и попыткой сохранить определенный баланс в традиционных гендерных отношениях [1, с. 364].

Путь от девиц-учениц до женщины-учёного был долог и тернист. Однако он оказал принципиальное влияние не только на самих женщин, но и на отношение к ним со стороны общества, на само общество и его скачок в развитии. Эволюция от фраз: *«Бабе не нужна наука, ей не в солдаты идти»* до *«Нечего опасаться основательного образования и стеснять его пределы. Пусть женщина идёт наравне с мужчиной: она приобретёт силу, которая везде ей пригодится и во всём возвысит её внутреннее достоинство <...> Истинно образованная женщина с развитыми умственными интересами, самостоятельной мыслию, способная восполнить мужское дело не в одном только чернорабочем труде, но и в умственном, не может не стать истинным благом той общественной среды, где она появится в значительном числе разнообразных характеров и призваний»* – тому прямое подтверждение.

Воспитание подрастающего поколения (в рамках семьи), которое испокон веков лежало на женских плечах, расширилось до того, что и образованием подрастающего поколения (уже за пределами семейного круга) стала заниматься женщина. Спокойный дух, развитый ум, лишь благотворно влияли на женщину, и тогда, не ограничиваясь домашним очагом, она пошла далее, стараясь применить свою энергию на пользу других людей [5, с. 28].

Надеемся, что нам удалось яркими штрихами обозначить историческую эпоху через роль в ней женщины.

И закончить хотелось бы словами Л.Д. Мордовцева: «Женщина – какой она проявляется и в истории – это такой чувствительный барометр, который, прежде всего, отражает в себе состояние, если позволено будет так выразиться, общественной атмосферы, и каков характер и направление исторической эпохи, такой является и женщина едва ли не исключительнее, чем мужчина. Вот почему история русской женщины не только пополняет собой русскую историю вообще, но и уясняет ее более чем вся сумма прочих исторических материалов».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kornilova I. V., Magsumov T. A. *Emancipation in Educational System: Formation of Women's Higher Education in Russia*. 2017.
2. Rosslyn W., Tosi A. *Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture*. 2012.
3. Анзимилова, М. Н. (Маран). Причины нравственной физиономии женщины : исторический очерк с приложением обзора статей по женскому вопросу / М. Н. Анзимилова (Маран). – СПб., 1901. – С. 205. – Текст : непосредственный.
4. Вахромеева, О. Б. Преподавание наук на высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918) / О. Б. Вахромеева. – М., 2018. – Текст : непосредственный.
5. Волкова, А. И. Воспоминания. Дневник / А. И. Волкова ; под редакцией В. Е. Чешихина-Ветринского. – М., 2015. – Текст : непосредственный.
6. Волконский, С. М. Высшее образование женщин в России / С. М. Волконский. – Текст : непосредственный // Образование. – 1893. – № 7–8. – С. 80–85.
7. Днепров, Э. Д. Среднее женское образование в России : учебное пособие / Э. Д. Днепров, Р. Ф. Усачева. – М., 2009. – Текст : непосредственный.
8. Для народного учителя: Орган народного учительства : педагогический журнал. – М. : Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1912. – С. 30–33. – Текст : непосредственный.
9. Дьяконова, Е. А. Дневник русской женщины / Е. А. Дьяконова. – М., 2006. – Текст : непосредственный.
10. История отечественного образования. VIII – начало XX вв. : хрестоматия / составители: С. В. Калинина, В. В. Каширина. – Омск, 2000. – Текст : непосредственный.
11. Санкт-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903 : очерки и материалы. – СПб., 1903. – Текст : непосредственный.
12. Список окончивших курс на Санкт-Петербургских высших женских курсах за ... (1882–1889, 1893–1911; 1910–1911, 1911–1912) годы. – СПб., 1911–1913. – Текст : непосредственный.
13. Стайтс, Р. Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860–1930 / Р. Стайтс. – Принстон, 1978. – Текст : непосредственный.
14. Фроянов, И. Я. История России с древнейших времен до начала XX века / И. Я. Фроянов. – М., 1992. – С. 498. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Kornilova I. V., Magsumov T. A. *Emancipation in Educational System: Formation of Women's Higher Education in Russia*. 2017.
2. Rosslyn W., Tosi A. *Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture*. 2012.
3. Anzimirova M. N. (Maran). *Prichiny npravstvennoy fizionomii zhenshchiny* [Reasons for the moral physiognomy of a woman]. SPb., 1901. 205 p. (In Russian).

4. Vakhromeyeva O. B. *Prepodavaniye nauk na vysshikh zhenskikh (Bestuzhevskikh) kursakh (1878–1918)* [Teaching sciences at the higher women's (Bestuzhev) courses (1878–1918)]. M., 2018. (In Russian).
5. Volkova A. I. *Vospominaniya. Dnevnik* [Memories. Diary]. M., 2015. (In Russian).
6. Volkonskiy S. M. Higher education of women in Russia. *Obrazovaniye = Education*, 1893, no. 7–8, pp. 80–85. (In Russian).
7. Dneprov E. D., Usacheva R. F. *Sredneye zhenskoye obrazovaniye v Rossii* [Secondary Women's Education in Russia]. M., 2009. (In Russian).
8. *Dlya narodnogo uchitelya: Organ narodnogo uchitel'stva: pedagogicheskij zhurnal* [For the people's teacher: Organ of the people's teaching: a pedagogical journal]. M., 1912, pp. 30–33. (In Russian).
9. Dyakonova E. A. *Dnevnik russkoy zhenshchiny* [Diary of a Russian woman]. M., 2006. (In Russian).
10. *Istoriya otechestvennogo obrazovaniya. VIII – nachalo XX vv.* [History of national education. VIII – early XX centuries]. Omsk, 2000. (In Russian).
11. *Sankt-Peterburgskie Vysshie zhenskie kursy za 25 let. 1878–1903: ocherki i materialy* [St. Petersburg Higher Women's Courses for 25 years. 1878–1903: essays and materials]. SPb., 1903. (In Russian).
12. *Spisok okonchivshih kurs na S.-Peterburgskih vysshih zhenskih kursah za ... (1882–1889, 1893–1911; 1910–1911, 1911–1912) gody* [List of those who completed the course at the St. Petersburg Higher Women's Courses for ... (1882–1889, 1893–1911; 1910–1911, 1911–1912)]. SPb., 1911–1913. (In Russian).
13. Stites R. *Zhenskoye osvoboditel'noye dvizheniye v Rossii. Feminizm, nihilizm i bol'shevizm 1860–1930* [Women's liberation movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism 1860–1930]. Princeton, 1978. (In Russian).
14. Froyanov I. Ya. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [History of Russia from ancient times to the beginning of the twentieth century]. M., 1992. 498 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Коваль, К. С. Девушка-ученица и женщина-учитель: образование в России в конце XIX – начале XX веков / К. С. Коваль, А. А. Парамонова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 119–130.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Koval K. S., Paramonova A. A. A Girl Student and a Female Teacher: Education in Russia in the Late XIX – Early XX centuries / K. S. Koval, A. A. Paramonova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 119–130. (In Russian).

УДК 94(470+57) «17/1917»

**КРЫМСКИЕ АРМЯНЕ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ
XVIII – НАЧАЛА XIX ВВ.**

С.С. Козлов

**CRIMEAN ARMENIANS IN MIGRATION PROCESSES
OF THE XVIII – EARLY XIX CENTURIES**

S.S. Kozlov

Аннотация. В данной статье автор дает анализ основным причинам переселения армян из Крыма в 1778 году, выявляет важность переселения как для внешней, так и для внутренней политики императрицы Екатерины II. Автор анализирует основные причины переселения на Нижний Дон, участие генерала А.В. Суворова в организации переселения, участие русского правительства в судьбе переселенцев. Показана роль переселения в образовании городов нового культурно-исторического облика на Юге России. Автор рассмотрел особенности традиций и обычаев донских армян, сохранённых со времен проживания в Крыму, так и появившихся на Дону.

Abstract. In this article, the author analyzes the main reasons for the resettlement of Armenians from the Crimea in 1778, reveals the importance of resettlement for both the foreign and domestic policy of Empress Catherine II. The author analyzes the main reasons for the resettlement to the Lower Don, the participation of General A.V. Suvorov in the organization of resettlement, the participation of the Russian government in the fate of the settlers. The role of resettlement in the formation of cities of a new cultural and historical appearance in the South of Russia is shown. The author examined the peculiarities of the traditions and customs of the Don Armenians, preserved since their residence in the Crimea, and appeared on the Don.

Ключевые слова: переселение армян на Дон, присоединение Крыма, основание Нор-Нахичеванской армянской колонии на Дону.

Keywords: the resettlement of Armenians to the Don, the annexation of the Crimea, the establishment of the Nor-Nakhichevan Armenian colony on the Don.

История армянского народа насчитывает три с половиной тысячи лет, являясь составной частью истории народов древнего мира, и представляется непростой и сложной, полной трагичных моментов, таких как войны и вынужденные переселения. Оказавшись в новом месте, армяне всегда обустроивались, налаживая торговлю, ремесленное производство и земледелие. В силу сложной исторической судьбы армяне были вынуждены переселяться с места на место, покидая нажитые места, и им приходилось начинать все заново. На новые земли армян зачастую приглашали местные власти, так как они были весьма трудолюбивы и могли сыграть большую роль в экономике. На новые места должны были переселяться люди способные наладить ремесленное производство, сельское хозяйство, торговлю.

В период Средневековья и Новой истории армянский народ находился под властью сначала Византии, позже Турции и Персии. После завоевания

армянского нагорья турками-сельджуками армяне переселяются в Поволжье. Затем в 1330 году около 30 тысяч армян из столицы царства Багратидов г. Ани отправились в Крым [1, с. 8]. Оказавшись на новом месте, анийские армяне нашли здесь не только схожие с родиной природные условия, но и прекрасные возможности для предпринимательской деятельности. А.П. Никольский в своем труде «От Крымского ханства до наших дней», писал, что: «Армяне и греки представляли важную группу населения, сыгравшую исторически большую роль в жизни ханства; помимо всего прочего они были единственными передатчиками татарам навыков земледельческой культуры, каковое значение они сохранили до последних дней своего пребывания в Крыму, и не терпели от татар каких-нибудь притеснений» [2, с. 7]. По мнению А. Богданяна, армяне, радушно принятые местным населением, энергично взявшись за устройство своей жизни, попутно развивали экономику региона [1, с. 7].

Проживая в Крыму на протяжении нескольких веков, переселенцы наладили торговые связи со многими странами Востока и Запада. Их торговая деятельность была столь значительна, что еще в XIII веке путешественники называли Южный берег Крыма «Приморской Арменией» [3, с. 139]. Вместе с греками они составляли значительную часть городского населения полуострова.

Крым входил в зону интересов внешней политики России в XVIII в., и переселение христиан в Россию имело большое значение. Это было не только важным внешнеполитическим шагом России, лишившим крымского хана Шагин-Гирея основной части налогов, но и было выгодно армянским переселенцам. Армяне не просто искали в России лучшей жизни, но прежде всего более подходящие условия для занятий торговлей, ремеслами, земледелием. Российское государство, понимая важность азиатской торговли, всячески поддерживало и стимулировало переселение [4, с. 345]. Переселенцы получили ряд различных привилегий, пособий и льгот [5, с. 878–879]. Также переселение способствовало экономическому оживлению края [6, с. 36].

Генерал-поручик А.В. Суворов, командуя русской армией в Крыму, так в своих письмах докладывал графу П.А. Румянцеву-Задунайскому: «Число же всех христиан является ныне превосходное, особливо в купцах армянских...» [7, с. 231]. По мнению С.С. Казарова, именно армянские купцы по замыслу русского правительства должны были оживить экономику Дона [8, с. 31].

Для достижения намеченной цели, Екатерина решает обратиться к иным средствам. Политика русского государства по освоению юга проходила в условиях постоянной борьбы с Османской империей и ее вассалом Крымским ханством.

После русско-турецкой войны 1768–1774 гг., южным рубежом России стала довольно слабо заселенная территория Северного Причерноморья и Приазовья. Часть территории на Нижнем Дону была заселена донскими казаками, построена крепость св. Димитрия Ростовского. Еще А.И. Ригельман, основатель и первый комендант крепости, писал, что «требуется к поселению при оной крепости, для производства коммерции в Константинополь и в прочие

тамошние места, достаточных купцов до нескольких сот семей» [9, с. 31]. Данная территория, впоследствии получившая наименование Новороссии, во второй половине XVIII века, своими бескрайними просторами отделяла Россию от Черного и Азовского морей, находившихся под властью Турции. Негостеприимная степь в любую погоду и времена года затрудняла проход войск в глубь этих территорий. В 1774 году генерал-губернатором Новороссийского края стал князь Г.А. Потемкин, который начинает организацию переселения.

На переселенцев возлагалась важнейшая задача экономического развития края, и Нор-Нахичевань, построенный армянскими переселенцами, стал первым городом Нижнего Дона, основанным не как крепость, а как торговоремесленное поселение. В отличие от такого типа городов, застраивавшихся, как правило, стихийно, Нор-Нахичевань изначально строился согласно градостроительному плану, созданному в соответствии с принципами регулярности и классицизма.

Таким образом, крымские переселенцы оказались не только в новых природно-климатических условиях, но и в условиях новой архитектурно-пространственной среды, в самой своей основе разнящейся с архитектурно-строительной культурой армян, сформировавшейся на Крымском полуострове. Все армянские поселения на территории Крыма, как правило, застраивались стихийно [10, с. 22–30].

Помимо экономической выгоды для России правительство Екатерины II вело упорную борьбу за присоединение Крымского полуострова, потому что присоединение Крыма означало бы не только приобретение богатого района, но и дало бы возможность России занять стратегически выгодную позицию на Черном море и укрепиться от устья Днепра до морских берегов Прикубанья, обеспечить безопасность местного населения от татар [11, с. 17]. Создались бы благоприятные условия для освоения края и расширение черноморской торговли. Вследствие этого существенно бы изменилось соотношение сил России и Турции на Черном море. Однако в 70-х годах XVIII века решение этой проблемы (присоединение Крыма к России) пока оставалась неразрешенной [12, с. 207].

В 1776 году, воспользовавшись благоприятным поводом (активизацией деятельности турецких агентов), Екатерина II ввела на полуостров свои войска. В том же году в Крым из Петербурга был доставлен противник турецкой ориентации Шагин-Гирей и провозглашен крымским ханом. Одновременно продолжаются волнения среди противников русской партии, совершаются нападения, как на мурз, так и на командующего русской армией князя А.А. Прозоровского [7, с. 38–39].

Желая ослабить крымского хана, Екатерина выселяет христиан из Крыма, тем самым укрепив его зависимость от России, что даст возможность быстро заселить новоприсоединенные территории крымскими переселенцами. Так что у христиан, и в частности у армян, появляется возможность улучшить свое положение и переселиться в Россию. Командующий русскими войсками в Крыму А.А. Прозоровский получает от Румянцева приказ о переселении христиан,

но колеблется, так как от императрицы никаких предписаний не поступало. Волнения среди татар, спровоцированные турецкими агентами, были подавлены, но, тем не менее, положение было все еще шатким [13, с. 36].

В своем предписании от 25 февраля 1778 года генералу Прозоровскому, фельдмаршал Румянцев отмечал, что в результате вывода русских войск из некоторых мест Крыма создается небезопасное положение для христианского населения и поэтому следует пригласить их на жительство в Азовскую и Новороссийскую губернии [7, с. 98]. А.А. Прозоровский, взвешивая все обстоятельства, принимал во внимание все трудности дела, считал неосуществимым и несвоевременным осуществление такой задачи в данный момент, и в таком духе пишет ответ Румянцеву. Он считал, что переселение христиан даст повод хану Крыма думать, что Россия хочет захватить полуостров. Так поймет подобный поступок России и Османская империя, следствием чего станет война. 9 марта 1778 года Екатерина подписывает два важных указа, касающихся христиан Крыма, адресовав их Румянцеву и Потемкину. Императрица сообщает Румянцеву, что из его докладной по поводу положения в Крыму ей стало ясно, что он дал указание генералу Прозоровскому убедить греков и других христиан переселиться в Россию [11, с. 19]. Когда А.А. Прозоровский получает вышеуказанный указ и рескрипт императрицы и на основании, их новые предписания Румянцева и Потемкина, то безотлагательно приступает к делу.

Прозоровский приглашает к себе греческого митрополита Игнатиуса, армянского митрополита Петроса Маркосяна и архимандрита армян-католиков Акоба Вардересовича. Он обещал большие привилегии переселенцам и почести самим пастырям [13, с. 37]. Духовные предводители воспользовавшись весенними церковными праздниками, начали уговаривать население к переселению, не вызывая подозрений Крымских властей [13, с. 37]. Многочисленные агенты Прозоровского и Константинова из числа греков и армян, идут в народные массы и убеждают их в необходимости переселения [11, с. 21].

Новый толчок к переселению дает назначение на пост командующего войсками в Крыму в апреле 1778 года, вместо нерешительного Прозоровского, энергичного генерала А.В. Суворова. Он активно берется за дело и устанавливает связи с греческим и армянским духовенством, дает указания, принимает делегатов и т. д. [12, с. 8–43]. Денежные вознаграждения возымели действие, и духовные предводители вместе с мирскими, возглавляемые митрополитом Игнатиусом, в Бахчисарае вручают Румянцеву прошение о предоставлении христианам Крыма русского подданства и права поселиться в ее владениях. Также делегаты предъявили ряд требований:

- 1) возместить утрату движимого и недвижимого имущества в Крыму;
- 2) обещанные императрицей земли между реками Днепром, Самарой и Орлом;
- 3) переселение за счет казны;
- 4) раздельное от основного население обоснование с одним городом и окружающими деревнями для каждой нации;

- 5) оставление за духовными пастырями их паств;
- 6) освобождение от налогов на 10 лет;
- 7) освобождение от рекрутских наборов;
- 8) самоуправление колонии;
- 9) семена на первый год, до нового урожая, материалы и лес на постройки;
- 10) возмездие за оставленные посевы и вместо долгов, причитающихся с татар [14, с. 40; 7, с. 556–557].

Во время подготовки переселения, когда крымские армяне уже выставили свои требования, старейшины крымских татар доносят хану о действиях командующего русскими войсками и полномочного представителя в деле организации переселения греков и армян в Россию и просят принять меры [15, с. 556]. Хан до этого не вмешивающийся в дела христиан, обращается к ним и татарам, сообщая, что это все слухи. Одновременно он обращается к Суворову и Румянцеву, требуя объяснений. И только поняв, что дальнейшее лавирование невозможно, сообщили, что они к этой кампании непричастны, что сами христиане просят о переселении. Они заверили крымского хана, что ему не о чем волноваться, тем более что императрица обещает полное возмещение материального ущерба от переселения христиан [7, с. 561–562, 583]. Дальнейшее промедление с переселением было чревато последствиями.

Поэтому Суворов предпринял действенные меры по устранению трудностей с переселением. Он просил Румянцева о представлении беднейшим христианам подвод для переезда, просит о предоставлении территории для переселения, полной компенсации оставленных лавок, магазинов и предприятий, закупки продуктов и т. д. [12, с. 558]. Положение христиан в Крыму с 17 июля 1778 года, когда началось переселение, становится невыносимым, потому что, как писал Е.О. Шахазиз, «взбешенные татары начинают страшно притеснять их и мстить» [13, с. 40]. Русские войска встают на защиту переселенцев (Табл. 1).

Таблица 1

Количество армянских переселенцев из городов и сел Крыма

№	Город	Муж.	Жен.	Всего	№	Деревня	Муж.	Жен.	Всего
1	Каффа	2 781	2 730	5 511	1	Топлу	112	100	212
2	Бахчисарай	702	673	1 375	2	Сала	115	109	224
3	Карасу-Базар	1 419	1 390	2 809	3	Султан сала	34	23	57
4	Гезлу	667	637	1 304	4	Орлалан	214	192	406
5	Ак-Мечеть	145	114	259	5	Мелик	39	33	72
6	Эски-Крым	87	73	160	6	Камышлык	62	59	121
					7	Чурук-Су	20	20	40
					8	Бурунджук-Отар	17	21	38
					9	Топчак	7	3	10
	Итого:	5 801	5 617	11 418		Итого:	620	560	1 180

Переселение проходит тремя этапами:

- 1) 18 июля;
- 2) 20 августа;
- 3) 28 сентября.

Выход переселенцев продолжался вплоть до 19 октября, так как были запоздавшие, по своим личным делам задержавшиеся в городах Крыма. Всего из Крыма выселилось 31386 человек, из них греков – 18 407 человек, армян – 12 598 человек, грузин – 219 и 163 валаха [13, с. 43; 11, с. 26]. Выдвигались переселенцы из следующих городов [13, с. 40]:

Армянские переселенцы прибывают на земли в округе Александрова (ныне Запорожье), в район междуречья Самары и Орла, левобережных притоков Днестра. Однако местнические интересы осваивавшего украинские земли русского дворянства, их стремление включить опытных земледельцев, ремесленников и торговцев в сферу своей хозяйственной деятельности не смогли реализоваться, поскольку свободных земель для большой колонии переселенцев не оказалось. Возникали также противоречия в интересах местных магнатов и общегосударственной политики, что побудило царское правительство поселить армян на пустующих землях низовий Дона [10, с. 28]. Крымским армянам, пожелавшим поселиться на Дону, было дано право самим избрать себе земли для поселения [16, с. 54]. Депутаты, прибывшие от переселенцев, Арутюн Богозов-Халибов и Карабет Асланов избрали для поселения слободу Полуденку. По данным А.А. Скальковского, в 1792–1794 гг. на территории Екатеринославского наместничества проживало греческих и армянских: купцов – 736 чел., мещан – 2 562 чел., крестьян – 1 264 чел. [17, с. 231].

В 1779 году Екатерина II подписала армянским переселенцам дарственную грамоту, по которой переселенцам на Дону разрешается строить город Нор-Нахичеван и вокруг него 5 сел: Чалтырь, Несветай, Большие Салы, Малые Салы и Крым. Также дается множество привилегий: «1. утверждалось самоуправление, учреждался городской магистрат, все судо- и делопроизводство велось на армянском языке. 2. освобождение от торговых пошлин на 10 лет. 3. разрешение строительства армянских церквей и ведение службы по чиноположению и состоять во власти Армянского патриарха, находящихся в Араратском монастыре» [5, с. 878–879]. Греки основывают города Мариуполь и Мелитополь, армяне основывают город Нор-Нахичеван и сельскую округу в его окрестностях. Нор-Нахичеван стал уникальным городом на юге России в целом и на Дону в частности, так как был основан как моноэтнический город [5, с. 878–879].

Из переселившихся из Крыма 12 598 армян основную массу составляли горожане. Первыми двигались жители Кафы (Феодосии) вместе со своей владыкой и церковными реликвиями, в количестве 6 тыс. человек, из Карасубазара, который также был ремесленно-промышленным и фабрично-заводским центром, более 3 тыс. человек, остальные вышли из Гезлова, Бахчисарая и других городов [18, с. 14]. Этой массе населения к тому времени уже были хорошо известны

капитал и его функции, банковское дело и банковские операции, основные принципы ведения коммерции. Это, в свою очередь, содержало необходимые предпосылки для успешной предпринимательской деятельности армян на донской земле [18, с. 14].

С самого своего начала имущественное расслоение в армянском обществе было довольно глубоким, ибо некоторые переселенцы прибыли из Крыма на своих кораблях с большим запасом товаров, крупными капиталами, а некоторые, наоборот, оставив то небольшое, что имели в Крыму. Но самое главное было в том, что это было общество равных возможностей, где каждому, в зависимости от его предпринимательских способностей, представлялся хороший шанс разбогатеть. Надо сказать, что многие успешно воспользовались этим шансом. Общее число крестьян не превышало 2 тыс. человек [19, с. 21–22]. Таким образом, на Дону оказалась многотысячная масса армянского населения. Она не была крупной в масштабах всей территории Войска Донского, составив порядка 3 % жителей от всего региона. В пределах же Нижнего Дона, т. е. территории Азовской губернии, они становятся одной из основных национальных групп населения, составив до 30 % общего числа жителей [20, с. 83].

У некоторых авторов данные о количестве переселившихся армян разнятся. Так, по данным Г. Патканяна, изложенным в дневниках И. Келле-Шагинова, из Крыма вышло шесть тыс. семей [21, с. 244]. Крымские переселенцы «бродили более года, многих захватила холера, другие рассеялись, не имея точной цели, где утвердятся, между некоторыми пошли распри, и они вернулись обратно» [21, с. 244]. В ноябре 1779 года была составлена первая перепись населения. Как указано Г. Патканяном, население города составляло 14 000 тыс. душ. Из них 7 155 лиц мужского пола и 6 845 женского [21, с. 244]. В течение ноября и декабря 1779 года родилось 79 детей из них 44 мальчика и 35 девочек. В то же время умирают 141 мужчина и 121 женщина, то есть 262 человека. Таким образом, население колонии за два месяца уменьшилось на 181 человека, составив на 1 января 1780 года 13 817 душ [21, с. 244]. По данным С.И. Григорьева, всего к концу апреля 1779 г. в Азовскую губернию переселились 30 233 человека, в том числе 13 695 армян (из них 191 человек ранее проживали в Тамани), составлявших 45,3 % от общего числа мигрантов [22, с. 299–303, 338, 356–363, 370–373, 379–383, 390–391].

В 1782 году в рамках IV ревизии населения Российской империи были составлены ревизские сказки переселившихся из Крыма на Дон армян [23, с. 4]. По этим ревизским сказкам в городе Нор-Нахичеван проживало в общем 1 880 семей, в каждой из которых имелось как минимум 2–3 ребенка [23, с. 5]. По этой ревизской сказке в городе Нор-Нахичеване насчитывалось: цеховых города 568 мужчин и 511 женщины, итого 1 079 человека или 205 семей [23, с. 94–124], городских поселян 632 мужчины и 544 женщин, итого 1 176 человек или 253 семьи [23, с. 125–157], мещан 2 537 мужчин и 2 331 женщин, итого 4 868 человек или 1 238 семей [23, с. 158–299]. Нор-Нахичеванские купцы, предоставляли сведения о себе и составе своих семей сами. В купеческом

сословии состояли 565 мужчины и 542 женщина, в итоге 1 107 человек или 184 семьи [23, с. 300–399].

Представители духовенства в этих ревизских сказках учтены не были. По данным этих ревизских сказок выходит, что к 1782 году в городе Нор-Нахичеване проживало всего 8 230 человек. Учитывая так же сельских жителей Армянского округа, общее число населения Ново-Нахичеванской армянской колонии составляла 11 463 человека [23, с. 5], что не совпадает с подсчетами Г. Патканяна и С.И. Григорьева.

Перед переселением в Россию армяне проживали в городах и в селах Крыма: Каффа, Бахчисарай, Карасубазар, Гезлу, Акмечеть, Эски-Крым, Топлу, Сала, Султан Сала, Орталан, Камышлик, Чуруксу, Бурунчук Отар и Топчак [13, с. 35]. Характерная для многих средневековых городов высокая плотность застройки – кривые и узкие улицы, случайная конфигурация плана кварталов и неправильные геометрические формы плана усадеб – соответствовали традиционным народным ценностям и формировали соответствующую пространственную культуру. Культовые сооружения армян в Крыму представляли многочисленные варианты распространенных в Армении церквей, на которые наложили отпечаток строительные особенности других, распространенные у народов полуострова и окружающая среда [10, с. 22–32].

Коммеморация Крыма долгое время была частью культуры донских армян. В первую очередь это выражалось в поиске места нового поселения, которое бы напоминало им о родном Крыме. Как писал Р. Патканян, именно на Дону они нашли место, напоминающее им покинутый полуостров. Во-первых, это река Дон, которая изобиловала рыбой, и, во-вторых, это родники с бьющей из-под земли водой, по вкусу очень похожей на крымскую воду [24, с. 593]. Донской краевед О.Х. Поркшеян писал: «Здесь на Дону переселенцы всячески стремились устроить свою жизнь на крымский лад, хотели, чтобы была иллюзия Крыма» [19, с. 19]. Память о проживании в Крыму также выразилось в топонимии. Многим своим поселениям, источникам с водой армянские переселенцы давали имена тех мест, которые были ими, покинуты в Крыму [24, с. 593]. Недалеко от села Салхат (Старый Крым) находится монастырь Сурб Хач, в память о котором, на Дону, в 7 верстах от города Нор-Нахичеван был основан монастырь с аналогичным названием.

В семейной традиции городских, и сельских донских армян, из поколения в поколение передавались различные легенды и предания, связанные с Крымом. Так, некоторые крымские армяне, покидая полуостров, закапывали под порогами своих домов не только ключи от него, но и некоторые семейные реликвии, по-видимому, надеясь вернуться обратно.

Некоторые ностальгические мотивы по Крыму звучат в публицистике известного общественного деятеля и юриста Нахичевани-на-Дону Г.Х. Чалхушьяна (1861–1939). Поскольку Григорий Христофорович жил через сто лет после переселения, своё мнение он мог сформировать только на основе той семейной традиции, которая сформировались накануне,

вовремя и после поселения армян на Дону. До поры до времени эта традиция тщательно скрывалась, но продолжала передаваться из поколения в поколение. И, судя по эмоциональным высказываниям Г.Х. Чалхушьяна, она сохранилась до XX в.

Полемизируя с представителем так называемой «ротонды», или «русской партии Нахичевани-на-Дону» Сориним, назвавшим крымских армян «холопами хана», Г.Х. Чалхушьян писал: «Мы ханскими холопами и, вообще, холопами никогда не были. В Крыму нам жилось хорошо, уютно, привольно... Но армяне, обласканные представителями Государыни и обнадёженные щедрыми обещаниями, оставили лазоревое небо, синее море, изумрудные горы, возделанные поля и виноградники, и двинулись в Россию...» [25].

Историк и этнограф Е.О. Шахазиз писал, что «об образе «Хрим-адаси» (Крымского полуострова) в исторической памяти донских армян сохранилось не много» [13, с. 122]. В пасху, когда таял снег, под первыми лучами весеннего солнца нагревалась земля, появлялось насекомое, которое армяне называли «затик» («божья коровка»), которую нахичеванцы брали на ладонь и спрашивали: «В какой стороне находится Крым?». Обычно божья коровка залезала на самый конец одного из пальцев ладони и улетала восвояси. По мысли переселенцев, в сторону Крыма, по которому они так тосковали [13, с. 122]. Пребывание их в Крыму стало в их представлениях своего рода эпохой «золотого века».

С собой из Крыма армянские переселенцы принесли и отдельные традиции. Жители Нахичевани имели очень интересный обычай бросать жребий и этим испытывать свое счастье. Накануне праздника Вознесения семь девушек безмолвно и незримо шли брать воду из семи колодцев и, украшая букетами и укрывая шелковой материей сосуд для воды, относили его в сад и прятали под дерево. На следующий день после обедни девушки и женщины собирались в саду, располагались на траве вокруг кувшина и каждая из присутствующих бросала в него какой-либо предмет. После этого одна из женщин говорила: «Вичак, вичак, цветок судьбы, фиалка и роза, золотая пуговица». И начинался обряд вытягивания жребия. Каждая пела по куплету и вытаскивала из кувшина какой-либо предмет. Чей предмет попадет под руку, той и приписывается содержание песни, адресуется ее смысл [13, с. 122].

Также существовал «малый вичак», суть которого заключалась в том, что в четверг Вознесения девушки и парни собирались друг у друга и на листках записывали имена различных святых и святынь, затем вытаскивали листки и, кому какой попадет, шли в храм св. Вознесения и зажигали свечу перед ука-занным в листке святым или святыней и молятся, чтобы его желания – «мурат» сбывалось [13, с. 122].

Одним из особо почитаемых армянскими переселенцами праздников было Преображение, которое они называли «Вардевор». Со времен проживания в Крыму существовал обычай обливать друг друга водой: «делать вардевор» или «играть в вардевор». Если человека в такой день облили водой, то обижаться было нельзя. В Преображение совершается самое большое паломничество

в монастырь Сурб Хач. Они днями остаются в местах паломничества, режут жертвенных животных, едят, пьют, танцуют, гуляют и веселятся [13, с. 123].

В Нахичевани существовали и традиции, приобретенные уже на Донской земле. Так, например, в следующее за Пасхой воскресенье нахичеванцы выходили в степь на прогулку. Обычно выходили в овраг именуемый «Ахсай-дере» (аксайская балка), у северо-восточной окраины города. Именно в этот день во время прогулки девушки и женщины собирают чабрец, приносят домой, чистят и хранят на зиму [13, с. 119].

Итак, переселение христиан из Крыма, было важной частью внешней политики Российского государства на ее южном направлении. Удачная для России русско-турецкая война 1768–1774 годов, расширила границы империи на юг, освободила Крым от Турции и дала возможность колонизировать эти территории, и за счет христианского населения Крыма решить несколько задач. Во-первых, переселения трудолюбивого, коммерчески способного населения лишало крымского хана большей части налогов, которые он смог бы получить и, оказавшись в трудном финансовом положении, был вынужден отречься от престола в пользу Екатерины Великой, в результате чего Крым стал частью Российской империи. Во-вторых, заселяя Новороссию трудолюбивыми крестьянами, талантливыми ремесленниками, хваткими торговцами, Россия способствовала образованию нового, особого, южнорусского типа городов, такого как Нахичевань-на-Дону.

Переселяясь на Дон, крымские армяне сталкивались со многими трудностями, пересекая приазовскую степь в неблагоприятных условиях, тем не менее большая часть переселенцев до Дона дошла, с минимальными потерями.

Из Крыма на Дон армяне перенесли множество традиций и обычаев, как архитектурных, так нематериальных. Архитектура тех лет практически не дошла до наших дней, традиции же перенесенные из Крыма еще долго сохранялись здесь на Дону, изменялись в новых условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданян, А. Из прошлого (о переселении армян на Дон) : краткий исторический очерк / А. Богданян. – Ростов н/Д., 1947. – 56 с. – Текст : непосредственный.
2. Никольский, П. А. От Крымского ханства до наших дней / П. А. Никольский. – Симферополь, 1928. – 40 с. – Текст : непосредственный.
3. Брун, Ф. Черноморье : сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877 гг.) : в 2 частях. Часть 2 / Ф. Брун. – Одесса : Типография Г. Ульриха, 1880. – 408 с. – Текст : непосредственный.
4. Саядов, С. Становление армяноведения в России в первой трети XIX века. Вопросы историографии и источниковедения : монография / С. Саядов. – Ростов н/Д. : Foundation, 2018. – 447 с. – Текст : непосредственный.
5. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года : в 48 томах. Том 20: 1775–1780. – СПб. : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – 1050 с. – Текст : непосредственный.
6. Захарьянц, Г. Н. Ростов-на-Дону. 1749–1949 / Г. Н. Захарьянц, Г. А. Иноземцев, П. В. Семернин. – Ростов н/Д. : Ростиздат, 1949. – 377 с. – Текст : непосредственный.

7. Дубровин, Н. Ф. Присоединение Крыма к России : рескрипты, письма, реляции и донесения : в 4 томах / Н. Ф. Дубровин. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1885–1889. – 924 с. – Текст : непосредственный.
8. Казаров, С. С. Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX века) / С. С. Казаров. – Ростов н/Д. : Ковчег, 2012. – 143 с. – Текст : непосредственный.
9. Ригельман, А. И. Ростов на Дону 150 лет назад / А. И. Ригельман ; под редакцией К. С. Филиппова. – Ростов н/Д. : Ростовкнига, 2013. – 65 с. – Текст : непосредственный.
10. Халпахчян, О. Х. Стилистические особенности армянских памятников Крыма / О. Х. Халпахчян. – Текст : непосредственный // Архитектурное наследство. – 1996. – № 41. – С. 22–32.
11. Бархударян, В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917) / В. Б. Бархударян. – Ереван : Айастан, 1996. – 528 с. – Текст : непосредственный.
12. Нерсисян, Г. А. В. Суворов и русско-армянские отношения в 1770–1780 годах / Г. Нерсисян. – Ереван : Айастан, 1981. – 180 с. – Текст : непосредственный.
13. Шахазиз, Е. О. Новый Нахичеван и новонахичеванцы. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичавана / Е. О. Шахазиз. – Ростов н/Д. : Книга, 2005. – 240 с. – Текст : непосредственный.
14. Петрушевский, А. Генералиссимус Суворов : в 3 томах / А. Петрушевский. – СПб., 1884. – 500 с. – Текст : непосредственный.
15. Дружинина, Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. / Е. И. Дружинина. – М., 1959. – 280 с. – Текст : непосредственный.
16. Кузнецов, И. А. Прошлое Ростова / И. А. Кузнецов. – Ростов н/Д. : NV ; ГинГо, 2002. – 265 с. – Текст : непосредственный.
17. Скальковский, А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края : в 2 частях. Часть 1 / А. А. Скальковский. – Одесса, 1730–1796. – 289 с. – Текст : непосредственный.
18. Нигохосов, М. Г. Предпринимательская деятельность донских армян на Юге России (конец XVIII – начало XX вв.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Нигохосов Михаил Геннадьевич. – Ростов н/Д., 2007. – 27 с. – Текст : непосредственный.
19. Поркшеян, Х. А. О Нахичевани-на-Дону / Х. А. Поркшеян. – Нальчик, 1960. – 21 с. – Текст : непосредственный.
20. Суций, С. Я. Армяне Юга России и Крыма : геодемографический очерк / С. Я. Суций. – Ростов н/Д. : Копи-центр, 2015. – 287 с. – Текст : непосредственный.
21. Келле-Шагинов, И. Моя единственная жизнь : дневники и воспоминания / И. Келле-Шагинов. – Ростов н/Д. : Старые русские, 2015. – 320 с. – Текст : непосредственный.
22. Григорьев, С. И. «...Кафир весьма крутого нрава»: А.В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779) / С. И. Григорьев. – СПб., 2015. – 552 с. – Текст : непосредственный.
23. Ревизские сказки крымских армян 1782 года : сборник документов / составитель А. В. Ефимов. – Симферополь : Медиацентр И. Гаспринского, 2019. – 760 с. – Текст : непосредственный.
24. Казаров, С. С. Образ Крыма в исторической памяти донских армян / С. С. Казаров. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2017. – Том 27. – Выпуск 4. – С. 593–596.
25. Депутация у градоначальника. – Текст : непосредственный // Приазовский край. – 1913. – № 95.

REFERENCES

1. Bogdanyan A. *Iz proshlogo (o pereselenii armyan na Don)* [From the past (on the resettlement of Armenians to the Don)]. Rostov-na-Donu, Rostizdat, 1947. 56 p. (In Russian).
2. Nikol'skij P. A. *Ot Krymskogo hanstva do nashih dnei* [From the Crimean Khanate to the present day]. Simferopol', Krymsgosizdat, 1929. 40 p. (In Russian).
3. Brun F. *Chernomor'e: sbornik issledovaniy po istoricheskoi geografii Yuzhnoj Rossii (1852–1877 gg.)* [Chernomorye: collection of studies on the historical geography of Southern Russia (1852–1877)], part 2. Odessa, Tipografiya G. Ul'riha, 1880. 379 p. (In Russian).
4. Sayadov S. *Stanovlenie armenovedeniya v Rossii v pervoj treti XIX veka. Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya* [Formation of Armenian studies in Russia in the first third of the 19th century. Questions of historiography and source studies]. Rostov-na-Donu, Foundation, 2018. 447 p. (In Russian).
5. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii: Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire: The first collection: from 1649 to December 12, 1825], vol. 20. SPb., Tip. II Otd-niya sobstv. E. I. V. kancelyarii, 1830. 1050 p. (In Russian).
6. Zahar'yanc G. N., Inozemcev G. A., Semernin P. V. *Rostov-na-Donu. 1749–1949* [Rostov-on-Don. 1749–1949]. Rostov-na-Donu, Rostizdat, 1949. 377 p. (In Russian).
7. Dubrovin N. F. *Prisoedinenie Kryma k Rossii : reskripty, pis'ma, relyacii i doneseniya* [Accession of Crimea to Russia : rescripts, letters, reports and reports]. SPb., Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1885–1889. 924 p. (In Russian).
8. Kazarov S. S. *Nahichevskoe kupechestvo (konec XVIII – nachalo XX veka)* [Nakhichevan merchants (late XVIII – early XX century)]. Rostov-na-Donu, Kovcheg, 2012. 143 p. (In Russian).
9. Rigel'man A. I. *Rostov na Donu 150 let nazad* [Rostov-on-Don 150 years ago]. Rostov-na-Donu, Rostovkniga, 2013. 65 p. (In Russian).
10. Halpahch'yan O. H. Stylistic features of the Armenian monuments of Crimea. *Arhitekturnoe nasledstvo = Architectural heritage*, 1996, no. 41, pp. 22–32. (In Russian).
11. Barhudaryan V. B. *Istoriya armjanskoj kolonii Novaya Nahichevan' (1779–1917)* [History of the Armenian colony New Nakhichevan (1779–1917)]. Erevan, Ajastan, 1996. 528 p. (In Russian).
12. Nersisyan G. A. V. *Suvorov i rusko-armjanskije otnosheniya v 1770–1780 godah* [A.V. Suvorov and Russian-Armenian relations in 1770–1780]. Erevan, Ajastan, 1981. 180 p. (In Russian).
13. Shahaziz E. O. *Novyj Nahichevan i novonahichevancy. Monastyr' Surb Hach Novogo Nahichavana* [New Nakhichevan and Novo-Nakhichevan people. Surb Khach Monastery in New Nakhichavan]. Rostov-na-Donu, Kniga, 2005. 240 p. (In Russian).
14. Petrushevskij A. *Generalissimus Suvorov* [Generalissimo Suvorov]. SPb., 1884. 500 p. (In Russian).
15. Druzhinina E. I. *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg.* [Northern Black Sea region in 1775–1800]. M., 1959. 280 p. (In Russian).
16. Kuznecov I. A. *Proshloe Rostova* [Past of Rostov]. Rostov-na-Donu, NB ; GinGo, 2002. 265 p. (In Russian).
17. Skal'kovskij A. A. *Hronologicheskoe obozrenie istorii Novorossijskogo kraya* [Chronological review of the history of the Novorossiysk Territory], part 1. Odessa, 1730–1796. 289 p. (In Russian).

18. Nigohosov M. G. *Predprinimatel'skaya deyatel'nost' donskih armyan na Yuge Rossii (konec XVIII – nachalo XX vv.)* [Entrepreneurial activity of the Don Armenians in the South of Russia (end of the 18th – beginning of the 20th centuries). Rostov-na-Donu, 2007. 27 p. (In Russian).

19. Porksheyan H. A. *O Nahichevani-na-Donu* [About Nakhichevan-on-Don]. Nal'chik, 1960. 21 p. (In Russian).

20. Sushchij S. Ya. *Armyane Yuga Rossii i Kryma: geodemograficheskij ocherk* [Armenians of the South of Russia and the Crimea: geodemographic essay]. Rostov-na-Donu, Kopi-centr, 2015. 287 p. (In Russian).

21. Kelle-Shaginov I. *Moya edinstvennaya zhizn': dnevniki i vospominaniya* [My only life: diaries and memories]. Rostov-na-Donu, Starye russkie, 2015. 320 p. (In Russian).

22. Grigor'ev S. I. "...Kafir ves'ma krutogo nrava": A.V. Suvorov i Krymskoe hanstvo (1771–1779) ["...Kafir of a very cool temper": A.V. Suvorov and the Crimean Khanate (1771–1779)]. SPb., 2015. 552 p. (In Russian).

23. *Revizskie skazki krymskih armyan 1782 goda: sbornik dokumentov*, [Revision tales of the Crimean Armenians in 1782: a collection of documents], compiled by A. V. Efimov. Simferopol', Mediacentr I. Gasprinskogo, 2019. 760 p. (In Russian).

24. Kazarov S. S. The image of Crimea in the historical memory of the Don Armenians. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya" = Bulletin of the Udmurt University. Series "History and Philology"*, 2017, vol. 27, iss. 4, pp. 593–596. (In Russian).

25. Deputation to the mayor. *Priazovskij kraj = Priazovsky region*, 1913, no. 95. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Козлов, С. С. Крымские армяне в переселенческих процессах XVIII – начала XIX вв. / С. С. Козлов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 131–143.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kozlov S. S. Crimean Armenians in Migration Processes of the XVIII – Early XIX Centuries / S. S. Kozlov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 131–143. (In Russian).

УДК 94 (470.6) "18"

**«ПРИЗНАВ СВОЁ ЗАБЛУЖДЕНИЕ И ПРИНЯВ ЖИЗНЬ СПОКОЙНУЮ»:
ПЕРЕГОВОРНЫЕ ПРАКТИКИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА**

А.Н. Кувшинов

**"HAVING BEEN AFFORDABLE AND ACCEPTING A QUIET LIFE":
NEGOTIATION PRACTICES IN RUSSIAN POLITICS
IN THE NORTHERN CAUCASUS AT THE BEGINNING
OF THE 19th CENTURY**

A.N. Kuvshinov

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с усилиями российских властей по налаживанию диалога с северокавказскими обществами в начале XIX века. Анализируются тексты присяг, которые давали местные народы в знак верности императору. Выявляются обязательные для выполнения требования царской администрации, которые сводились преимущественно к недопущению набегов и возврату захваченных в плен людей. Выясняются причины коллективной ответственности, возлагаемой на горцев за совершаемые отдельным человеком преступления против имперского закона. Показываются те права и возможности, которые получали местные общества за свою лояльность государственным порядкам. Демонстрируется проявляемая кавказской администрацией веротерпимость по отношению к не христианским племенам. Оценивается роль института заложников, которые должны были стать гарантией сохранения верности присяге.

Abstract. The article deals with issues related to the efforts of the Russian authorities to establish a dialogue with the North Caucasian societies at the beginning of the 19th century. The texts of oaths given by local peoples as a sign of loyalty to the emperor are analyzed. The mandatory requirements of the tsarist administration are revealed, which were mainly to prevent raids and return captured people. The reasons for the collective responsibility placed on the highlanders for the crimes against the imperial law committed by an individual are clarified. The rights and opportunities that local societies received for their loyalty to state orders are shown. It demonstrates the religious tolerance shown by the Caucasian administration towards non-Christian tribes. The role of the institution of hostages, which were supposed to become a guarantee of loyalty to the oath, is assessed.

Ключевые слова: присяги, империя, государство, горцы, власть, набег, пленные.

Keywords: oaths, empire, state, highlanders, power, raid, prisoners.

Силовые способы оказания воздействия на горские общества никогда полностью не вытесняли практику дипломатического решения конфликтных ситуаций. Если обстоятельства позволяли, российская администрация охотно договаривалась даже с «немирными» племенами, прекрасно сознавая, насколько кардинально может измениться их позиция, когда ещё вчера «непримиримые» силы выражали готовность идти навстречу имперским

властям. Местные общества старались убедить в том, что государство не желает им зла и, при соблюдении определённых обязательств, готово обеспечить своих подданных всяческими благами. В этой связи вызывают интерес присяги, которые давали кавказские народы. В них достаточно точно определялась модель поведения, считавшаяся царскими властями приемлемой [4, с. 139–148; 6, с. 148–156]. Анализ таких документов лучше всего демонстрирует грань компромисса, на которую готовы были идти представители империи.

При разборе этих материалов, мы постараемся показать:

1) чего ждали от горцев представители российской стороны, выступавшие в качестве переговорщиков;

2) что они предлагали в качестве вознаграждения за лояльность;

3) как могли наказать в случае отказа от взятых обязательств.

Мы не ставим перед собой задачи охватить все случаи принятия присяг в рассматриваемый период. Далеко не всегда сохранились документальные свидетельства этих усилий, но уже имеющийся и в значительной степени введённый в научный оборот материал является репрезентативным и позволяет сделать необходимые выводы и обобщения.

Исследовательский интерес вызывает попытка привлечь на свою сторону те общества, которые благодаря российской администрации получили шанс освоить плодородные равнинные земли. В частности речь идёт об осетинах, подчинение которых обеспечивало безопасность проезда по Дарьяльскому ущелью. В результате репрессалий, устроенных отрядом подполковника Симановича весной 1802 г., от усмирённых племён потребовали прислать от каждой из деревень трёх выборных старшин. Они должны были выдать русскому военному начальнику всех пленных грузин и захваченный скот. Империя демонстрировала, что будет защищать интересы своих новых подданных и отныне выходцы из Картли-Кахетии будут ограждены от насилия «гранью дружеских штыков». Выбранные были уполномочены присягнуть на верность государю от имени своих соплеменников, которые могли в дальнейшем спокойно оставаться в своих жилищах. В свою очередь, командование гарантировало, что они могут не опасаться «ни малейшего притеснения и обид, как они, так и имение их, которые не токмо ограждаемы и охраняемы будут... но впредь все они, признав своё заблуждение и приняв жизнь спокойную, пользоваться будут выгодами и преимуществами, по занимаемым ими жилищам и землям» [3, с. 433]. Речь в данном случае шла о тех правах, которые получили осетины от грузинских царей. Но, как представляется, в присяге имелся недвусмысленный намёк на новые перспективы, связанные с возросшим значением коммуникаций, ведущих в Закавказье. Осетины могли участвовать в обслуживании проходивших караванов, строительстве и охране мостов и т. п. работах и услугах.

Горцам не только предлагали щедрые посулы, но и грозили наказанием в случае невыполнения взятых на себя обязательств: если «за сим кто-либо

из вас дерзнёт приступить сии высочайшие повеления явно или тайно, то целые деревни признаны будут ослушными и все обыватели оных, как в личности, так и имуществе преследуемы будут со всею воинскою строгостию...» [3, с. 434].

Обращает на себя внимание принцип коллективной ответственности за измену. Кровнородственная близость местных сообществ позволяла рассчитывать, что наиболее беспокойных набегчиков будут останавливать их рассудительные соплеменники. В присяге подчёркивали, что горцы не должны уповать на неуязвимость своих жилищ. Звучала угроза, что ни продолжавший лежать снег, ни каменистые ущелья не воспрепятствуют продвижению «победоносных российских войск» [3, с. 434].

Выстраиваемый диалог в дальнейшем получил продолжение. В 1806 г. дигорские старшины обратились к военным властям с прошением о добровольном согласии перейти в русское подданство. Его текст, видимо, был согласован и подготовлен не без помощи российской стороны. Он являлся результатом компромисса, устраивающего обе стороны. В нём, в частности, говорилось, что общества просят российское командование учредить крепость, которая могла бы обеспечить безопасный выход на равнину. Осетины опасались нападений со стороны кабардинцев, которые не давали им заниматься хлебопашеством и мешали заготавливать сено. Российское командование брало на себя обязательства не допускать «смертоубийство или захваты людей в плен или грабёж или воровство», а если подобные инциденты происходили, наказывать виновных [3, с. 434–435].

В свою очередь, дигорцы обещали всячески поддерживать царскую администрацию и в случае мятежа кабардинцев с оружием в руках участвовать в его подавлении. Особо оговаривался запрет на предоставление убежища их беглецам, как это имело место в прежние времена. Осетинам разрешалось забирать себе полученные в бою трофеи и захваченных пленников. Если этих пленников командование требовало выдать, то в этом случае они оставляли себе оружие, которое ранее принадлежало неприятелю, и кавказское начальство не могло претендовать на него.

Столкнувшись с активной деятельностью иностранных эмиссаров, российское правительство настаивало на их аресте. Укрывательство и помощь в бегстве за пределы империи расценивались как измена. Это влекло за собой неминуемое наказание. В качестве поощрения за выдачу шпиона гарантировалась передача участнику задержания части имущества агента. Кроме того, награда гарантировалась и людям, сообщившим информацию об иноземце и тех местных жителях, которые оказывали ему поддержку.

Не обошли вниманием и проблему российских дезертиров, которые время от времени скрывались в горах и искали покровительство у местных народов. Этих людей следовало задерживать и препровождать к ближайшему воинскому начальнику. В свою очередь, командование обещало возвращать беглецов от горских владельцев их хозяевам.

Власти прекрасно понимали, что далеко не всякого перебежчика удастся захватить собственными силами, поэтому в присяге пояснялось:

«...Ежели случится, что кабардинский князь или уздень, делающий России беспокойство, придёт под защиту или укывательство к дигорцам, то таких, у себя не удерживая, тотчас давать знать комиссару» [3, с. 436].

Старшины рассчитывали на поощрение за свою верность и в присяге оговаривали отдельные моменты: награждение чинами, фискальными преференциями, а также возможность получать соль на тех же условиях, которые действовали в отношении кабардинцев и ногайцев. За это они готовы были передать правительству права на разработку полезных ископаемых на своей земле, если таковые были бы найдены. В случае устройства рудников и прочих казённых заведений дигорцы выражали готовность предоставить подводы и выделить рабочие руки за оговоренную стоимость.

В качестве обязательного условия старшины поднимали вопрос о сохранении их «права, чтобы им служили по обычаю подданные их, платили оброк, как и прежде» [3, с. 437]. Это можно объяснить тем, что, по-видимому, они опасались потерять власть над своими ясырями. В свою очередь, и царская администрация ставила жёсткие условия таким владельцам: «ничего лишнего не брать, кроме того, что на них возложено будет» [3, с. 437]. Этот момент следует выделить особо. Очевидно, правительство уже сталкивалось с практикой местной верхушки по использованию российской силовой поддержки для расширения своих прав в отношении соплеменников. В этом случае росло недовольство иноземной властью, воспринимавшейся как чуждая, что приводило к росту негативных настроений и грозило вооружёнными выступлениями. Для царских чиновников приоритетом была лояльность большинства населения, а не её малой части, пусть и в лице местной элиты.

Просили старшины и прислать к ним миссионеров. Сохранив воспоминание о принятии христианства своими предками, осетины к рассматриваемому периоду уже утратили знания о вере, а потому рассчитывали «в местах по Дигории учредить божьих церквей... чтоб определить к ним духовных пастырей...» [3, с. 437].

Как видно из приведённого документа, предполагалось комплексное решение вопроса по приобщению осетин к российским державным порядкам: оно включало политические, экономические, социальные и культурные меры воздействия. Осторожный оптимизм внушал тот факт, что эта часть горского сообщества была жизненно заинтересована в сближении с русскими. Только их защита и покровительство могли обеспечить выход на плоскостные земли, без которых осетины не в состоянии были вырваться из исторического тупика, куда в силу объективных причин их вытеснили более сильные соседи.

Проблема заключалась в том, что низкий уровень договороспособности горцев не позволял рассчитывать на соблюдение взятых ими на себя обязательств. Такие соглашения, как правило, персонифицировались и зависели от конкретного представителя, который ставил на бумаге свою подпись. Учитывая, что власть старшин не была должным образом институционализирована, потеря таким человеком своей временной должности могла привести к пересмотру

условий договора. Да и надёжного влияния на своих соотечественников старшины не имели, поэтому мы видим череду повторяющихся присяг, которые заключались между кавказской администрацией и горцами – не только осетинами, но и прочими народами Северного Кавказа.

Своя специфика была у присяг, которые требовали от народов, чаще всего фигурировавших в оценках царского командования как «немирные». За четверть века до того, как горный Дагестан делается одним из очагов воинственного мюридизма, с местными сообществами велись вполне мирные переговоры, и обе стороны нащупывали возможность прийти к компромиссному, устраивающему их соглашению. Так, весной 1803 г. клятвенное обещание согласились дать джаро-белоканские аварцы, вступившие в российское подданство. Они, «видя собственное... благо», выражали готовность присягнуть на верность Александру I и поклясться в соблюдении взятых на себя обязательств на Коране [8, с. 265]. Такой шаг стал возможен после того, как эта часть аварского этноса была покорена силой оружия, а потому не стоит удивляться, что в документе фигурировала дань в размере 1 100 метров шёлка, которую ежегодно следовало доставлять в Тифлис.

Аргументом в пользу сохранения верности России становились гарнизоны царских войск, которые могли размещаться в местных селениях. Однако горцы просили, чтобы они находились при броде Урдо, что, видимо, позволяло закрывать возможное направление вторжения на джаро-белоканцев со стороны соседей и одновременно не стесняло жителей, тяготившихся присутствием солдат непосредственно у своих жилищ.

Ещё одной мерой, к которой прибегали в таких случаях, сделалась выдача аманатов. В документе перечислялись селения Белоканы, Катехи, Джары, Таилы, Мухах, Чиних, от которых предоставлялись заложники верности. Под последней понимался запрет на принятие у себя враждебных эмиссаров сопредельных государств и предоставление крова «хищным дагестанцам, лезгинам и прочим народам, на Грузию покушения имеющим» [8, с. 266].

Если лояльность подтверждалась, главнокомандующий заверял горцев, что не будет посягать на их права и гарантирует сохранение прежнего способа управления. Учитывая, что часть местных жителей на момент принятия присяги укрывалась от российской власти, за них верноподданническую клятву давали их соседи, гарантировавшие обеспечение взятых на себя обязательств, даже если для этого они «силою оружия к тому принуждены будут» [8, с. 267].

Неизменно в договорных документах фигурировал вопрос возврата пленных. Не стала исключением и клятва аварцев. Они должны были вернуть российских и грузинских невольников и в свою очередь получить тех соплеменников, которых захватила царская армия в последних сражениях. Примечательно, что дагестанцев приглашали сделаться посредниками при выкупе из чеченского плена полковника И.П. Дельпоццо, обещая за него отпустить от 60 до 100 горцев.

Текст присяги выглядит достаточно жёстким, что неудивительно, учитывая авторство этого документа. Его подготовили по указанию князя

П.Д. Цицианова, делавшего упор на военные методы воздействия на «немирные» племена [2, с. 252]. Но даже он всячески демонстрировал свою готовность не ломать сложившийся уклад дагестанцев, если только он не наносил вред подданным империи и не был связан с набеговой традицией.

В ноябре 1806 г. командующий войсками на Кавказской линии С.А. Булгаков получил ордер от главнокомандующего И.В. Гудовича, в котором давались указания относительно «непокорных» чеченцев и карабулаков. С ними уже пытались наладить диалог и приглашали для переговоров чеченских старейшин, но ожидаемого результата не достигли. Сообщалось, что они по-прежнему «делают набеги и намереваются обще с карабулаками продолжать хищничества» [7, с. 142]. Это вынудило российское командование пойти на крайние меры и организовать «репрессалии» для обуздания беспокойных горцев «в самом их гнезде». Ожидалось, что это даст хотя бы временный эффект и по крайней мере в ближайшее время можно будет не опасаться продолжения грабительских нападений.

И.В. Гудович не обольщался относительно того, что с помощью похода ему удастся окончательно усмирить эти племена, но рассчитывал, что полученный урок заставит набегчиков снизить свою активность. Предполагалось сыграть на контрасте. Те селения, которые выдали аманатов и не участвовали в нападениях, предполагалось «поощрить и дать им всякую протекцию», а остальных показательно подвергнуть наказанию «без всякой пощады» [7, с. 142].

Главной целью похода должна была стать выдача заложников из числа наиболее авторитетных фамилий, которые могли гарантировать лояльность своих сородичей. Никаких иных требований, а тем более попытки вмешаться во внутренний уклад этих вайнахских сообществ, осуществлять не планировалось.

Такого рода подход сохранится и в дальнейшем. Весной 1807 г. чеченские старшины на Коране давали клятву сохранять верность престолу и не участвовать в действиях, способных нанести вред подданным императора и интересам российской державы [3, с. 260]. Клятва давалась как личная, так и от имени того общества, которое старшина представлял. В документах фигурировали имена и населённые пункты участников соглашения [3, с. 262]. Давалась клятва на фоне военной экспедиции, таким образом, она являлась своеобразным завершением предпринятых усилий по умиротворению «немирных» племён. Отсюда и слова о «чистосердечном раскаянии» и готовности сохранять «вечное верноподданство», к которым следует относиться критически. Данные под угрозой силового наказания, такие обязательства сохранялись до тех пор, пока горцы опасались новых репрессалий. Но как только опасность ослабевала, они возвращались к прежним способам взаимодействия с российской стороной.

В тексте присяг между тем вызывает интерес позиция российской администрации, которая достаточно чётко доводила до сведения противоположной стороны, чего от неё ожидают. Среди раздражающих факторов, прежде всего, выделялись грабежи и захват пленников. Для пресечения подобной практики предполагалось брать от каждого общества аманатов, причём их кандидатуры

подбирались российским командованием. Горцы не раз пытались передать русским тех людей, которые не пользовались в их среде авторитетом, а потому наказание такого рода заложников не волновало чеченцев. Они обязались вернуть всех пленных и беглецов, кроме тех, кто прожил в их обществе более пятнадцати лет, сменил веру и завёл семьи. Тем предлагался выбор: либо остаться среди горцев, либо вместе с домочадцами вернуться в российские пределы. Захваченный на Линии скот беспрекословно возвращался, а тех набегчиков, которые продолжали заниматься «молодечеством» в русских землях, должны были выдать начальству.

В случае нарушения этой присяги чеченцы признавали справедливость последующего наказания и смирялись с разорением собственных жилищ «без сопротивления» [3, с. 259].

В другом, принятом примерно в это же время документе мы находим больше конкретики, что, очевидно, лучше соответствовало пониманию тех прав и обязанностей, которые ожидалось сторонами переговоров. Местные общества весьма вольно могли трактовать свою лояльность, и то, что касалось естественным русским, для них было не столь очевидным, потому в пунктах договора мы встречаем конкретные территориальные рамки («от Владикавказа до Моздока»), где нельзя было «всякого звания людям никаких обид не делать и никаких хищничеств не токмо не производить, но если узнают, что какой хищник проедет чрез какую деревню, то тотчас уведомлять ближайших российских начальников» [3, с. 261]. За это на ближайшие горские селения возлагалась коллективная ответственность.

Понимая, что чеченцы вряд ли согласились бы своими силами пресекать нападения на Линии, от них не ждали невозможного. Верность присяге, как мы видим, заключалась в своевременной доставке информации о готовящемся нападении, что можно было сделать инкогнито, не подвергая себя опасности мести. «Мирные», как правило, равнинные селения оказались заложниками крайне неблагоприятного для себя положения, когда с одной стороны им приходилось взаимодействовать с воинственными соплеменниками, укрывающимися в труднодоступной для военных отрядов территории и потому не опасавшимися царских репрессалий, а с другой – выстраивать диалог с русскими, крайне жёстко реагировавшими на хищнический промысел кавказских удальцов.

Требуя выдачи пленных и беглых, власти пытались материально заинтересовать в этом чеченцев, и поэтому за каждого привезённого в Кизляр, Владикавказ или Моздок человека им обещали выплату в размере 50 рублей.

Вносилась определённая оценка содержания аманатов «из лучшей фамилии». На одного человека казна готова была выделить 120 рублей в год, а местом содержания такого заложника определялся Кизляр.

Русские гарантировали чеченцам помощь, в случае если их скот оказывался за пределами Линии. Его помогали искать и возвращать владельцам. Особо выделялись фискальные преференции, в частности, обещали «с продаваемых

и покупаемых чеченцами товаров пошлин не брать, а будет взыскаема с тех, кои купят у чеченцев, или продадут им» [3, с. 262]. Последнее должно было стимулировать интерес к мирным экономическим контактам, демонстрируя все преимущества добрососедских отношений в рамках имперского правового пространства.

Для достижения возможности проведения переговоров привлекались авторитетные лидеры из числа самих горцев, которые были на хорошем счету у российского командования и одновременно почитались своими земляками. Так, для того, чтобы обеспечить выше представленные договорённости, царское командование обратилось за посредничеством к «мирному» брагунскому владельцу Кучуку Таймазову.

В целом следует обратить внимание на исключительную роль субъективного фактора в дипломатических усилиях. Для горской стороны абстрактное понятие «царская власть» ещё не являлось гарантией, что их визави способен выполнить взятые на себя обязательства. Они рассматривали своих оппонентов с привычных, догосударственных позиций. Сами не имея внятной вертикали власти, горские общества воспринимали противника аналогичным образом. Отсюда требование к тщательному подбору главного переговорщика, который соответствовал бы местному пониманию авторитета.

Надо отдать должное кавказской администрации, которая старалась подстроиться под уровень своих партнёров по переговорам. Выработывался определённый стиль диалога, при котором могли меняться названия обществ, но сами выдвигаемые условия по выстраиванию взаимоприемлемых моделей взаимодействия оставались неизменными. Курс на минимизацию вмешательства в сложившийся уклад местных народов сохранялся, хотя неверно говорить о том, что такового не было совсем.

Рассмотрим присягу и клятвенное обещание ингушского народа, датированное 22 августа 1810 г. В нём фигурируют шесть родов, каждый из которых прислал по десять представителей, уполномоченных говорить от имени своих селений. Как и в анализируемых выше документах, мы видим наличие обязательства не предпринимать враждебные действия против подданных российского императора и считать его врагов своими врагами. При этом в случае участия в вооружённой борьбе ингушам гарантировали все права на захваченные ими трофеи и продовольственное содержание на время похода от государственной казны. Это была фактическая легализация привычных для горцев способов получения дополнительных материальных благ, но только теперь не в набегах на российские поселения, а в боях против неприятеля империи.

Власти попытались снять традиционную для местных сообществ конфликтную составляющую во взаимоотношениях ингушей с их соседями и требовали, чтобы имеющиеся разногласия решались при посредничестве представителей царской власти. Впрочем, это касалось тех народов, которые объявлялись верноподданными короны. В отношении прочих следовало действовать как с неприятелем. Любопытно, что в документе имеется уточнение,

о ком идёт речь. Таковыми определялись чеченцы и карабулаки, в рассматриваемый период проходившие под определением «немирных» горцев.

Ингуши самостоятельно должны были арестовывать и передавать в руки командования тех своих соплеменников, которые нарушали клятву, например, обвинялись в убийстве «российского солдата, купца и другого какого звания российского верного подданного». А если таковой преступник спасался бегством, в этом случае его имущество и семейство также отдавали «в руки российского начальства» [1, с. 900]. Аналогичные требования были и в случае нанесения ран и увечий. При выполнении указанных обязательств местные сообщества не подвергались наказанию со стороны армии, появление которой в горских аулах уже само по себе вело к ощутимым издержкам.

Ингуши освобождались от каких бы то ни было податей «кабардинцам, чеченцам и прочим здешним мухаммеданского закона народам» [1, с. 900]. Учитывая, что царская администрация столкнулась с политизацией ислама, получившего явную антирусскую направленность, она стремилась остановить распространение этого учения среди ингушей и требовала не допускать у них деятельности мусульманских миссионеров и возведения у них в селениях мечетей.

Непременным условием стала выдача враждебных эмиссаров. В рассматриваемый период это была серьёзная проблема для российского командования, столкнувшегося с непрерывными попытками внешних конкурентов империи мобилизовать военный потенциал горцев и направить его на коммуникации и тыловые территории пограничья. Отсюда и достаточно жёсткое наказание заслушание, предусматривавшее «ежели же и сего не исполним, тогда подвергаем себя все без изъятия наказанию яко пленники и нарушители общего спокойствия» [1, с. 901]. И вновь мы видим применение принципа коллективной ответственности, не позволявшей сохранить нейтральную позицию в отношении к происходившему. В сложившихся обстоятельствах каждый местный житель был либо верноподданным империи, либо её врагом.

Царская администрация стремилась сохранять контроль над теми переселенцами, которые перебравшись на равнину. Для них были выделены земли в урочище Назрань, а попытка перебраться в иные места расценивалась как преступление.

Горцев приучали к мысли, что как подданные Его Величества, они имеют не только права, но и обязанности перед его властью. Империя готова была защищать ингушей от притеснения со стороны сопредельных народов, но, в свою очередь, ждала от них поддержки. В их селениях предполагалось размещать гарнизоны, для которых следовало доставлять на своём транспорте продовольствие, строительные материалы и дрова, а больных солдат отвозить в лазарет Владикавказа.

Данный документ был преимущественно посвящён тем обязательствам, которые налагались на ингушские общества. В других документах мы видим, чем готовы были власти одарить их за лояльность. Имея замыслы

распространить среди горцев христианство, царская администрация отнюдь не собиралась применять для этого насилие. Отсюда обещание не преследовать даже за «идолопоклонение», которое сохранялось среди ингушей. Помимо духовных свобод, они получали земли и леса по правобережью Терека, свободу торговли на рынке Владикавказа, правовую защиту в случае обид со стороны российских подданных.

Выданные гарантии верности – аманаты – получали казённое содержание из расчёта 25 копеек медью в день. Местное ополчение, если в таковом возникала нужда, бралось на содержание командования и получало провианта наравне с русскими солдатами. Захваченная в бою добыча оставалась в собственности горцев, а за возвращённого беглого российской армии им гарантировалась награда в 10 рублей серебром.

Зная о роли куначества и святости обычая гостеприимства для местных народов, власти отнюдь не стремились запретить ингушам давать кров и пищу своим гостям. Однако в клятве оговаривалось, что такой человек не должен был появляться у них с целью совершения враждебных действий против российской стороны [1, с. 901].

С населением Северо-Западного Кавказа аналогичных компромиссных соглашений в первые десятилетия XIX века не заключалось. Будучи подданными султана, они формально находились под юрисдикцией Турции, а потому от их имени могли выступать лишь османские чиновники [5, с. 44–45].

По мере того, как ужесточалось вооружённое противостояние в крае, российская администрация всё чаще вынуждена была применять *ultima ratio regum* (последний довод королей). Но даже в такой ситуации от переговорных практик не отказывались, стремясь минимизировать кровопролитие. При ужесточении риторики основные принципы предлагаемого российской стороной компромисса в целом не изменялись. Всё сводилось преимущественно к прекращению набегов и возвращению насильственно захваченных подданных империи, независимо от их этничности. В свою очередь, российская власть гарантировала минимальное вмешательство в устоявшийся уклад народов региона. Более того, им зачастую предлагались различные преференции, дававшие возможность улучшить материальное положение для тех, кто готов был отказаться от воинственных занятий. Предполагалось поощрять торговлю между русскими и горцами, организовывать устойчивый рынок сбыта товаров, которые они производили.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией : в 12 томах. Том IV / под редакцией А. П. Берже. – Тифлис, 1870. – 1113 с. – Текст : непосредственный.
2. Виноградов, Б. В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. / Б. В. Виноградов. – Славянск-на-Кубани : Издательский центр СГПИ, 2005. – 384 с. – Текст : непосредственный.

3. Документальная история образования многонационального государства Российского : в 4 книгах. Книга 1: Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX веках / под общей редакцией доктора юридических наук Г. Л. Бондаревского и кандидата юридических наук Г. Н. Колбая. – М. : НОРМА, 1998. – 672 с. – Текст : непосредственный.

4. Дударев, С. Л. Некоторые особенности управления народами Кавказа в процессе их интеграции в состав Российского государства и горские присяги начала XIX в. / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура : материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.) : в 2 частях. Часть 1. – Ростов н/Д. : Издательство ЮНЦ РАН, 2021. – С. 139–148.

5. Дударев, С. Л. К истории Северного Кавказа XVIII – начала XXI века : сборник научных статей и рецензий / С. Л. Дударев. – Армавир : АГПУ ; Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2022. – 382 с. – Текст : непосредственный.

6. Клычников, Ю. Ю. «На верность подданства и обладания нами, на условиях следующих...»: понятие лояльности северокавказских горцев глазами российской администрации / Ю. Ю. Клычников. – Текст : непосредственный // Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура : материалы VIII Международного форума историков-кавказоведов (г. Пятигорск, 14–15 октября 2021 г.) : в 2 частях. Часть 1 / ответственный редактор академик Г. Г. Матишов. – Ростов н/Д. : Издательство ЮНЦ РАН, 2021. – С. 148–156.

7. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Том III. Часть I: 1801–1839 / том подготовлен к печати Г. Е. Грюмберг и С. К. Бушуевым ; вступительная статья С. К. Бушуева. – Махачкала : Дагестанское государственное издательство, 1940. – 471 с. – Текст : непосредственный.

8. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. : сборник документов / ответственный редактор В. Г. Гаджиев. – М. : Наука, 1988. – 357 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. *Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission], vol. IV, edited by A. P. Berger. Tiflis, 1870. 1113 p. (In Russian).

2. Vinogradov B. V. *Specifika rossijskoj politiki na Severnom Kavkaze v 1783–1816 gg.* [Specifics of Russian policy in the North Caucasus in 1783–1816]. Slavyansk-on-Kuban, Publishing Center SGPI, 2005. 384 p. (In Russian).

3. *Dokumental'naya istoriya obrazovaniya mnogonacional'nogo gosudarstva Rossijskogo* [Documentary history of the formation of a multinational state Russian], book 1: Russia and the North Caucasus in the 16th–19th centuries, edited by Doctor of Law G. L. Bondarevsky and Candidate of Law G. N. Kolbay. M., NORMA, 1998. 672 p. (In Russian).

4. Dudarev S. L. Some features of the management of the peoples of the Caucasus in the process of their integration into the Russian state and mountain oaths of the early XIX century. *Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kul'tura = Peoples of the Caucasus in the XVIII–XXI centuries: history, politics, culture*. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo YUNC RAN, 2021, pp. 139–148. (In Russian).

5. Dudarev S. L. *K istorii Severnogo Kavkaza XVIII – nachala XXI veka: sbornik nauchnyh statej i recenzij* [On the history of the North Caucasus in the 18th – early 21st centuries: collection of scientific articles and reviews]. Armavir, ASPU ; Stavropol, Design Studio B, 2022. 382 p. (In Russian).

6. Klychnikov Yu. Yu. "For allegiance to citizenship and possession of us, on the terms of the following...": the concept of loyalty of the North Caucasian highlanders through the eyes of the Russian administration. *Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kul'tura = Peoples of the Caucasus in the XVIII–XXI centuries: history, politics, culture*. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo YUNC RAN, 2021, pp. 148–156. (In Russian).

7. *Materialy po istorii Dagestana i Chechni. Tom III. Chast' I: 1801–1839* [Materials on the history of Dagestan and Chechnya. Volume III. Part I: 1801–1839]. Makhachkala, Dagestan State Publishing House, 1940. 471 p. (In Russian).

8. *Russko-dagestanskije otnosheniya v XVIII – nachale XIX v.* [Russian-Dagestan relations in the 18th – early 19th centuries]. M., Nauka, 1988. 357 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кувшинов, А. Н. «Признав своё заблуждение и приняв жизнь спокойную»: переговорные практики в российской политике на Северном Кавказе в начале XIX века / А. Н. Кувшинов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 144–155.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kuvshinov A. N. "Having Been Affordable and Accepting a Quiet Life": Negotiation Practices in Russian Politics in the Northern Caucasus at the Beginning of the 19th Century / A. N. Kuvshinov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 144–155. (In Russian).

УДК 93.94

**«...ИСКОРЕНИТЬ... ТАК, ЧТОБЫ И ИМЯ РУССКОЕ
НЕ УПОМИНАЛОСЬ»: ОПЫТ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ УГРОЗЫ
ИЗМЕНЕНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ЗАПАДНОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX В.**

В.А. Матвеев

**"...ERADIATE... SO THAT AND THE RUSSIAN NAME
IS NOT MENTIONED": EXPERIENCE IN THE PREVENTION
OF THE THREATS OF CHANGE OF THE EASTERN SLAVIC IDENTITY
IN THE WESTERN REGION AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY**

V.A. Matveev

Аннотация. В статье отображен результат исследования предпринимавшихся в прошлом попыток укрепления общности восточных славян. Основывались они на признании их сродности. В европейских странах в XIX в. внутренние субэтнические обособленности трансформировались в национальные. Проводившаяся политика в Российской империи, напротив, способствовала сохранению самобытности. Унификация исключалась и в восточнославянском сообществе. Оформившиеся в начале XX в. официальные намерения устранить препятствия для его сплочения автором воссоздаются на примере выделения Холмского края из состава Царства Польского. Являясь необходимостью, мера из-за произошедших в 1917 г. событий оказалась сорванной. Несмотря на это реконструкция ее применения позволяет учитывать то, что представляет актуальность для современности. Анализ производится на основе подхода, предусматривающего учет этнических (с наличием внутренних локальностей) и национальных (монократно интегрированных) стадий в развитии народов.

Abstract. The article reflects the result of a study of attempts made in the past to strengthen the community of the Eastern Slavs. They were based on the recognition of their affinity. European countries in the 19th century internal sub-ethnic isolations were transformed into national ones. The policy pursued in the Russian Empire, on the contrary, contributed to the preservation of originality. Unification was also excluded in the East Slavic community. Formed at the beginning of the 20th century, the author recreates the official intentions to remove obstacles to its consolidation by the example of the separation of the Kholmshy region from the Kingdom of Poland. Being a necessity, the measure was frustrated due to the events that took place in 1917. Despite this, the reconstruction of its application makes it possible to take into account what is relevant for the present. The analysis is based on an approach that takes into account ethnic (with the presence of internal localities) and national (monolithically integrated) stages in the development of peoples.

Ключевые слова: административная субъектность, восточнославянская этничность, государственная политика, национальная консолидация, состояние переходности, субэтнические различия, фактор веры, Холмская Русь.

Keywords: administrative subjectivity, East Slavic ethnicity, state policy, national consolidation, state of transition, sub-ethnic differences, faith factor, Kholmshkaya Rus.

Обращаясь 8 января 1654 г. к прибывшим на Переяславскую Раду посланцам от народа Украины, Б. Хмельницкий обратил их внимание на исходившую от «врагов... восточного православия» угрозу добиться того, чтобы в его среде «имя русское не упоминалось» [1, с. 394]. Этническое родство и фактор веры явились тогда определяющими в наметившемся восстановлении единства. Инициативы по его укреплению предпринимались и в дальнейшем. Но при осуществлении государственной политики в России преобладало полагание на то, что общность восточных славян разделить невозможно и она, несмотря ни на что, сохранится. Препятствия же для солидарного взаимодействия сродных ответвлений совмещавшими преобразованиями устранялись не полностью. Былая обособленность в ряде случаев сохранялась.

Этническая же общность восточных славян как преобладающая реальность выявлялась не только при практических наблюдениях, но и при проведении исследований. Вместе с тем замечалось и наличие в ней самобытных ответвлений. В западных ареалах расселения восточных славян во второй половине XIX в. между тем продолжало удерживаться еще представление о том, что народ «единообразен во всем своем составе от Карпат до Амура». Различия великороссов, малороссов и белорусов, как считалось тогда, «ничтожны» и «не имеют никакого практического значения» [2, с. 23]. Однако ответвления обладали спецификой, выражавшейся в наличии особых состояний эволюционной переходности с признаками локальности и общности. При проведении после воссоединения в различные периоды российской политики восточнославянские субэтнические унифицирующему воздействию не подвергались.

Со второй половины XIX в. некоторые представители оппозиционных кружков в России, воспринявшие в качестве идеала европейские реалии трансформаций сегментированных этничностей в монолитные сплочения, стали внедрять представление о том, что существующие в восточнославянском обществе внутренние различия дают якобы «основание считать их за вполне самостоятельные». Сродные ответвления впервые стали классифицироваться по аналогии с тем, что утверждалось в Европе, как нации. Доказательства основывались всецело на заимствованиях из появлявшихся там соответствующих теорий. Существовавшее в среде простого народа передававшееся в контакте поколений восприятие общности восточных славян отвергалось первоначально в небольших по численности оппозиционных группах.

Самостоятельность организации трех субэтнических частей усматривал и М.А. Бакунин [2, с. 24]. От излагавшихся ранее обоснований единства русских славян отошел под воздействием европейских националистических посылов также историк М.П. Драгоманов. Об «украинцах» во второй половине XIX в. он тем не менее упоминал с оговоркой на едва замечавшуюся организованность лишь «на научно-литературном поле (и то не очень... сильно)». С использованием идеализации запорожского казачества и связанных с ним в прошлом движений он надеялся, что украинцам по-прежнему будет принадлежать «самая видная роль в поднятии общего федеративного вопроса

в Восточной Европе», практическое разрешение которого «приведет за собою потрясение основ России как централизованного государства». Вместе с тем М.П. Драгоманов вынужденно констатировал, что те, кого идейные публицисты называли «украинцами», не осознавали в тот промежуток времени «себя таковыми» [2, с. 119].

Данное заключение имело подтвержденность. Насаждением самоотождествления с отрывом от русской общности занимались не только немногочисленные приверженцы украинской идеи, но и польские националисты. Для предотвращения попыток внедрения сепаратистских представлений в массовое сознание на государственном уровне в России необходимых своевременных мер не принималось. На ограждении же от разъединительных воздействий настаивало само население местностей, где производилось подавление исторически сложившейся идентичности. В таком положении находились, в частности, контактные ареалы в западных пределах Российской империи. Остановимся на рассмотрении одной из локальностей, показательных для понимания происходивших там процессов.

Необходимость выделения из Царства Польского «в особую административную единицу местностей», в которых проживало, как небезосновательно признавалось, «исстари чисто русское население, имеющее свои специальные интересы», вызывалась прежде всего тем, что процессы этнонациональной консолидации там, как и в Западном крае в целом, затруднялись польским влиянием [3, с. 55]. Воспринимали они и иные направленности со своей спецификой. Такая противоречивость установилась в том числе на Холмщине, являвшейся в киевскую эпоху составной частью сложившегося на основе сродной этничности государственного пространства. Во всем совпадающей она, безусловно, не была. По решению Венского конгресса 1815 г. восточная часть Польши передавалась в состав Российской империи. Дипломаты ее придерживались установки не соглашаться. Но попытки противодействия из-за позиции австрийской и германской сторон с нацеленностью на раздел оказались безуспешными.

На то, что включение состоялось вынужденно, указывает, на мой взгляд, отсутствие длительное время выверенной интеграционной составляющей в российской политике на данном направлении. Субъектность Холмщины оставалась в прежней непосредственной подчиненности Варшаве. Край входил в образованное на самом западе Российской империи Царство Польское. Разрушавшее восточнославянскую этничность влияние после этого здесь стало постепенно ослабевать. Наметилось и восстановление «полуподавленной... русской народности». В 1875 г. в уезде упраздняется униатская церковь, и все верующие объединяются православными приходами [4, с. 75]. Но меры по защите русской идентичности и тогда принимались уже со значительным опозданием. Дискриминационными они не являлась.

Отношение ко всему населению Царства Польского в российской политике выдерживалось такое же, как и ко всем остальным подданным.

Без ограничения представители его допускались как на государственную, так и военную службу. Многие из них занимали высокие должности. Становились поляки и офицерами русской армии. Попечительность соблюдалась на равных ко всем проживавшим в российской части Польши независимо от исповедной принадлежности. Распространялась она и на Холмский край. Так, когда в 1904 г. сельскохозяйственный сезон выдался там неурожайным, правительство это учло при проведении связанных с начавшейся войной на Дальнем Востоке мобилизационных мероприятий. Их отложили до улучшения ситуации. Участие в боевых действиях против Японии принимали лишь призванные раньше представители уезда.

Потребность выделения из Царства Польского Холмской Руси с преобладавшим восточнославянским населением для сохранения его самобытности возросла в начале XX в. Там также распространялось влияние европейских националистических теорий. Ранее обсуждения необходимости административного обособления края продолжались в правительственных инстанциях Петербурга более 50 лет, оставаясь без конкретных решений [4, с. 75]. Возобновление возбуждения ходатайства о проведении территориальной реорганизации состоялось первоначально на собрании местного Холмского православного Свято-Богородицкого братства 1 ноября 1905 г., которое так или иначе отражало существовавшие массовые ожидания. Участники организационного мероприятия высказались «единодушно» за обращение к русскому правительству с ходатайством о преобразовании восточной части «Холмщины в отдельную губернию» [4, с. 77]. В Петербург была направлена специальная депутация. Под переданной в обладавшие компетенцией для продвижения ходатайства органы управления запиской «О необходимости выделения из состава Царства Польского Холмской Руси» стояли подписи большинства жителей [4, с. 77].

Поэтому процедура оформления преобразования была вполне демократичной и отражала преобладавшие настроения. В нем учитывалось прежде всего мнение самого населения. Во внимание была принята также «этнографическая и вероисповедная карта» с подсчетами соотношения «поляков и русских» в каждой местности («гмине»), составленная профессором Варшавского университета В.А. Францевым [4, с. 77]. По оценке попечителя Свято-Богородицкого братства епископа Люблинского и Холмского Евлогия, она соответствовала действительности. Со стороны же различных польских националистических группировок, в том числе и научных, были предприняты попытки опровергнуть этнографическую и религиозную статистику В.А. Францева, из которой следовало заключение о «русском большинстве Холмщины» [4, с. 78].

Официальную же поддержку обособление административной ее подчиненности от Варшавы не получало и после состоявшегося в 1905 г. возбуждении вопроса. Перспектива изменения статуса открылась, когда правительство возглавил П.А. Столыпин. Важность ограждения восточнославянского населения от воздействия полонизации именно при нем признается на государственном уровне. Состоялось это несмотря на то, что все существовавшие в Российской

империи вероисповедания наравне с православием объявляются в очередной раз фактором обеспечения «всего государственного единения» [5, л. 20].

С таких же позиций воспринимались распространенные в Западном крае, в том числе на Холмщине, католицизм и униатство. Изменения в политике закреплялись высочайшими указами о пересмотре законоположений, касающихся религиозного быта [6, л. 9–10]. Охранение его в соответствии со сложившейся ранее практикой возводится в ранг высшего интереса [5, л. 20]. Сняты были запреты на возможность перехода из православия в иные христианские исповедания. Вследствие этого обострился вопрос «быть или не быть русским в Холмской Руси, исчезнуть ей с лица земли или остаться русским авангардом» на Западе [4, с. 77]. Преобразование вызывалось именно данной угрозой, которую, судя по всему, П.А. Столыпин осознавал. Дискредитация полученных результатов при опросах населения и их обобщения профессором В.А. Францевым не прекращалась в польских изданиях на протяжении ряда лет [4, с. 77].

В 1909 г. в Варшаве была выпущена с этой же целью книга С. Дзевульского «Статистика населения Люблинской и Седлецкой губерний по поводу проекта образования Холмской губернии» [4, с. 77]. Опора в ней делалась на исповедальный признак. По приверженцам католицизма отмечалась преобладавшая якобы численность поляков. Данного же исповедания придерживалась и немалая часть русского населения. Подтверждая соответствие действительности расчетов В.А. Францева, епископ Евлогий в полемическом возражении С. Дзевульскому обоснованно заметил, что принадлежность к конфессии не отражает «принцип этнографический». По его утверждению, «многие католики» в Холмском крае «сохраняют русскую речь» и соответствующую ей идентичность [4, с. 77]. То же наблюдалось и в среде униатов.

По методикам определения этнической принадлежности в тот промежуток времени язык как раз и являлся основополагающим показателем при определении идентичности. Методика ее установления по самосознанию в мировой практике применяться стала позже. Этничность как форма организации культурных различий при достижении сплоченности определяется в качестве национальной. Борьба же «сторонников и противников» образования Холмской губернии происходила и в правительстве. Проект неоднократно отвергался. В том, что он был все-таки принят, заслуга П.А. Столыпина, осознавшего раньше, чем другие представители руководства страны, важность его принятия для ограждения восточнославянского населения края от обращения в католицизм и дальнейшей полонизации. Поддержку ему в этом отношении оказывал «Союз 17 октября», выносивший неоднократно обсуждение вопроса на партийные съезды [7]. На них обосновывалась необходимость защиты интересов восточнославянского населения «Забужской Руси» и выделения Холмского края из «Царства Польского» [7, с. 113].

Законопроект об образовании губернии лишь в 1909 г. из Министерства внутренних дел поступил в Государственную думу на рассмотрение комиссии законодательных предположений. Однако оно затянулось. Создававшаяся для обсуждения подкомиссия была переименована в «Холмскую комиссию» [4, с. 80].

Намеченный правительством объем территории образуемой губернии в ней встретил резкие возражения и подвергся критике [8, с. 120]. Со стороны специально назначавшегося докладчика «по делу» Н.Н. Чихачева и поддержавших его депутатов последовали предложения «о расширении границ будущей губернии» [8, с. 120–121]. В качестве довода им, после поездки на Холмщину, приводилось встречавшееся там наличие свидетельств и памятников «русского владения краем» [8, с. 121]. Под давлением комиссия расширила пространство образуемого субъекта согласно сохранившимся историческим преданиям [8, с. 121], а не по выявленным данным самоидентификации населения.

К такому варианту склонилось большинство ее членов. Возобладало мнение о том, что выделение необходимо «в интересах коренного русского населения» и «целях предупреждения его ополячивания» [4, с. 80]. По распоряжению П.А. Столыпина предварительно в Холмском крае проводились разграничительные работы [7, с. 113]. Входящие же в парламентскую комиссию поляки заняли непримиримую позицию и от дальнейшего участия в ее заседаниях отказались [8, с. 121]. В одном из высказываний по ходу рассмотрения в Государственной думе содержалось основанное на поступивших предварительных сведениях указание на то, что в Холмском крае население «более русское, чем польское» [4, с. 80]. Данное утверждение проясняло состояние восточнославянской этничности на момент принятия решения. В ней сохранялась двойственность. Однако при проектировании административного обособления территории Холмского уезда от Царства Польского во внимание она не принималась.

Весьма толковые рекомендации на стадии обсуждений предполагавшегося преобразования и оформления связанных с ним решений вносились С.Е. Крыжановским, занимавшим при П.А. Столыпине должность товарища министра внутренних дел [8, с. 10]. Именно им обеспечивалось при продвижении проекта консультативное сопровождение. С октября 1911 г. на С.Е. Крыжановского были возложены полномочия государственного секретаря. В соответствии с ними ему поручается управление Государственной канцелярией Российской империи [8, с. 140]. Опирался же С.Е. Крыжановский не только на полученное юридическое образование, обретенный многолетний опыт работы в различных управленческих структурах [8, с. 9–10].

С Западным краем С.Е. Крыжановского связывало происхождение. Родившись в г. Киеве, в российской Польше он провел часть своего детства и молодости. На Холмщине во владении его семьи находилось небольшое имение [8, с. 9], что позволяло так или иначе соприкасаться с местным населением. Имел также С.Е. Крыжановский причастность к составлению различных намечавшихся для введения в Российской империи законов. Такого рода проекты им составлялись как для западных, так и восточных субъектов [8, с. 10]. Соображения С.Е. Крыжановского относительно более тесного субъектного соединения с остальным пространством расселения восточных славян основывались не только на разносторонних профессиональных познаниях, но и «вытекали из опыта жизни» [8, с. 16].

Разработка положения «о выделении Холмского края из административных пределов Польши» ему была поручена, как видно, неслучайно. Законодательно после экспертных заключений и возобновлявшихся дискуссий изменение было утверждено в 1912 г. [8, с. 11]. Выделяемая из Царства Польского Холмская губерния по первоначальному замыслу должна была включать в отводимые границы лишь те «местности, в которых население сохранило русский национальный облик» и оставалось православным. Преобразованием закреплялась его связь с остальным восточнославянским сообществом. Западные пределы Холмского края, где «население было ополячено и окатоличено», по рекомендации С.Е. Крыжановского, должны оставаться за Польшей [8, с. 120]. Образование губернии отражало прежде всего стремление «к очищению русской национальной почвы от налета польской цивилизации» [8, с. 114].

Исконные же ее «этнографические» [8, с. 117] пределы не нарушались. В порядке управления Холмщина была переподчинена административным структурам Киевского генерал-губернаторства [7, с. 113]. Будучи «сторонником умеренных течений» и противником «всяких привилегий», С.Е. Крыжановский, по отзывам сослуживцев, «не делал разницы между людьми по их происхождению». Вместе с тем ему присуща была «приверженность исторической традиции» [8, с. 13]. Проект выделения Холмского края из Царства Польского учитывал, следует заметить, ходатайства местного православного духовенства, выражавшего позицию своей паствы. В них внимание правительственных инстанций обращалось на сохраняющуюся русскую идентичность. Преобладающая часть населения Холмщины с помощью административного переподчинения надеялась получить защиту от полонизации.

Стремление его слиться «с общерусской стихией» было очевидно. Официальной огласке не придавалось лишь то, что «мера эта имела целью», поделился информированностью в воспоминаниях С.Е. Крыжановский, «установление национальной государственной границы между Россией и Польшей». При этом рассматривалась вместе с тем возможность предоставления «царству» на первых порах более широкой автономии [8, с. 119]. Окончательное решение ставилось в зависимость от внешнеполитических обстоятельств и прежде всего ситуаций в Австро-Венгерской и Германской империях, в составе которых находились значительные территории с польским населением.

Именно по исходившим из Вены и Берлина инициативам в прошлом и производились разделы. Выделение из Царства Польского «русской области», население которой еще сохраняло свою прежнюю самобытность, могло предотвратить, по существовавшим надеждам, его поглощение. Преобразование устраняло вместе с тем, как заметил С.Е. Крыжановский, «одно из существенных препятствий для автономии Польши» [8, с. 119]. Отграничение Холмского края предпринималось соответственно и в интересах повышения ее автономного статуса, а впоследствии восстановления национальной государственности. Критерий справедливости при выделении Холмской Руси соблюдался, как можно заметить из изложенного выше, и в отношении польского населения.

На стадии принятия законодательного решения С.Е. Крыжановскому было поручено присутствовать в комиссии по проекту и представлять в ней

правительство. Однако от П.А. Столыпина последовали указания «не идти вразрез с желаниями» входивших в нее русских «националистов». В окончательном варианте были намечены «такие границы новой губернии», при которых, констатировал С.Е. Крыжановский, «русское, то есть православное население оказалось в меньшинстве, не превышавшем 30 процентов». По его прогнозу оно обречалось тем самым на ополячивание и поглощение. Из-за территориального расширения угроза оказалась не устраненной. Вследствие этого «весь смысл меры» по ограждению восточнославянского населения Холмского края от дальнейшей полонизации, резюмировал С.Е. Крыжановский, «сводился на нет». Принятие проекта образования Холмской губернии Государственной думой и Государственным советом без выдерживания полного соответствия реальности оказалось ошибочным. Возлагавшиеся на него ожидания не оправдались [8, с. 121].

Чуть позже выяснилось, что проводившее агитацию «среди населения в пользу подачи прошения о выделении края» из административной зависимости от Варшавы православное духовенство давало «широкие земельные обещания», которые оставаясь невыполненными «принесли лишь разочарование» [8, с. 122]. Ограждение же от польского влияния тем не менее на какое-то время поддерживало тенденцию на формирование общерусского единства. В 1912 г. П.И. Ковалевский непосредственно ставил это в заслугу «заступничеству Государственной Думы» [9, с. 39]. Однако проведенный анализ показывает, что определяющей в образовании Холмской губернии и административном ее выделении из «Царства Польского» являлась все же позиция П.А. Столыпина и поддержавшего его занимавшего высокие государственные посты представителя Западного края С.Е. Крыжановского. Важность такого преобразования ими осознавалась. Последствия процесса полонизации между тем территориальной реорганизацией с переподчинением управления не были устранены.

Изменения создавали лишь условия для сохранения русскости. Со значительной задержкой только с 1912 г. они обрели государственную оформленность. Но переформатирование восточнославянской идентичности под воздействием полонизации между тем продолжалось. В Австро-Венгерской же империи угроза сдерживалась лишь за счет неприятия населением. Несмотря на это, украинство в ее пределах насаждалось целенаправленно. Деятельность групп по его утверждению поощрялась. Предоставлено это было Веней всецело польским активистам, которые считали украинцев разновидностью своей нации и какой-либо самостоятельной роли им не отводили. Отрыв восточнославянских субэтнических локальностей от русского сообщества являлось составной частью проводившейся в пределах Австро-Венгерской империи политики. Разрушение же отражавшей сродную этничность исторической кодификации осуществлялось под воздействием польского фактора. Самосознание русинов восточных провинций продолжало подвергаться деформации. Но перегруппировка его так и не завершилась.

Восточнославянское население Галиции наряду с этим не было ограждено от импульсов европейского национализма. Образование Холмской губернии, как предполагалось, создало бы препятствия для подавления сохранявшегося русского самосознания. Не в последнюю очередь под влиянием проводившегося

определения исторических пределов на западном направлении расселения русских славян входило в обиход и упоминание об «этнографической польской границе» [10, с. 88]. Для соблюдения критерия справедливости в отношении восточнославянского населения устанавливалась с привлечением научных данных выверенная ее демаркация. Местности, где оно не преобладало, несмотря на принадлежность к территории бывшего этнического расселения в общерусское сплочение по первоначальному проекту не включались. Связанная с расширением территориального объема губернии ошибка была допущена уже на последующих этапах прохождения. Рассматривалась возможность предоставления входившей в состав империи части Польши независимости [11, с. 380].

Во внимание принималось то, что она являлась в прошлом славянским государством и не в интересах России сохранение ее разделенности. Восстановление предусматривалось без захваченных Польшей в разные периоды восточных территорий [11, с. 380]. Какие-либо завоевательные намерения в сочетании с курсом реформ у российского руководства отсутствовали. Поскольку еще в 1916 г. Германия объявила о «независимости Польши», за последней Временное правительство также признавало право «на объединение и государственную независимость» [12]. Сохранение связей предполагалось осуществить при помощи «свободного военного союза» с Россией [13, с. 38]. Временным правительством вместе с тем прилагались усилия не допустить нарушения целостности остального государственного пространства.

Изложенные сопоставления позволяют заметить, что складывание украинской идентичности в начале XX в. происходило преимущественно в восточнославянских провинциях Австро-Венгерской империи. Наибольшая роль в ее насаждении венским руководством с учетом результативности отводилась польскому влиянию. Но утверждение украинства и там не достигало полного охвата и наталкивалось на неприятие населением. В Западном крае Российской империи в тот же промежуток времени в среде восточнославянского населения сохранялось еще преобладающее осознание принадлежности к русскому народу. Держалось оно так или иначе и в австро-венгерских провинциях. Принадлежность к русским славянам осознавалась немалой частью населения и в таком контактном ареале, как Холмщина, где последствия полонизации, в отличие от сопредельных провинций Австро-Венгерской империи, оказались, судя по всему, не столь значительными. Изменение субъектности восстанавливало естественную для всего этнического сообщества направленность тяготения.

Связанность с ним усиливалась, воспринимая характер укреплявшейся сплоченности. При разработке и осуществлении преобразования соблюдался установившийся в Российской империи подход не употреблять «этнографический» признак в названии территорий. Революционный излом 1917 г. в России и последовавшая реорганизация бывшего имперского пространства привели к срыву укрепления единства восточнославянского сообщества. Отвергнутой оказалась также идея его областной федерализации с сохранением субэтнических различий. Население же Холмской Руси вновь оказалось под польским влиянием.

Проводившаяся в советскую эпоху политика на западном направлении придала иную направленность трансформационному процессу.

Трем наиболее многочисленным субэтническим ответвлениям был придан по аналогии с европейскими государствами формат национальной организации. Искоренение русского самосознания возобновилось, таким образом, не только под польским влиянием. Осуществлялось же оно в советскую эпоху при поддержке государственной власти. Так называемая «коренизация» способствовала, по сути, формированию обособленной национальной самоидентификации. Однако и в период существования СССР при опросах и в простом общении многие украинцы заявляли: «Мы такие же русские...».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костомаров, Н. И. Исторические произведения. Автобиография / Н. И. Костомаров. – К. : Издательство при Киевском государственном университете, 1989. – 736 с. – Текст : непосредственный.
2. Драгоманов, М. П. Великорусский интернационал и польско-украинский вопрос / М. П. Драгоманов. – Казань : Типолитография Округного Штаба, 1906. – 136 с. – Текст : непосредственный.
3. Столыпин, П. А. Нам нужна Великая Россия... : полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / П. А. Столыпин. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 411 с. – Текст : непосредственный.
4. Борзова, Е. С. История образования Холмской губернии / Е. С. Борзова. – Текст : непосредственный // Славяноведение. – 2014. – № 5. – С. 75–81.
5. Центральный исторический архив Грузии. – Ф. 13 (Канцелярия наместника на Кавказе. 1905–1917 гг.). – Оп. 1. – Д. 322. – Текст : непосредственный.
6. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1276 (Совет министров). – Оп. 19. – Д. 922. – Текст : непосредственный.
7. Партия «Союз 17 октября» : в 2 томах. Том 2: Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК, 1907–1915 гг. – М. : РОССПЭН, 2000. – 510 с. – Текст : непосредственный.
8. Крыжановский, С. Е. Воспоминания: из бумаг последнего государственного секретаря Российской империи / С. Е. Крыжановский. – М. : Центрполиграф, 2022. – 191 с. – Текст : непосредственный.
9. Ковалевский, П. И. История Малороссии / П. И. Ковалевский. – СПб. : Типография Р.В. Коротяевой, 1912. – 221 с. – Текст : непосредственный.
10. Тухачевский, М. Н. Поход за Вислу / М. Н. Тухачевский. – Текст : непосредственный // Тухачевский М. Н. Избранные произведения. – М. : Русский шахматный дом, 2020. – 264 с. – С. 54–113.
11. Деникин, А. И. Очерки русской смуты : в 3 томах. Том 1: Крушение власти и армии (февраль–сентябрь 1917 г.). / А. И. Деникин ; предисловие А. С. Кручинина. – М. : Айрис-пресс, 2003. – 592 с. – Текст : непосредственный.
12. Слово церкви. – 1917. – 7 мая. – Текст : непосредственный.
13. Голиков, А. Г. В канун Октября: Нарастание общенационального кризиса / А. Г. Голиков. – М. : Мысль, 1977. – 127 с. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Kostomarov N. I. *Istoricheskie proizvedeniya. Avtobiografiya* [Historical works. Autobiography]. Kyiv, Publishing house at the Kiev State University, 1989. 736 p. (In Russian).
2. Dragomanov M. P. *Velikorusskii internatsional i pol'sko-ukrainskii vopros* [The Great Russian International and the Polish-Ukrainian Question]. Kazan, Typo-lithography of the District Headquarters, 1906. 136 p. (In Russian).
3. Stolypin P. A. *Nam nuzhna Velikaya Rossiya...: polnoe sobranie rechej v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 gg.* [We need Great Russia...: a complete collection of speeches in the State Duma and the State Council. 1906–1911]. M., Molodaya gvardiya, 1991. 411 p. (In Russian).
4. Borzova E. S. The history of the formation of the Kholm province. *Slavyanovedenie = Slavic studies*, 2014, no. 5, pp. 75–81. (In Russian).
5. *Tsentrал'nyi istoricheskii arkhiv Gruzii* [Central Historical Archive of Georgia]. F. 13 (Office of the Viceroy in the Caucasus. 1905–1917), op. 1, d. 322. (In Russian).
6. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive]. F. 1276 (Council of Ministers), op. 19, d. 922. (In Russian).
7. *Partiya "Soyuz 17 oktyabrya"* [Party "Union of October 17"], vol. 2: Minutes of the III Congress, conferences and meetings of the Central Committee, 1907–1915. M., ROSSPEN, 2000. 510 p. (In Russian).
8. Kryzhanovskii S. E. *Vospominaniya: iz bumag poslednego gosudarstvennogo sekretarya Rossiiskoi imperii* [Memoirs: from the papers of the last state secretary of the Russian Empire]. M., Tsentropoligraf, 2022. 191 p. (In Russian).
9. Kovalevskii P. I. *Istoriya Malorossii* [History of Little Russia]. SPb., Printing house R.V. Korotaeva, 1912. 221 p. (In Russian).
10. Tukhachevskii M. N. Campaign for the Vistula. *Tukhachevskii M. N. Izbrannye proizvedeniya = Tukhachevsky M. N. Selected works*. M., Russian Chess House, 2020, pp. 54–113. (In Russian).
11. Denikin A. I. *Ocherki russkoj smuty* [Essays on Russian Troubles], vol. 1: The collapse of power and the army (February–September 1917). M., Iris-press, 2003. 592 p. (In Russian).
12. *Slovo tserkvi* [Word of the church], 1917, May 7. (In Russian).
13. Golikov A. G. *V kanun Oktyabrya: Narastanie obshchenatsional'nogo krizisa* [On the eve of October: Growing national crisis]. M., Mysl', 1977. 127 p. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. «...Искоренить... так, чтобы и имя русское не упоминалось»: опыт предотвращения угрозы изменения восточнославянской идентичности в Западном крае в начале XX в. / В. А. Матвеев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 156–166.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveev V. A. "...Eradicate... So That and the Russian Name Is Not Mentioned": Experience in the Prevention of the Threats of Change of the Eastern Slavic Identity in the Western Region at the Beginning of the XX Century/ V. A. Matveev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 156–166. (In Russian).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCES

УДК 17: 316

**ДИЛЕММА КОЛЛЕКТИВИЗМА И ИНДИВИДУАЛИЗМА
В СПОРТИВНЫХ ИГРАХ**

В.В. Куприянова

**THE DILEMMA OF COLLECTIVISM AND INDIVIDUALISM
IN SPORTS GAMES**

V.V. Kupriyanova

Аннотация. Рассматриваются ценностные ориентации игроков в спортивных играх через призму коллективизма и индивидуализма как принципов социального познания общества и его малых групп. Показаны трудности сочетания коллективистских и индивидуалистских ценностей в различных видах спортивных игр. Автором отмечена важность общительности участников, наличия духа соревнования и сотрудничества в процессе достижения индивидуального и коллективного успеха.

Abstract. The value orientations of players in sports games are considered through the prism of collectivism and individualism as principles of social cognition of society and its small groups. The difficulties of combining collectivist and individualist values in various types of sports games are shown. The author notes the importance of sociability of participants, the presence of a competitive spirit and cooperation in the process of achieving individual and collective success.

Ключевые слова: игра, спорт, спортивная игра, общество, коллективизм, индивидуализм, ценностная ориентация, спортизация, самоактуализация.

Keywords: game, sport, sports game, society, collectivism, individualism, value orientation, sportization, self-actualization.

Актуальность проблемы коллективизма и индивидуализма в спортивных играх обусловлена необходимостью изучения амбивалентности ценностных ориентаций участников спортивных игр. Делая акцент на игровом начале в спорте, автор подразумевает, что в спорте содержится не только высокая техника, мастерство, стремление к рекордам, но и радостные эмоции, позволяющие наслаждаться самодеятельностью, отказываться от других удовольствий (например, от вредных привычек). Под игрой понимается относительно самостоятельная деятельность индивидов, которая удовлетворяет их потребность в отдыхе, развлечении, познании, в развитии духовных и физических сил. Игра – это необходимый вид деятельности, позволяющий применять и обогащать накопленный людьми жизненный опыт, углублять представления о социальной

реальности, приобретать навыки, необходимые для успешного функционирования в социуме [8, с. 158].

Спортивные игры могут разграничиваться на игры профессионального спорта, традиционные спортивные игры, признаваемые «предспортивными» и коллективные уличные игры, называемые «постспортивными». Философское осмысление ценностных ориентаций игроков в постспортивных играх в зависимости от восприятия игры как профессиональной деятельности или развлечения (временипрепровождения) служит отражением ценности игры в социализации и инкультурации индивидов. Приоритетными направлениями государственной молодежной политики является необходимость формирования у молодых людей чувства патриотизма, духовных ценностей и политической культуры.

Целью статьи является рассмотрение индивидуализма и коллективизма как взаимодополняющих и взаимоисключающих ценностных ориентаций в спортивных играх, обсуждение возможностей их сочетания для достижения общественного и персонального успеха.

Многочисленность видов спортивных игр позволяет исследовать различные ценностные установки в спорте на микроуровне социальности. В спорте могут присутствовать, казалось бы, несовместимые ценностные ориентации аскетизма и гедонизма. Например, в спортивных играх проявляется аскетизм, выражающийся в отказе спортсменов от многих жизненных удовольствий, желании регулярно тренироваться, претерпевать ограничения образа жизни, связанные с режимом сна и отдыха, питания. Стремление спортсмена к успеху отражает присутствие в спорте гедонизма [3, с. 73]. Очевидно, в массовых видах спорта уровень гедонизма выше, чем в профессиональном спорте, который ориентирован в основном на успех. Феномен успеха сочетает в себе принципы индивидуализма и коллективизма. Социальный характер успеха предполагает коллективное достижение пользы, а достижению личностного успеха способствует личностная автономия спортсменов. Успех немислим без высокой активности человека, без осознанной воли, устремленной к четко поставленной цели [6, с. 161]. В спорте успех отражает, с одной стороны, осмысление спортсменом результатов собственных действий и усилий, с другой – определяет меру пользы для команды в реализации поставленной цели.

Впервые наиболее полно сформулировал понятие ценностной ориентации антрополог Клайд Клакхон. В его понимании ценностная ориентация представляет собой «обобщенную концепцию природы, места человека в ней, отношения человека к человеку, желательного и нежелательного в межличностных отношениях и отношениях человека с окружающим миром, концепцию, определяющую поведение (людей)» [11, с. 390]. Ценностные ориентации служат отражением взаимосвязи человека и общества, в частности, малых групп спортсменов и большого общества и государства, его политики.

Спортивные игры имеют двигательное назначение, духовное и нравственное начало, облегчают социализацию индивида. Спорт воспроизводит

исторические предпосылки становления личности в агональной культуре (Олимпийские игры у древних греков). Система ценностей самоактуализирующегося спортсмена базируется на его мировоззренческом отношении к жизни, его согласии с собой, со своей биологической природой, принятием социальной жизни и социокультурной реальности. В процессе формирования ценностных ориентаций у спортсменов важное значение приобретает именно самоактуализация спортсменов, под которой принято понимать процесс развития человека как личности, субъекта своей жизни и деятельности, – процесс, находящий свое отражение в целенаправленном и осознанном поведении, основанный на саморегуляции и самоподкреплении и проявляющийся в принятии им во все возрастающей степени ответственности за свою жизнь и последствия своих действий [9, с. 161]. Таким образом, спортсмен приобретает социальную автономию личности. Динамика и психологические особенности самоактуализации значения спортивных игр как особого социокультурного феномена, важного в формировании волевой сферы, снятия агрессии [2, с. 179].

Познание социальной реальности через призму спортивности обеспечивается парадигмальными принципами индивидуализма и коллективизма, позволяющими рассматривать социальную реальность со стороны человеческой индивидуальности и со стороны общества, как целостной системы [7, с. 135]. Исторически первичным является коллективизм. В большинстве случаев спортивные игры пронизаны духом коллективизма, поскольку предполагают единение сил для достижения необходимого результата. К коллективным играм можно отнести хоккей, футбол, баскетбол, волейбол, флорбол, ринго, фрисби. В ходе таких игр «совершенствуется структура личности, реализуется творческая позитивная жизненная стратегия, проявляется конструктивная активность, обретается новое мировосприятие» [9, с. 160].

Принцип коллективизма переплетается с принципом работы в команде, обеспечивая изменения личностно-смысловой сферы индивидов, преобразуя поведение и деятельность: от неосознанных к осознанным, от фрагментарности моментов самоактуализации и совершенствования личности до комплексного осуществления процесса самоактуализации в игре, от неуверенности в себе до самодостаточности. Высокая скорость, острота ощущений, преодоление страха создают предпосылки для самоактуализации и совершенствования личности спортсмена.

В классических коллективных видах спорта во время состязания между игроками возникают два типа отношений: отношения солидарности (игроки являются партнерами) и отношения соперничества (игроки принадлежат разным командам). В теории структурного анализа такую систему характеризуют как исключющую, стабильную и полную [10, с. 39]. Исключающей она признается, так как два игрока не могут быть одновременно и в отношениях солидарности, и в отношениях соперничества; стабильной, поскольку отношения солидарности и соперничества не могут подменяться в ходе игры;

и полной такая система является, поскольку любые два игрока состоят либо в отношениях солидарности, либо в отношениях соперничества [10, с. 39].

Коллективизм важен не только в процессе спортивных игр, но также способствует вовлечению в спорт. За счет вдохновения коллективом человек легко преодолевает свои опасения и неуверенность, обретая веру, что если много заниматься, то всё получится [2, с. 183].

Среди спортивных игр, базирующихся преимущественно на принципе индивидуализма можно назвать настольный и большой теннис, шахматы, бадминтон, гольф. В настоящее время стремление к индивидуализации наблюдается и в командных играх. Одним из примеров являются коллективные уличные игры, которые организуются на основе классических игр, например футбол, баскетбол, хоккей, но в то же время основываются лишь на заимствованной модели игры с более гибкими правилами. Е.Л. Ушкова [10, с. 39] отмечает, что особенностью коллективных уличных игр является массовый потребительский индивидуализм и ослабление духа солидаризма. В ходе игры строятся разные типы отношений, но образуемые при этом социальные сети отличаются от классического спорта [10, с. 41]. Стремление к построению игры в более гибком формате за счет отказа от четко регламентированных требований, возможности добавления или устранения некоторых правил, свобода выбора игроками принадлежности к определенной команде и возможность смены команды в ходе игры свидетельствуют о возникновении новых форм спортивных игр. Тенденция к индивидуализации в спортивных играх говорит о взаимном дополнении коллективизма и индивидуализма.

Военно-спортивные игры, такие как страйкбол, пейнтбол, хардбол, заслуживают особого внимания. Такие игры требуют не только особой физической подготовки, но и являются примером сочетания индивидуального и коллективного начал, поскольку, с одной стороны, необходим коллективный дух, но с другой стороны индивидуальным началом является патриотизм, являющийся для участников игры самоцелью. Неблагоприятным фактором военно-тактических игр является агрессия, возникающая в соревновательных играх и создающая опасность как для участников, так и в плане ее социокультурного действия в обществе [2, с. 179].

Спортивные игры создают широкие возможности для воспитания воли, самореализации человека. Потенциал спортивной духовности в развитии личности, прежде всего, связан с раскрытием психофизических возможностей человека, гармоничным развитием его физических, интеллектуальных и духовных сил, формированием системы ценностей [4, с. 4].

Подводя итог, следует отметить, что трансформация ценностных установок – это закономерный процесс, обоснованный конкретным историческим периодом и особенностями развития общества. В спорте также наглядно проявляется изменение соотношения коллективистских и индивидуалистических

смысложизненных ориентаций. Дилемма индивидуализма и коллективизма состоит в том, что трудно достичь оптимального их сочетания, а доминирование одного из этих принципов ведет к ослаблению другого. Исторически в советском спорте доминировал коллективизм. В настоящее время наблюдается индивидуализация спорта за счет ослабления духа социальной солидарности. Вовлечение людей в соревновательную деятельность с помощью спортизации того, что им интересно предусмотрено Стратегией развития спортивной индустрии до 2035 года и способствует социализации людей, склонных к агрессии, профилактике противоправной деятельности, формированию в обществе чувства патриотизма, традиционных духовных ценностей и политической культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антуфьев, Д. А. Воспитание коллективизма и взаимопомощи в условиях военно-спортивной игры / Д. А. Антуфьев, С. Л. Антуфьева. – Текст : непосредственный // Начальная школа. – 2011. – № 6. – С. 49–52.
2. Барыбин, Д. А. Военно-тактические спортивные игры как культурный феномен / Д. А. Барыбин. – Текст : непосредственный // Мир психологии. – 2020. – № 4 (104). – С. 179–185.
3. Бирюков, И. Л. Социокультурная динамика ценностных ориентаций спортсменов в контексте молодежной политики / И. Л. Бирюков, Л. Л. Денисова, А. Д. Похилько. – Текст : непосредственный // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2022. – Т. 39. – С. 71–83.
4. Бирюков, И. Л. Духовность в национальных видах спорта как условие национальной безопасности современного российского общества / И. Л. Бирюков. – Текст : непосредственный // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – № 1. – С. 2–9.
5. Валеев, А. М. Использование народных подвижных игр в спортивной подготовке / А. М. Валеев. – Текст : непосредственный // Евразийское научное объединение. – 2021. – № 5–6 (75). – С. 435–437.
6. Девяткина, Е. А. Феномен успеха как сложное многогранное понятие / Е. А. Девяткина. – Текст : непосредственный // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2013. – № 5. – С. 160–163.
7. Куприянова, В. В. Дополнительность парадигмальных принципов в социальном познании / В. В. Куприянова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 3 – С. 135–144.
8. Орлан, И. В. Игры как фактор развития межнационального содружества детей / И. В. Орлан, Л. Г. Гаврилова, О. А. Сабуркина. – Текст : непосредственный // Международные спортивные игры «Дети Азии» – фактор продвижения идей Олимпизма и подготовки спортивного резерва : материалы международной научной конференции, посвященной 20-летию I Международных спортивных игр «Дети Азии» и 120-летию Олимпийского движения в стране (г. Якутск, 8 июля 2016 года) / под общей редакцией М. Д. Гуляева. – Якутск : ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта», 2016. – С. 158–159.

9. Фоминых, А. В. Влияние спортивной игры на развитие самоактуализации личности спортсменов (на примере спортивной командной игры хоккей с мячом) / А. В. Фоминых. – Текст : непосредственный // Вестник Тувинского государственного университета. Педагогические науки. – 2017. – № 4 (35). – С. 159–163.

10. Ушкова, Е. Л. Борд П., Лезаж Т., Левель М. Коллективные спортивные уличные игры: возвращение или создание заново? Bordes P., Lesage T., Level M. Les Jeux Collectifs de Rue: Résurgences ou Re-création? // Staps. – Bruxelles, 2013. – Vol. 101, N 3. – P. 33–46. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2014. – № 4. – С. 35–42.

11. Kluckhohn C. Values and Value Orientations in the Theory of Action. Towards a General Theory of Action. Ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge, Harvard UP Publ., 1951, pp. 388–433.

REFERENCES

1. Antuf'yev D. A., Antuf'yeva S. L. Education of collectivism and mutual assistance in the conditions of a military-sports game. *Nachal'naya shkola = Elementary school*, 2011, no. 6, pp. 49–52. (In Russian).

2. Barybin D. A. Military-tactical sports games as a cultural phenomenon. *Mir psikhologii = World of Psychology*, 2020, no. 4 (104), pp. 179–185. (In Russian).

3. Biryukov I. L., Denisova L. L., Pokhil'ko A. D. Sociocultural dynamics of value orientations of athletes in the context of youth policy. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye = Izvestiya Irkutsk State University. Series: Political science. Religious studies*, 2022, vol. 39, pp. 71–83. (In Russian).

4. Biryukov I. L. Spirituality in national sports as a condition for the national security of modern Russian society. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki = Humanitarian and social sciences*, 2021, no. 1, pp. 2–9. (In Russian).

5. Valeyev A. M. The use of folk outdoor games in sports training. *Yevraziyskoye Nauchnoye Ob'yedineniye = Eurasian Scientific Association*, 2021, no. 5–6 (75), pp. 435–437. (In Russian).

6. Devyatkina Ye. A. The phenomenon of success as a complex multifaceted concept. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovaniye, tvorchestvo = Sociology in the modern world: science, education, creativity*, 2013, no. 5, pp. 160–163. (In Russian).

7. Kupriyanova V. V. Complementarity of paradigmatic principles in social cognition. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of the Armavir State Pedagogical University*, 2022, no. 3, pp. 135–144. (In Russian).

8. Orlan I. V., Gavrilova L. G., Saburkina O. A. Games as a factor in the development of the interethnic community of children. *Mezhdunarodnye sportivnye igry "Deti Azii" – faktor prodvizheniya idej Olimpizma i podgotovki sportivnogo rezerva = International Sports Games "Children of Asia" – a factor in promoting the ideas of Olympism and the preparation of a sports reserve*. Yakutsk, FGBOU VO "Churapchinskij gosudarstvennyj institut fizicheskoy kul'tury i sporta", 2016, pp. 158–159. (In Russian).

9. Fominykh A. V. Influence of a sports game on the development of self-actualization of the personality of athletes (on the example of a sports team game of bandy). *Vestnik Tuvinского gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tuva State University*, 2017, no. 4 (35), pp. 159–163. (In Russian).

10. Ushkova Ye. L. Bord P., Lezazh T., Level' M. Kollektivnye sportivnye ulichnye igry: vozvrashchenie ili sozdanie zanovo? Bordes P., Lesage T., Level M. Les Jeux Collectifs de Rue: Résurgences ou Re-création? // Staps. – Bruxelles, 2013. – Vol. 101, N 3. – P. 33–46. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya = Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, 2014, no. 4, pp. 35–42. (In Russian).

11. Kluckhohn C. Values and Value Orientations in the Theory of Action. Towards a General Theory of Action. Ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge, Harvard UP Publ., 1951, pp. 388–433.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Куприянова, В. В. Дилемма коллективизма и индивидуализма в спортивных играх / В. В. Куприянова. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 167–173.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kupriyanova V. V. The Dilemma of Collectivism and Individualism in Sports Games / V. V. Kupriyanova // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 167–173. (In Russian).

УДК 323

**ТРАНСФОРМАЦИЯ
ТРАДИЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

С.В. Папонов, А.А. Данилов

**TRANSFORMATION
OF TRADITIONAL POLITICAL VALUES
IN RUSSIAN SOCIETY**

S.V. Paponov, A.A. Danilov

Аннотация. Авторы рассматривают традиции и новации в сфере политических ценностей российского общества. С позиций социокультурного подхода выявляются изменения ценностей демократического общества. Трансформацию данных ценностей авторы связывают с информатизацией российского общества.

Abstract. The authors consider the traditions and innovations in the field of political values of Russian society. From the standpoint of a sociocultural approach, changes in the values of a democratic society are revealed. The authors associate the transformation of these values with the informatization of Russian society.

Ключевые слова: политические ценности, российское общество, демократия, традиции, информационное общество.

Keywords: political values, Russian society, democracy, traditions, information society.

Актуальность исследуемой темы определяется необходимостью решения задач по демократизации российского общества и продвижением к аутентичному правовому государству. Трансформационные процессы в России на протяжении постсоветского периода состоят не только в институциональных изменениях социально-экономического, социально-политического и правового характера. Существенные изменения наблюдаются также и в системе ценностей и установок тех или иных социальных групп россиян. Существует необходимость адаптации личности гражданина к условиям информатизирующегося российского общества. Подчеркнем значимость этой адаптации в российском обществе, поскольку в нем преобладает момент представительной демократии и имеются особенности традиционной гражданской культуры у современного российского человека, которые заимствованы от его социально-политического статуса как подданного. Трансформационные процессы протекают в России на протяжении всего постсоветского времени. Это очевидно проявляется в институциональных трансформациях политического характера, а также в изменениях неинституциональной сферы. По сути, трансформируется вся система норм, ценностей, социальных установок социальных групп. Как отмечает А.В. Селезнева, данные процессы взаимно связаны и взаимообусловлены [6, с. 3].

Наша задача – рассмотреть изменение социально-политических и правовых ценностей граждан России с учетом современных процессов демократизации и нормотворчества, происходящих в условиях информатизации общества.

Политические ценности исследуются в меньшей мере, чем правовые, не говоря уже о нравственных, эстетических, религиозных и некоторых других ценностях. Поэтому имеет смысл предпринять рассмотрение проблемы трансформации политических ценностей. Политические ценности динамичны. Они связаны не только с государством, но репрезентируются в форме своеобразных аксиологических матриц практически всех социальных групп в качестве организованной социальной силы. Более того, отдельные личности тоже являются носителями и субъектами определенных политических ценностей. Казалось бы, существуют группы людей, не связанных с политикой, например, спортсмены [2], художественная интеллигенция [8], верующие и так далее, поскольку они или недостаточно организованы или сознательно дистанцируются от политики. Однако политическое следует понимать очень широко: как в измерении вертикали, т. е. в отношении социальных групп к государству, так и по горизонтали, в их отношении друг к другу.

Возникает проблема снятия конфликтных отношений и, наоборот, гармонизации политических ценностей и отношений социальных групп. Политические ценности – это идеальное выражение, активные идеи, доктрины политических потребностей, которые выражают отношение личностей, индивидов, общественных групп, социальных классов между собой.

Политическая система функционирует относительно стабильно тогда, когда в достаточной степени сформированы и апробированы формальные нормативные и не формальные практики взаимоотношения и взаимодействия социально-политических институтов и акторов. Углубиться в понимании сущности политических ценностей необходимо для выяснения специфики политического сознания и соответствующего поведения акторов элиты и рядовых граждан, чтобы достичь ценностного консенсуса. Без такого консенсуса как важного фактора модернизации общества невозможен социальный прогресс.

В центре политических ценностей находится ценность демократии. Этимология слова «демократия» (вернее ее не критическое восприятие) может ввести в заблуждение. «Народовластие» не должно интерпретироваться как самоуправление, которому не нужно государство. Как раз представительная демократия – это форма особого государства, т. е. политический режим в его многообразных модусах; власть, отделенная и даже отчужденная от народа, делегированная анонимным социальным структурам или технологиям. Может ли в этом случае демократия быть ценностью – это важный вопрос.

Демократия связана с соблюдением прав и свобод человека. Права и свободы человека – важнейшие ценности. Однако сравнивая силу и масштаб государственной машины, с одной стороны, и слабость, «нулевой размер» отдельного человека («единица – ноль» – Маяковский), можно усомниться в том, может ли отдельный человек спорить с социальной машиной власти, отстаивая свои права и свободы. Однако человечество совершенствовало греческую демократию и выработало принцип разделения властей. Эти власти должны взаимно дополнять и взаимно ограничивать, тормозить экспансию

государственной власти во все сферы социальности, в стремлении государства подчинить себе все общество.

Даже разделение монолита власти на три части оказалось чрезвычайно инновационным предприятием и творчески преобразовало государство, направив его трансформацию в русло правового государства. Если же продолжить разделение властей, то демократия будет развиваться. Правовое государство сопрягается с такими негосударственными властями как церковь, партии, общественные организации, гражданское общество, интеллигенция, семья и другие социальные субъекты. Возникают эти ценностные ориентиры для человека, для соблюдения его прав и свобод: суд, социальные институты гражданского общества, СМИ, способные поддержать его. Среди этих институтов в информационном обществе выделяется так называемая «четвертая власть», «информационная власть», которую справедливо характеризуют как власть, гармонично дополняющую ставшие традиционными три власти.

Сила и авторитет информационной власти в том, что она оперирует с открытой информацией в отличие от консервативной закрытой информации трех ветвей власти. Знание (информация) – это власть. Получая социально значимую информацию, граждане разделяют власть благодаря тому, что обсуждают решения о своей общей судьбе, способны повлиять на них. Информационная власть (культурная власть) – это власть с помощью знаний, информации и средств (как правило, массовых) их распространения. Сюда входят моральная, религиозная, художественная и другие виды власти, которые основаны на ненасильственном авторитете субъекта данной власти. Иногда трудно провести различие между такой властью и манипуляцией сознанием и поведением людей. Однако такие различия, несомненно, существуют. Знания используются при подготовке государственных решений и для воздействия на сознание людей для их политической поддержки.

Однако нас интересует именно позитивная сторона этой власти. В информационной власти суть делиберативной (совещательной) демократии в информационном обществе [1]. Данную концепцию разрабатывают Юрген Хабермас, Джон Ролз и другие авторы. Среди отечественных ученых это А.В. Зайцев, Н.В. Ляхович-Петракова, А.В. Назарчук, В.В. Посконин, А.В. Селезнева, И.А. Шкурихин и другие.

Благодаря средствам массовой информации современная демократия приобретает, так сказать, «электронный» характер [5]. Благодаря Интернету обеспечивается доступ всех граждан к демократическим процедурам, расширение участия в процессе принятия решений. Исследователи обращают особое внимание на возможности Интернета. Использование Интернета – это действенное средство решения политических задач, в том числе организация информационного взаимодействия гражданского общества и обеспечение его влияния на государственную власть; сбор и распространение информации о политических, социальных и культурных процессах; дискуссий разного масштаба по общественно важным проблемам; контроль за органами государственной

власти, действиями политиков в период между выборами; применение новых методов массовых исследований в области общественного мнения; правовое просвещение и правовые консультирование.

Однако возможность – это еще не действительность. Надо обеспечить информационную культуру личности и желание этой личности участвовать в делах государства и общества [4]. Исключительно важную значимость приобретают ценностные ориентации элит. Формирование единства таких ориентаций представителей элитных групп идет намного медленнее, чем установление консенсуса в массовом сознании. Гипотетически это можно связать с тем, что элита формируется на основе принципа индивидуализма, а массовое сознание – на основе принципа коллективизма традиционного общества. При этом существуют точки сопряжения касательно ценностей демократии и патриотизма, с одной стороны, но имеются явные противоречия в отношении ценностей прогресса и справедливости, с другой стороны.

Трансформация политических ценностей в России протекает достаточно медленно и противоречиво в силу сложившейся традиции. Для европейской политики свойственно осторожное отношение к существующему государству как некоему «монстру власти». Для такой политики характерно стремление ограничить государство и поставить его под контроль общественных сил. Напротив, в России традиционное понимание государства всегда было совершенно иным. Российское государство традиционно рассматривается как идеал, высшая форма развития культуры, которая вырастает на народной почве. Вследствие этого отсутствует различие общества и государства. Такое многовековое понимание государства осталось незабываемым и в советском обществе («государство – это мы»). Считалось, что государство выступает как наиболее общая воля социального организма.

Государственность в системе ценностных ориентиров россиян традиционно выступает как адекватная форма человеческого общежития, она находится вне критики. Государство не только ограничения, но и активное строительство всей жизни, формирующая идея общественного бытия. Как пишет В.А. Зимин, «задача государства не исчерпывается охранением безопасности, она связана с утверждением общественного благосостояния, в том числе и молодого поколения» [3, с. 3]. В то же время несомненно, что молодежь рельефно выражает изменения, происходящие в системе политических ценностей. Социологические исследования дают возможность сделать вывод о том, что у российской молодежи существует противоречивое сочетание традиционных и инновационных политических ценностей, отражаются тенденции воздействия многовековой традиции и глобальных процессов модернизации [7]. В системе ценностных ориентиров молодежи сформировались принципиально новые ценности: личная инициатива, личностная автономия, права человека, комфорт, самовыражение. Кроме того даже традиционные ценности, скажем, свобода и справедливость, наполнены в сознании молодежи существенно новым смыслом.

Можно сделать вывод о том, что демократия выступает ценностью информационного общества. Развитие демократии идет противоречиво. Без информационной культуры личности демократия может даже регрессировать. Если расширенно трактовать суть трансформации политических ценностей в современной России, то мы видим следующую картину. Политические ценности представляют собой устойчивые, присущие личности, социальной группе или всему обществу смысловые инварианты и доминанты, которые определяют идеологические приоритеты и принципы динамики общественных отношений. Политические ценности являются самым устойчивым компонентом политического сознания людей. Эти ценности системно организованы и упорядочены, связаны с интересами, потребностями и установками масс, регулируют социально значимое поведение и деятельность граждан. Наиболее восприимчивыми к инновациям в сфере политических ценностей оказываются молодые люди. Вокруг ценности демократии группируются инновационные политические ценности новых поколений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимов, Э. В. Делиберативная демократия: новые вызовы и возможности в условиях развития информационного общества / Э. В. Алимов, А. Е. Помазанский. – Текст : непосредственный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 4 (83). – С. 47–66.
2. Бирюков, И. Л. Спортивная духовность в контексте ценностных ориентаций молодёжной политики / И. Л. Бирюков, А. Д. Похилько, Л. Л. Денисова. – Ставрополь : Дизайн-студия Б, 2022. – 144 с. – Текст : непосредственный.
3. Зимин, В. А. Политические ценности как стимулы и барьеры российской модернизации / В. А. Зимин. – Текст : непосредственный // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2012. – № 4 (11). – С. 135–143.
4. Морозова, О. Ю. Информационная культура гражданина – основа реализации «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» / О. Ю. Морозова. – Текст : непосредственный // Физика и современные технологии в АПК : материалы X Международной молодежной конференции молодых ученых, студентов и школьников (г. Орел, 7 декабря 2018 года). – Орел : Картуш, 2019. – С. 365–379.
5. Мрочко, Л. В. СМИ в современном обществе: «четвертая власть» или слуга власти? / Л. В. Мрочко, А. И. Пирогов. – Текст : непосредственный // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2020. – № 2 (26). – С. 165–174.
6. Селезнева, А. В. Трансформация политических ценностей в современной России: политико-психологический анализ : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук / Селезнева Антонина Владимировна. – М., 2017. – 41 с. – Текст : непосредственный.
7. Селезнева, А. В. «Традиционное» и «новое» в политических ценностях российской молодежи (на материалах экспертного опроса) / А. В. Селезнева, Д. Д. Тулегенова. – Текст : электронный // Полилог / Polylogos. – 2022. – Т. 6. – № 2. – URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110020714-7-1/> (дата обращения: 20.05.2023).

8. Сиземская, И. Н. Художественная интеллигенция и власть в истории России / И. Н. Сиземская // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 4. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-intelligentsiya-i-vlast-v-istorii-rossii> (дата обращения: 27.01.2023).

REFERENCES

1. Alimov E. V. Deliberal democracy: new challenges and opportunities in the conditions of the development of the information society. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of foreign legislation and comparative law*, 2020, no. 4 (83), pp. 47–66. (In Russian).

2. Biryukov I. L. *Sportivnaya dukhovnost' v kontekste tsennostnykh oriyentatsiy molodozhnoy politiki* [Sports spirituality in the context of the value orientations of youth policy]. Stavropol', Dizayn-studiya B, 2022. 144 p. (In Russian).

3. Zimin V. A. Political values as incentives and barriers of Russian modernization. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva = Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev*, 2012, no. 4 (11), pp. 135–143. (In Russian).

4. Morozova O. Yu. Information culture of a citizen – the basis of the implementation of the "Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030". *Fizika i sovremennyye tekhnologii v APK = Physics and modern technologies in the agricultural sector*. Orel, 2019, pp. 365–379. (In Russian).

5. Mrochko L. V. Media in modern society: "Fourth power" or a servant of power? *Ekonomicheskiye i sotsial'no-gumanitarnyye isledovaniya = Economic and Social and Humanitarian Studies*, 2020, no. 2 (26), pp. 165–174. (In Russian).

6. Selezneva A. V. *Transformatsiya politicheskikh tsennostey v sovremennoy Rossii: politiko-psikhologicheskiy analiz* [Transformation of political values in modern Russia: Political and psychological analysis]. M., 2017. 41 p. (In Russian).

7. Selezneva A. V. "Traditional" and "New" in the political values of Russian youth (based on an expert survey). *Polilog = Polylogue*, 2022, vol. 6, no. 2. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110020714-7-1/>. (In Russian).

8. Sizemskaya I. N. Artistic intelligentsia and power in the history of Russia. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2016, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-intelligentsiya-i-vlast-v-istorii-rossii>. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Папонов, С. В. Трансформация традиционных политических ценностей в российском обществе / С. В. Папонов, А. А. Данилов. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 174–179.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Papouov S. V., Danilov A. A. Transformation of Traditional Political Values in Russian Society / S. V. Papouov, A. A. Danilov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 174–179. (In Russian).

УДК 130.3

**ВОСТОК – ЗАПАД – РОССИЯ КАК ТИПЫ ДУХОВНОСТИ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ**

О.В. Пчелина

**EAST – WEST – RUSSIA AS TYPES OF SPIRITUALITY:
SOCIOCULTURAL INTERPRETATIONS OF THE PROBLEM**

O.V. Pchelina

Аннотация. Статья открывает серию материалов, посвященных творчеству немецкого философа Вальтера Шубарта. В статье представлены работы В. Шубарта «Европа и душа Востока» и «Достоевский и Ницше. Символизм их жизни», в которых автор анализирует социальные проблемы и духовный кризис современного ему общества путем сопоставления знаковых фигур: представителя русской философии – Ф.М. Достоевского и западноевропейской – Ф. Ницше. Анализируя мировоззренческие и культурфилософские идеи мыслителей, метафизическую составляющую взглядов Достоевского и Ницше, немецкий философ выходит за рамки «оригинального прочтения» текстов, коррелируя и сопоставляя их идеи с позиции «духа Востока» и «духа Запада», России и Европы, «прометеевской» и «иоанновской» культурных эпох.

Abstract. The article opens a series of materials devoted to the work of the German philosopher Walter Schubart. The article presents Schubart's works "Europe and the Soul of the East" and "Dostoevsky and Nietzsche. The symbolism of their life ", in which the author analyses social problems and the spiritual crisis of contemporary society by comparing two significant figures of world culture: the representative of Russian philosophy Fedor Dostoevsky on the one hand, and the Western European Friedrich Nietzsche on the other hand. Analyzing the ideological and cultural philosophical ideas of the thinkers, the metaphysical component of the views of Dostoevsky and Nietzsche, the German philosopher goes beyond the "original reading" of the texts, correlating and comparing their ideas from the position of the "Spirit of the East" and "Spirit of the West", Russia and Europe, the "Prometheus" and "John" cultural epochs.

Ключевые слова: социальные проблемы, социальный конфликт, духовный кризис, Россия – Европа, Восток – Запад, Вальтер Шубарт, Достоевский и Ницше.

Keywords: social problems, social conflict, spiritual crisis, Russia – Europe, East – West, Walter Schubart, Dostoyevsky and Nietzsche.

Чтобы понять каждого из них, мы должны поставить их рядом друг с другом. Это неправда, Достоевский без Ницше, и это опасность видеть Ницше без Достоевского. Ницше – это путь, по которому шел и Достоевский, но Достоевский – это цель, которой Ницше не достиг.

Вальтер Шубарт

Имя немецкого философа Вальтера Шубарта (1897–1942) ассоциируется, как правило, с его книгой «Европа и душа Востока» ("Europa und die Seele des Ostens"), опубликованной в швейцарском издательстве

«Вита Нова» ("Vita Nova", Люцерн) в 1938 году¹. Первый полный русский перевод книги был приурочен к 100-летию со дня рождения автора и опубликован в издательстве «Русская идея» в 1997 г. В это издание также вошли комментарии и послесловие М.В. Назарова, а также приложения – первая публикация работы И.А. Ильина «О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта)» и интервью с В.Д. Поремским о первом переводе книги.

Вальтер Шубарт был одним из тех «любопытных немцев, пытавшихся разгадать душу России» (Степун) [1, с. 511], «уловить и выловить кое-что существенное о России» (Ильин) [2, с. 374].

Обозначив цель своей книги «писать не о России, а о Европе, однако о Европе, увиденной с Востока» как настоящее, в основе которой лежало «осмысление противоположности между человеком Запада и человеком Востока» как прошлое, Шубарт представлял будущее как «всемирную борьбу между Западом и Востоком, примирение между ними и зарождение всемирной западно-восточной культуры новой эпохи, носителем которой будет иоанновский человек» [3, с. 7]. Как видим, с самого начала автором был определен компаративистский подход в постановке вопроса, который невозможно представить, судя по вышеперечисленным темам, без таких двух ключевых фигур в истории философии и культуры, как Достоевский и Ницше и Вальтер Шубарт был далеко не первым немецким философом, кто был увлечен этой темой.

Напомним, что европейская известность Достоевского началась в Германии в 80-е годы XIX века, когда в стране возник интерес к русской литературе в целом, и к Достоевскому и Толстому – в частности. Роман «Преступление и наказание» – «Раскольников» был переведен Вильгельмом Генкелем и был переиздан четыре раза с 1886 по 1894 г. С этого времени начинается период познания творчества русского писателя (теперь на немецком языке выходят его романы, повести и рассказы), который совпал с периодом распространения идей Ф. Ницше, что привело не только к сближению Достоевского и Ницше, но и процессу переосмысления (*pro et contra*) идей русского писателя в духе ницшеанства. Так, согласно Л. Бергу, автору книги «Сверхчеловек в современной литературе» (1897), Достоевский становится «предтечей Ницше», а Раскольников воспринимается как прообраз «сверхчеловека» [4].

¹ На русском языке книга «Европа и душа Востока» трижды выходила в Германии в сокращенном переводе В.Д. Поремского (лагерь Вустрау, 1943; лагерь Менхегоф, «Посев», 1945 и 1947), этот вариант в еще большем сокращении был перепечатан в журналах «Аум» (Нью-Йорк, 1990 № 4) и «Общественные науки и современность» (Москва, 1992, № 6; 1993, № 1–4; предисловие Г. Бёлля – в № 4, 1995). Глава «Безбожие западное и восточное» в ином переводе опубликована в журнале «Даугава» (Рига, 1993, № 4). К 100-летию со дня рождения Вальтера Шубарта в 1997 г. в издательстве «Русская идея» был опубликован первый полный русский перевод с комментариями и послесловием М.В. Назарова, а также приложениями (первая публикация работы И.А. Ильина об этой книге Шубарта «О национальном призвании России», интервью с В.Д. Поремским о первом переводе книги). Переиздана в 1956 г. в ФРГ с предисловием Г. Бёлля.

На отечественном дискуссионном поле эта тема была заявлена работами Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (1900–1902)¹ и Л. Шестова «Достоевский и Ницше» (философия трагедии) (1903), переведенными на немецкий язык в 1903 и 1924 годах соответственно.

По мнению В. Дудкина, проблема «Достоевский – Ницше» – вопрос о связях, соединяющих русского писателя с Ницше, об их «духовном родстве» – была одной из центральных тем зарубежной науки о Достоевском. Исследователь отмечает, что «в Германии подобная точка зрения возникает не без влияния книги Л. Шестова «Достоевский и Ницше», переведенной на немецкий язык» [4].

Представляется, что В. Шубарту хорошо была известна и работа Д.С. Мережковского, поскольку в книге «Европа и душа Востока» автор не единожды упоминает имя русского религиозного философа-символиста.

Итак, практически с самого начала автор книги «Европа и душа Востока» открыто или имплицитно апеллирует к Достоевскому, поднимая темы мессианства, «прометеевской» и «иоанновской» эпох, специфики православного христианства и русской души, национальной идеи, жертвенности, всечеловечности, всеединства, «вселенскости» и вселенской Церкви, а также в контексте «судьбоносной проблемы» – противопоставления России и Европы.

Один из разделов книги, посвященный Достоевскому, так и называется: «Достоевский как выразитель проблемы Восток – Запад», в котором автор продолжает рассуждать о всечеловеческом идеале «иоаннической» эпохи, признавая Евангелие от Иоанна, развивает и поддерживает мысли Достоевского о всечеловеческом братстве, о русском народе как возможном носителе гармонического первообраза, поскольку душа русского всечеловека связана с Богом и вечностью. И с этого момента В. Шубарт интерпретирует «жизнь и творчество, религию»² русского писателя в сопоставлении с творчеством Ф. Ницше (Достоевский vs Ницше)³.

Критикуя «ложное учение о сильном человеке и его особых правах», В. Шубарт показывает, как Достоевский «рассчитался» с идеей «сверхчеловека»

¹ Впервые: Мир искусства. 1900. № 1–4, 7–12; 1901. № 4–12; 1902. № 2; впервые отдельным изданием: «Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский» : в 2 томах. СПб., 1901–1902; затем работа выходила в следующих издательствах: М.В. Пирожкова (СПб., 1903), «Общественная польза» (СПб., 1909) и Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений : в 24 томах. Тома IX–XII. М. : Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1914.

² Проводится аналогия со знаменитой работой Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» (1902).

³ Начало европейской известности Достоевского было положено в Германии. В 80-е годы XIX века, когда на литературную арену Германии выходит новое направление – натурализм, в стране пробуждается живейший интерес к русской литературе в целом, и прежде всего – к Достоевскому и Толстому. Честь представить Достоевского немецкому читателю выпала на долю Вильгельма Генкеля (1825–1910). Перевод «Преступления и наказания» – «Раскольников», выполненный Генкелем, был признан лучшим и до конца века переиздавался четыре раза (1886, 1889, 1890, 1894). С середины 80-х годов начинается процесс активного усвоения его творчества. На немецком языке выходят не только все большие романы, но и повести и рассказы Достоевского [4].

Ницше в лице Раскольникова: вседозволенность и вдохновение идеей насилия приводят героя романа Достоевского «не на мнимую высоту человекобога», не к доказательству идеи сверхчеловека, а к познанию и доказательству Бога.

В. Шубарт трактует стремление к «отделению от братьев и возвышению над ними» как акт раскола (отсюда и фамилия Раскольников), как совершение греха тщеславия, высокомерия и воли к власти. Трагедия отпадения от Бога, будь она личная («Преступление и наказание», где Достоевский восстает против идеала человека насилия) или общественная («Бесы», где Достоевский восстает против идеала государства насилия), поиск замены Богу в виде небесного царя на земле приводят человека к потере свободы, собственной ценности и абсолютной значимости. Невозможно заменить Божественное, пытаясь создать его заново, – таков вывод Шубарта о романах Достоевского и его метафизических поисках, об учении Ницше о сверхчеловеке, о противопоставлении человекобога и богочеловека, избавлении в Богочеловечестве. Предвосхищая грядущую эпоху, Шубарт говорит о «всечеловеке», акцентируя внимание на «русском всечеловеке как носителе новой солидарности» и возлагает надежду, что именно этот новый тип личности сможет преодолеть индивидуализм сверхчеловека и коллективизм массового человека, противопоставить «свободную общность во всем согласованных душ» принудительному объединению людей [1, с. 187–192].

Практически сразу вслед за книгой «Европа и душа Востока» в том же самом издательстве была опубликована работа В. Шубарта «Достоевский и Ницше. Символизм их жизни» ("Dostojewski und Nietzsche. Symbolik Ihres Lebens", 1939) [5]. Появление этой книги представляется как символическим, так и логическим продолжением социальных и метафизических размышлений немецкого философа. По объему эта работа значительно уступает книге «Европа и душа Востока», однако ее содержание говорит само за себя.

Книга состоит из десяти разделов: «Провидец», «Скрытое стремление Ницше к Богу», «Богопознание Достоевского», «Сверхчеловек и Всечеловек», «Социализм», «Зло», «Смысл страданий», «За и против Христа», «Запад и Восток», «Символизм их жизни». Несмотря на то, что каждый последующий раздел «вытекает» из предыдущего (что явно прослеживается по заглавиям), их можно рассматривать и как самостоятельные статьи. Шаг за шагом, автор представляет нам фигуры Достоевского и Ницше в их гармоничном (!) метафизическом противоречии, как своего рода благозвучный диссонанс (в отличие от диссонанса – хаоса, как это принято трактовать в классическом понимании)¹, который находится в поиске возможного консонанса.

Здесь уместно привести цитату из переписки Ф. Ницше с датским критиком и историком литературы Г. Брандесом: "Ihren Worten über Dostojewski glaube ich unbedingt; ich schätze ihn andererseits als das wertvollste psychologische Material, das ich kenne – ich bin ihm auf eine merkwürdige Weise dankbar,

¹ Диссонансами называются те интервалы, звуки которых как бы противоречат друг другу и не сливаются в слуховом сознании воедино, требуют разрешения, т.е. перевода в консонанс.

wie sehr er auch immer meinen untersten Instinkten zuwider geht"¹ – «Я абсолютно доверяю вашим словам о Достоевском; с другой стороны, я ценю его как самый драгоценный психологический материал, который я знаю – я благодарен ему странным образом, как бы это ни противоречило моим самым глубинным инстинктам» (здесь и далее перевод мой – *О.П.*).

Как видим, именно противоречивость стала для Ницше источником, из которого он черпал то, что ему представлялось жизненно важным и необходимым для осмысления собственных идей и представлений о социальном сострадании, жертвенности, психологической правдивости, всечеловечности, вселенской Церкви, Христосе и Антихристосе, Сверхчеловеке и богоискательстве, России (Востоке) и Европе (Западе).

Данная статья носит скорее обзорный характер и не предполагает подробный анализ книги В. Шубарта «Достоевский и Ницше. Символизм их жизни». Однако представляется уместным и логичным остановиться на заключительном разделе «Символизм их жизни», который повторяет часть названия книги, явно коррелирует с его книгой «Европа и душа Востока» и особенно с частью «Достоевский как выразитель проблемы Восток – Запад».

Говоря о репрезентативности жизни великих людей, В. Шубарт замечает, что в личной судьбе отдельного человека предсказывается судьба целых поколений. Таким образом, отдельная судьба – это символ, это притча о несравнимом, уникальная в своем роде притча. Согласно Шубарту, Достоевский и Ницше являются символами западного и восточного кризиса души. При этом Ницше переживает «западный» кризис как невозможность перехода от сомнения к вере, а Достоевский – «восточный» кризис как подавление русской силы веры безбожным духом Запада. В то время, когда западная душа Ницше потрясена и подвергнута сомнению восточными настроениями, восточная душа Достоевского потрясена и подвергнута сомнению духом Запада. Шубарт задается вопросом о том, способны ли спастись и сохранить себя его герои Ницше и Достоевский, а в их лице Европа и Россия, в противостоянии сомнения и безбожия – вере, покаянию и искуплению. Вопрос Шубарта звучит риторически, поскольку "Ein Zurück gibt es nicht" – «Пути назад нет» [5, с. 117].

И вновь В. Шубарт видит в судьбе Достоевского «иоанновского человека», великую силу обращения, умение переносить обреченность как условие возрождения, а покаяние как возвращение нравственной свободы и свободы самоопределения. В творчестве Достоевского Шубарт предчувствует грядущую эпоху Иоанна, спасительную силу, победу Духа и вечной жизни: "Während Nietzsche, zu tief verstrickt in das Westliche, um sich ihm entwinden zu können, in Wahnsinn verkam, fand Dostojewski nach einem Leben der Qual in den Evangelien die Erlösung" – «В то время как Ницше, слишком глубоко увязший в западном, чтобы вырваться из него, впал в безумие, Достоевский, прожив жизнь в мучениях, нашел искупление в Евангелии» [5, с. 114].

¹ Цит. по: F. Nietzsche. Gesammelte Briefe, Bd. III, 1 Hälfte, P. 322 [4].

Итак, что же стоит за именами Достоевского и Ницше? Для Вальтера Шубарта это не что иное, как проблема выбора и определения: "Demut oder Wille zur Macht, Wiedergeburt oder Wahnsinn, Liebe und ewiges Leben oder Gewalt und Tod" – «Смирение или воля к власти, возрождение или безумие, любовь и вечная жизнь или насилие и смерть» [5, с. 117], а также «вечный вопрос человеческого рода», который требует разрешения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степун, Ф. Бывшее и несбывшееся / Ф. Степун. – СПб. : Алетейя, 1994. – 651 с. – Текст : непосредственный.
2. Ильин, И. А. «О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта) / И. А. Ильин. – Текст : непосредственный // Европа и душа Востока / В. Шубарт ; перевод с немецкого З. Г. Антипенко и М. В. Назарова. – М. : Альманах «Русская идея», 2000. – С. 368–407.
3. Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт ; перевод с немецкого З. Г. Антипенко и М. В. Назарова. – М. : Альманах «Русская идея», 2000. – 448 с. – Текст : непосредственный.
4. Достоевский в Германии – обзор В.В. Дудкина и К.М. Азадовского. III. Проблема «Достоевский – Ницше». – URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/dostoevskij-v-germanii/germaniya-iii-problema-dostoevskij-nicshe.htm> (дата обращения: 10.04.2023). – Текст : электронный
5. Schubart, Walter. Dostojewski und Nietzsche. Symbolik Ihres Lebens / Walter Schubart. – Vita Nova Verlag Luzern, 1946. – 117 p.

REFERENCES

1. Stepun F. *Byvshee i nesbyvsheesya* [The Former and the Unfulfilled]. SPb., Aletheia, 1994. 651 p. (In Russian).
2. Ilyin I. A. On the National Vocation of Russia (Response to Schubart's Book). *Evropa i dusha Vostoka = Europe and the Soul of the East*. M., Almanac "Russian Idea", 2000, pp. 368–407. (In Russian).
3. Shubart W. *Evropa i dusha Vostoka* [Europe and the Soul of the East]. M., Almanac "The Russian Idea", 2000. 448 p. (In Russian).
4. Dostoevskij v Germanii – obzor V.V. Dudkina i K.M. Azadovskogo. III. Problema "Dostoevskij – Nicshe" [Dostoevsky in Germany – review by V.V. Dudkin and K.M. Azadovsky. III. The Dostoevsky-Nietzsche problem]. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/dostoevskij-v-germanii/germaniya-iii-problema-dostoevskij-nicshe.htm>. (In Russian).
5. Shubart Walter. *Dostojewski und Nietzsche. Symbolik Ihres Lebens*. Vita Nova Verlag Luzern, 1946. 117 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пчелина, О. В. Восток – Запад – Россия как типы духовности: социокультурные интерпретации проблемы / О. В. Пчелина. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 180–185.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pchelina O. V. East – West – Russia as Types of Spirituality: Sociocultural Interpretations of the Problem / O. V. Pchelina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 180–185. (In Russian).

УДК 316.43

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МЕХАНИЗМ ВЗАИМОСВЯЗИ ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

А.В. Теняков

SOCIOCULTURAL MECHANISM OF THE RELATIONSHIP OF TRADITION AND INNOVATION

A. V. Tenyakov

Аннотация. Рассмотрены неизученные или малоисследованные вопросы взаимосвязи традиций и инноваций в общественном развитии. Предлагается включить в интерпретацию механизма взаимосвязи традиций и инноваций понятие «мягких» инноваций. Такое включение дает возможность анализа взаимосвязи традиций и инноваций в широком поле социокультурного пространства, что особенно важно для возобновления инновационного развития российского общества. Автором выделяются такие мягкие инновации как нравственные, правовые, эстетические, религиозные инновации и их интеграция в инновационном потенциале личности.

Abstract. The unexplored or little-studied issues of the relationship between traditions and innovations in social development are considered. It is proposed to include the concept of "soft" innovations in the interpretation of the mechanism of the relationship between traditions and innovations. Such inclusion makes it possible to analyze the relationship between traditions and innovations in a wide field of sociocultural space, which is especially important for the resumption of the innovative development of Russian society. The author singles out such soft innovations as moral, legal, aesthetic, religious innovations and their integration into the innovative potential of the individual.

Ключевые слова: традиция, инновация, мягкая инновация, российское общество, развитие общества, механизм взаимосвязи традиции и инновации, культура.

Keywords: tradition, innovation, soft innovation, Russian society, development of society, the mechanism of the relationship between tradition and innovation, culture.

Актуализация проблемы взаимосвязи традиций, новаций и инноваций в контексте социокультурного пространства российского общества вызвана особенностями социальной динамики в российском обществе, необходимостью решения задач преодоления социальных рисков в процессе модернизации. Социальная динамика существенно усиливается, и значимость гармоничной взаимосвязи традиции и инновации соответственно возрастает. Ускорение кардинальных перемен связано с риском кризисов. Как раз исследование единства, взаимосвязи и взаимодействия традиций и инноваций, этих базовых механизмов гармоничного социокультурного развития общества, выступает проблемой социально-философского осмысления современного транзитивного российского общества. Попытки инновационного развития тормозятся в настоящее время очередным возрождением архаизации локальных сообществ. Политика возрождения традиционных ценностей в российском обществе

должна быть обеспечена солидным теоретическим обоснованием. В противном случае она может стать либо очередной кампанией, либо (что еще хуже) принципиальным отказом от инновационного пути развития и модернизации. Многонациональность российского общества повышает актуальность проблемы взаимосвязи традиций и инноваций, поскольку в локальных подсистемах социума создаются условия и предпосылки активизации процессов архаизации и влиянием традиционализма в общественной жизни, катализатором чего выступает текущая ориентация российского общества на отказ от глобалистских ориентиров и выбор сопряженного с особыми рисками самобытного пути развития.

Целью статьи является выявление специфики феноменов традиции и инноваций и анализ их соотношения, взаимосвязи и взаимодействия в социокультурном пространстве современного российского общества для понимания социокультурного механизма взаимосвязи традиций и инноваций применительно к современному российскому обществу.

Позволим себе опустить некоторые простые и известные положения по данной теме для того чтобы сосредоточиться на главном [8, с. 163–168].

Существование и стабильность развития общественных явлений и процессов социальных изменений в общественной системе обуславливается фундаментальной основой – простым воспроизводством, то есть передачей предыдущего опыта. В этом сущность социальной традиции. Социально-философская рефлексия обеспечивает исследователей методологическим инструментарием экспликации механизма такого воспроизводства.

При описании развития современного общества можно акцентировать внимание на классических концепциях социальных изменений в духе традиционного общества – на цикличности, хаотичности и стихийности, значительной фрагментарности общественного развития, а само общественное развитие в этом случае выступает как эволюционный и закономерный переход от семьи к полисно-государственной организации. Такое общество эффективно функционирует не только на основе материальных факторов, но детерминантом его выступает функционирование и эффективность права как система норм, а также моральные установки и устойчивость духовных традиций. Даже в этом традиционном типе общественного развития мы видим инновационность в самом простом воспроизведении традиции. Действительно, механизм простого воспроизводства включает в себя индивидуальное и коллективное творчество, активность и энергию отдельных простых людей, великих и исторических личностей, больших и малых социальных групп.

Переход от традиционного общества к промышленному, индустриальному обществу выражает важность осознанной разработки и применения науки как источника инноваций. У К. Маркса мы видим идею социально-экономического детерминизма, мысль о том, что изменение экономических условий общественной жизнедеятельности влечет изменение этого общества как целого [3, с. 6–8]. Постиндустриальное общество радикально меняет соотношение

традиций и инноваций, меняет это соотношение в пользу инноваций. Развитие общества становится инновационным, а традиция превращается в момент инновационного развития [5, с. 36–40]. В то же время во всех обществах имеется нечто инвариантное – это принципиальная концептуальная схема механизма взаимосвязи традиции и инноваций в общественном развитии. Это схема взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания, представленная в автономности социального субъекта, в том числе общества в целом. Общественное бытие содержит в себе твердые и сверхтвердые инновации в явном или скрытом виде, а общественное сознание – мягкие и сверхмягкие (тонкие) инновации в эксплицитном и осознанном виде.

Даже на самых ранних этапах эволюции человечества мы видим действие такого социокультурного механизма воспроизводства традиции через сепарацию инноваций как миф, мифологическое сознание [6, с. 28]. Миф ориентирует на неизменные образцы и категорически запрещает отклонение от них. Жизнь (бытие) и сознание жизни тождественны. В традиционных обществах средних веков механизмом взаимосвязи традиций и инноваций является религия и государственная идеология, основанная на религиозных ценностях. Мироззрение данного общества отличается дуализмом материального и духовного. В индустриальном и особенно в постиндустриальном обществе взаимосвязь традиций и инноваций все больше осуществляется через рациональные формы общественного сознания, особенно через науку и технологии.

Теоретический анализ современного социокультурного пространства российского общества дает возможность лучше понять механизм взаимосвязи традиций и инноваций через мягкие инновации. Твердые инновации, как и твердые традиции онтологически укоренены в общественном бытии, в его ядре – системе производственных экономических отношениях. Однако анализ ценностей социокультурного пространства дает возможность преодолеть объективизм и ограниченное понимание инноваций и инновационного процесса. Многомерность социокультурного пространства показывает, что можно гармонизировать взаимосвязь традиций и инноваций посредством усиления взаимосвязи всех сфер общественной жизни. Инновационное развитие экономики детерминировано многообразием не только внутриэкономических факторов, но и культурных условий, а также человеческим капиталом («человеческим фактором»). Особую роль играет духовная сфера как ключ к пониманию «мягких инноваций», создающих единое ценностно-смысловое поле.

Ядром современной духовной сферы является наука. Несомненно, именно наука генерирует новации, которые затем превращаются в инновации. Научно-технический прогресс уменьшает время между получением новаций и их внедрением в практику, т. е. инновациями. Этот процесс производства инноваций ускоряется или замедляется различными подсистемами духовной жизни: моралью, правом, политической культурой, религией, искусством.

Как значимые области мягких (soft) инноваций, прежде всего, отметим нравственную и правовую культуру. Традиция в праве создает устойчивость

права. С другой стороны, инновация в праве способствует развитию этой системы. Правовые инновации концентрируются в правовом творчестве. В отношении инноваций в системе, казалось бы, «вечных» нравственных ценностей появляется вопрос об их (нравственных инноваций) существовании. Однако именно нравственные инновации – это условие нравственного прогресса, условие совершенствования норм морали и ее идеалов. Одной из самых важных инноваций было возникновение новой для того времени, христианской морали. Новый Завет переключает внимание человека с соблюдения запретов на самостоятельное, автономное принятие решения о характере поступков. Эта нравственная инновация стала традицией для миллиардов людей, она преобразовала античную культуру в средневековую.

Религиозные инновации также незаметны, как и нравственные, но столь же необходимы для истории. Например, мягкие инновации в развитии православной культуры могут оказать влияние на инновационное развитие российского общества, в частности, на модернизацию. Непростой вопрос состоит в том, совместимо ли православие с модернизацией, не тормозит ли православие процессы инновационного развития в России. Макс Вебер скептически относился к перспективам российской модернизации [1]. Однако эта точка зрения может быть подвергнута сомнению.

Не менее значимые мягкие инновации с их криптонормированным влиянием на общество можно увидеть в российском искусстве, включая художественную литературу. Массовая культура обособляется от элитарной культуры, но в то же время она стимулирует инновационное развитие. Культура потребления означает явную или неявную зависимость творца от вкусов публики, о чем говорят исследователи [4]. Следует вспомнить культ колхозной и производственной темы в советской литературе. Всемирно известным стал роман М.А. Шолохова «Поднятая целина».

Нельзя не отметить мягкие инновации в науке. В науке эти мягкие инновации выражают ценности и человеческие смыслы. Постнеклассическая наука уже включает субъекта, его ценности. Как замечал М. Полани, в науке нужен учет личности ученого, его интуиции, фантазии, его ценностей, его субъектности [7, с. 20–29 и др.]. Мягкие инновации ярко выражены в научной коммуникации.

Все мягкие инновации интегрируются в субъекте общественного развития. Перспектива инновационного развития и проблема модернизации требуют новой постановки вопроса об инновационной личности [2, с. 35–46]. Личность, обладающая значимым инновационным потенциалом, – это интегратор всех мягких инноваций в виде сверхмягкой, тонкой, инновации. Креативность, инновационность, образованность лишь частично отражают целостное содержание творческой личности.

Таким образом, инновации следует понимать широко: инновации могут быть жесткими, твердыми и мягкими, гибкими (*soft innovations*). Мягкие инновации распространены по всему социокультурному пространству общества,

имеют в своей основе духовный, «идеальный» характер. Отсутствие непосредственного быстрого и прямого эффекта от мягких инноваций снижает интерес к ним со стороны общества и государства. Более очевидным становится их значимость в ходе возрастания сопротивления к инновационным процессам на предприятии или учреждении, разрастания архаики в повседневности. В то же время целостный механизм взаимосвязи традиций и инноваций, включающий все больше мягких инноваций, смог бы обеспечить соответствующий нашему времени тип инновационного развития общества. В качестве механизма взаимосвязи традиций и инноваций выступают основополагающие культурные ценности, а субъектом этой взаимосвязи выступает инновационная личность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М. : АСТ, 2021. – 350 с. – Текст : непосредственный.
2. Володарская, Е. А. Инновационный потенциал личности и социальные страхи субъекта инновационной деятельности / Е. А. Володарская, И. В. Плис. – Текст : непосредственный // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 2: Биология. Геология. Химия. Экология. – 2022. – № 2 (22). – С. 35–46.
3. Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс. – Текст : непосредственный // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 13. – С. 6–8.
4. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – М. : Прогресс, 1973. – 406 с. – Текст : непосредственный.
5. Пахонина, Е. В. Инновационные ориентиры постиндустриального общества / Е. В. Пахонина. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 12. – С. 36–40.
6. Плютто, П. А. Иллюзии аутентичного мифа: революция и литература / П. А. Плютто. – Текст : непосредственный // Вопросы философии. – 2007. – № 12. – С. 28–40.
7. Полани, М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / М. Полани. – М. : Прогресс, 1985. – 344 с. – Текст : непосредственный.
8. Теняков, А. В. Оптимальное сопряжение традиций и инноваций в современном российском обществе / А. В. Теняков. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 3. – С. 163–168.

REFERENCES

1. Veber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. M., AST, 2021. 350 p. (In Russian).
2. Volodarskaya Ye. A., Plis I. V. Innovative potential of personality and social fears of the subject of innovative activity. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya 2: Biologiya. Geologiya. Khimiya. Ekologiya = Bulletin of the Syktyvkar University. Series 2: Biology. Geology. Chemistry. Ecology*, 2022, no. 2 (22), pp. 35–46. (In Russian).
3. Marks K. To the criticism of political economy. Preface. *Marks K., Engel's F. Sochineniya = Marx K., Engels F. Works*, vol. 13, pp. 6–8. (In Russian).

4. Mol' A. *Sotsiodinamika kul'tury* [Sociodynamics of culture]. M., Progress, 1973. 406 p. (In Russian).

5. Pakhonina Ye. V. Innovative guidelines for post-industrial society. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*, 2012, no. 12, pp. 36–40. (In Russian).

6. Plyutto P. A. Illusions of an authentic myth. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2007, no. 12, pp. 28–40. (In Russian).

7. Polani M. *Lichnostnoye znaniye. Na puti k postkriticheskoy filosofii* [Personal knowledge. On the way to post-critical philosophy]. M., Progress, 1985. 344 p. (In Russian).

8. Tenyakov A. V. Optimal pairing of traditions and innovations in modern Russian society. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2022, no. 3, pp. 163–168. (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Теняков, А. В. Социокультурный механизм взаимосвязи традиции и инновации / А. В. Теняков. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2023. – № 2. – С. 186–191.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tenyakov A. V. Sociocultural Mechanism of the Relationship of Tradition and Innovation / A. V. Tenyakov // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2023, no. 2, pp. 186–191. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абрамова Наталья Николаевна – старший преподаватель кафедры реконструкции, реставрации архитектурного наследия и основ архитектуры Казанского государственного архитектурно-строительного университета (г. Казань); e-mail: natalitata_1@mail.ru

Abramova Natalia Nikolaevna – senior Lecturer of the Department of Reconstruction, restoration of architectural heritage and foundations of architecture, Kazan State University of Architecture and Civil Engineering (Kazan); e-mail: natalitata_1@mail.ru

Ахметзянов Вагиз Газизович – старший преподаватель кафедры графического моделирования Казанского государственного архитектурно-строительного университета (г. Казань); e-mail: koncept.wagiz@yandex.ru

Akhmetzyanov Vagiz Gazizovich – senior Lecturer of the Department of Graphic Modeling, Kazan State University of Architecture and Civil Engineering (Kazan); e-mail: koncept.wagiz@yandex.ru

Бычков Григорий Николаевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: grishaarm@yandex.ru

Bychkov Grigory Nikolaevich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: grishaarm@yandex.ru

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, проректор по академической политике, контролю качества образования и информатизации ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск); e-mail: grankinj@pgu.ru

Grankin Yuri Yuryevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Vice-Rector for Academic Policy, Quality Control of Education and Informatization, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: grankinj@pgu.ru

Григорян Марианна Размиковна – аспирант ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск); e-mail: grigorian-mr@pgu.ru

Grigoryan Marianna Razmikovna – post-graduate student, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: grigorian-mr@pgu.ru

Гурина Татьяна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: k975ce@gmail.com

Gurina Tatyana Aleksandrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Mathematics, Physics and Methods of Their Teaching, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: k975ce@gmail.com

Данилов Андрей Александрович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: Danilovandr200@gmail.com

Danilov Andrey Alexandrovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: Danilovandr200@gmail.com

Дьякова Елена Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: dja_e_an@mail.ru

Dyakova Elena Anatolyevna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Mathematics, Physics and Methods of Teaching, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: dja_e_an@mail.ru

Ивлев Владимир Александрович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: vova.iv.11@mail.ru

Ivlev Vladimir Aleksandrovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: vova.iv.11@mail.ru

Коваль Каролина Сергеевна – аспирант Института этнологии и антропологии Российской академии наук (г. Москва); e-mail: karolinakoval@yandex.ru

Koval Karolina Sergeevna – post-graduate student of the Institute of ethnology and anthropology of Russian academy of sciences (Moscow); e-mail: karolinakoval@yandex.ru

Козлов Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Ростовского государственного медицинского университета (г. Ростов-на-Дону); e-mail: sid.220788@bk.ru

Kozlov Sergey Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, assistant of the department of history of the Rostov State Medical University (Rostov-on-Don); e-mail: sid.220788@bk.ru

Комарова Эмилия Павловна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и технологии перевода ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет» (г. Воронеж); e-mail: vivtkmk@mail.ru

Komarova Emilia Pavlovna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages and Translation Technology of the Voronezh State Technical University (Voronezh); e-mail: vivtkmk@mail.ru

Концевич Ирина Владимировна – преподаватель ГБПОУ «Григорополисский сельскохозяйственный техникум имени атамана М.И. Платова» (ст. Григорополисская); e-mail: kravtsova90irina@mail.ru

Kontsevich Irina Vladimirovna – Teacher, Grigoropolisskiy Agricultural College Named After Ataman M.I. Platov (Grigoropolisskaya); e-mail: kravtsova90irina@mail.ru

Корнеева Марина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент института иностранных языков и литературы Московского государственного городского университета (г. Москва); e-mail: korneevam@mgpu.ru

Korneeva Marina Aleksandrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Institute of Foreign Languages and Literature of Moscow State City University (Moscow); e-mail: korneevam@mgpu.ru

Кувшинов Алексей Николаевич – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» (г. Пятигорск); e-mail: prof.kuvshinov@ya.ru

Kuvshinov Alexey Nikolaevich – post-graduate student of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology of the Pyatigorsk State University (Pyatigorsk); e-mail: prof.kuvshinov@ya.ru

Куприянова Виктория Васильевна – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: kazminavika91@rambler.ru

Kupriyanova Victoria Vasilievna – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: kazminavika91@rambler.ru

Лобанов Илья Андреевич – преподаватель ОЧУ ВО «Армавирский социально-психологический институт» (г. Армавир); e-mail: lobanov1985@mail.ru

Lobanov Ilya Andreevich – lecturer, Armavir Socio-Psychological Institute (Armavir); e-mail: lobanov1985@mail.ru

Лукаш Сергей Николаевич – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: lukash.serg@yandex.ru

Lukash Sergey Nikolaevich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Pedagogy and Educational Practice, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: lukash.serg@yandex.ru

Матвеев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Отечественной истории XX–XXI вв. (базовой кафедры ЮНЦ РАН) Института истории и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (г. Ростов-на-Дону); e-mail: vm-k2013@yandex.ru

Matveev Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the 20–21st Centuries (SSC RAS Basic Department), the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don); e-mail: vm-k2013@yandex.ru

Махина Наталья Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой дошкольного образования АНОО ВО «Воронежский институт экономики и права» (г. Воронеж); e-mail: maxina_nata@mail.ru

Mahina Natalia Sergeevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Preschool Education of the Voronezh Institute of Economics and Law (Voronezh); e-mail: maxina_nata@mail.ru

Паленый Андрей Владимирович – преподаватель ФГКВБОУ ВО «Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени героя Советского Союза А.К. Серова» (г. Краснодар); e-mail: dr.paleniy@yandex.ru

Palenyi Andrey Vladimirovich – Lecturer, Krasnodar Military Aviation School for Pilots Named After Hero of the Soviet Union A.K. Serov (Krasnodar); e-mail: dr.paleniy@yandex.ru

Папонов Сергей Викторович – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: raponov@bk.ru

Raponov Sergey Viktorovich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: raponov@bk.ru

Парамонова Анастасия Александровна – исследователь, исторический факультет ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (г. Москва); e-mail: asy-kasimova@yandex.ru

Paramonova Anastasiia Aleksandrovna – researcher, specialist in History, Lomonosov Moscow State University (Moscow); e-mail: asy-kasimova@yandex.ru

Пчелина Ольга Викторовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных наук и технологий ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола); e-mail: pchelinaov@volgatech.net

Pchelina Olga Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Technologies of the Volga State Technological University (Yoshkar-Ola); e-mail: pchelinaov@volgatech.net

Теняков Андрей Витальевич – аспирант ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: an11298@yandex.ru

Tenyakov Andrey Vitalievich – post-graduate student, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: an11298@yandex.ru

Терентьев Андрей Григорьевич – доцент кафедры графического моделирования Казанского государственного архитектурно-строительного университета (г. Казань); e-mail: terentyev_ag@mail.ru

Terentiev Andrey Grigorievich – Associate Professor of the Department of Graphic Modeling, Kazan State University of Architecture and Civil Engineering (Kazan); e-mail: terentyev_ag@mail.ru

Хаблиева Светлана Руслановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогического образования ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» (г. Владикавказ); e-mail: svetlanahablieva@yandex.ru

Khablieva Svetlana Ruslanovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogical Education, North Ossetian State University Named After Kosta Levanovich Khetagurov (Vladikavkaz); e-mail: svetlana-hablieva@yandex.ru

Холодова Светлана Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры математики, физики и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: taravna@mail.ru

Kholodova Svetlana Nikolaevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Mathematics, Physics and Methods of Teaching Them, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: taravna@mail.ru

Храмова Маргарита Вениаминовна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Москва); e-mail: ishapovalov1969@mail.ru

Khramova Margarita Veniaminovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow); e-mail: ishapovalov1969@mail.ru

Шайхутдинов Тагир Флоресович – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры графического моделирования Казанского государственного архитектурно-строительного университета (г. Казань); e-mail: tagirka18@mail.ru

Shaikhutdinov Tagir Floresovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Graphic Modeling, Kazan State University of Architecture and Civil Engineering (Kazan); e-mail: tagirka18@mail.ru

Шаповалов Игорь Васильевич – магистрант ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» (г. Москва); e-mail: ishapovalov1969@mail.ru

Shapovalov Igor Vasilyevich – master's student, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Moscow); e-mail: ishapovalov1969@mail.ru

Шнайдер Владимир Геннадьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: schneiderwg@mail.ru

Schneider Vladimir Gennadievich – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and National History, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: schneiderwg@mail.ru

Эпоева Кнарлик Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир); e-mail: knaraarm@mail.ru

Epoeva Knarik Vladimirovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory, History of Pedagogy and Educational Practice, Armavir State Pedagogical University (Armavir); e-mail: knaraarm@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО
для авторов журнала
«ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Уважаемые коллеги!

Редакция журнала принимает к рассмотрению ранее не опубликованные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы. Периодичность: выходит 4 раза в год. Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=69302). **С 22.10.2021 года журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Электронная версия журнала рассылается в течение **30 дней** после окончательной даты приема материалов.

Срок приема статей – до 1 августа 2023 года.

Дата выхода журнала – сентябрь 2023 года.

Основные рубрики журнала:

Научные специальности*	Отрасли науки, по которым присуждаются ученые степени*
5.6.1. Отечественная история	Исторические науки
5.7.7. Социальная и политическая философия	Философские науки
5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования	Педагогические науки
5.8.7. Методология и технология профессионального образования	Педагогические науки

Как опубликовать статью

1. Отправьте статью и сведения об авторе. Статьи принимаются только по электронной почте.

2. Для публикации материалов журнала необходимо в адрес редакции журнала vagpu@mail.ru направить:

- текст статьи (Приложение 1);

- заявку на опубликование статьи и информацию об авторах (Приложение 2). **В случае соавторства каждый автор заполняет заявку отдельно!**

Внимание! Расчет стоимости публикации и оплата производятся только после приема материалов редколлегией.

Расценки за услуги по публикации статей и доставке журналов:

Публикация 1 страницы текста (при подсчете количество страниц округляется в большую сторону до целого числа) составляет **550 рублей.**

Правила оформления статьи

Объем до 16 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, 14 кегль, через 1,5 интервала). Ширина всех полей – 20 мм. Выравнивание текста – по ширине. Расстановка переносов автоматическая. Файл обязательно предоставляется с расширением **doc*.

1) Шифр специальности в соответствии с номенклатурой ВАК.

2) УДК (Универсальная десятичная классификация). УДК оформляется в соответствии с информационно-справочной системой <http://www.naukapro.ru/metod.htm>.

3) Заглавие статьи на русском языке.

4) Фамилии и инициалы автора(ов) на русском языке.

5) Ключевые слова объемом не более 7–10 слов.

6) Аннотация на русском языке. Аннотация должна быть информативной, оригинальной, содержательной, структурированной, компактной (укладываться в объем от 100 до 250 слов).

7) Пункты 3–6 на английском языке.

(Обращаем Ваше внимание, что программный перевод не всегда корректно переводит отдельные предложения, в связи с этим редакция журнала настоятельно рекомендует обращаться к специалисту).

8) Текст статьи (**не менее 8 страниц без списка литературы**).

9) **Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100–2018, и на английском языке, оформленный в соответствии с нижеуказанными правилами (в том числе не менее 2 иностранных источников на иностранном языке).**

Библиографические ссылки на *пристатейный список литературы* должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц. Например: [1, с. 15].

Пристатейный список литературы должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.100–2018 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется *в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией*. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

1. Zagurenko A. G., Korotovskikh V. A., Kolesnikov A. A., Timonov A. V., Kardymon D. V. Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing. *Neftyanoe khozyaistvo = Oil Industry*, 2008, no. 11, pp. 54–57. (In Russian).

2. Lindorf L. S., Mamikonians L. G., eds. *Ekspluatatsiia turbogeneratorov s neposredstvennym okhlazhdeniem* [Operation of turbine generators with direct cooling]. Moscow, Energiia Publ., 1972. 352 p.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://translit-online.ru/>.

9) Сведения об авторах заполняются на русском и английском языке в соответствии с Приложением 2.

Шифр специальности: 5.7.7.

УДК 343.9.01

АНАТОЛИЙ КОНИ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЯХ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

И.И. Иванов¹, П.П. Петров²

¹ Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Российская Федерация

² Армавирский лингвистический социальный институт,
г. Армавир, Российская Федерация

Аннотация. Дипломная работа студента юридического факультета Московского университета А.Ф. Кони «О праве необходимой обороны» была написана в 1865 г. Исследование А.Ф. Кони считается одним из первых историко-правовых и догматических изложений учения о праве необходимой обороны в русской юриспруденции. В нем он остановился на проблемах теории права необходимой обороны; дал критический анализ имеющихся трудов по этому вопросу; проанализировал различные аспекты действующего законодательства по проблеме необходимой обороны. До сих пор данная работа представляет научный интерес в изучении такого важного понятия уголовного права, как институт необходимой обороны. В статье раскрываются некоторые взгляды выдающегося юриста на общие правовые основания необходимой обороны.

Ключевые слова: право человека на необходимую оборону, условия права необходимой обороны, границы необходимой обороны, превышение ее пределов.

ANATOLY KONI ON THE LEGAL FOUNDATIONS OF NECESSARY DEFENCE

Ivan I. Ivanov¹, Petr P. Petrov²

¹ Armavir State Pedagogical University, Armavir, The Russian Federation

² Armavir Lingvistic Social Institute, Armavir, The Russian Federation

Abstract. The earliest work of A.F. Koni "On the right of self-defense" was written for a candidate degree at the Faculty of Moscow University in 1865, A.F. Koni's research is one of the first historical and legal expositions of the doctrine on the right of self-defense in Russian law. In it he focused on the problems of self-defense theory of law; gave a critical analysis of previous works on the subject; analyzed the various aspects of the current legislation on the issue

of self-defence. Therefore, the work of graduate student A.F. Kony is still an interesting scientific study that represents such important concepts of criminal law as an institution of self-defense. The paper describes some of the views of the outstanding jurist to the general legal basis of self-defense.

Keywords: *human right to self-defence, self-defense right conditions, the boundaries of self-defence, exceed the limit on self-defence.*

ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст [1, с. 16], Текст [2, с. 16], Текст [3, с. 16].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тенишев, В. В. Правосудие в русском крестьянском быту / В. В. Тенишев. – Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907. – 192 с. – Текст : непосредственный.
2. Карцев, Е. Наше сельское правосудие / Е. Карцев. – Текст : непосредственный // Вестник Европы. – 1882. – № 2. – С. 755–774.
3. Фрэнк, С. Народная юстиция, община и культура русского крестьянства. 1870–1900 / С. Фрэнк. – URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html (дата обращения: 15.01.2023). – Текст : электронный.
4. Benson B. L. Customary Law / B. L. Benson // Encyclopedia of Law and Economics. – 2014. – June 21. – P. 1–10.

REFERENCES

1. Tenishev V. V. *Pravosudie v russkom krest'yanskom bytu* [Justice in Russian Peasants' Lives]. Bryansk, L.I. Itin i Ko Publ., 1907. 192 p. (In Russian).
2. Kartsev E. Our peasants' justice. *Vestnik Evropy = European Bulletin*, 1882, no. 2, pp. 755–774. (In Russian).
3. Frenk S. *Narodnaya yustitsiya, obshchina i kul'tura russkogo krest'yanstva. 1870–1900* [People's justice, community and culture of Russian peasants. 1870–1900]. URL: http://www.ec-dejavu.net/m/Mob_murder.html. (In Russian).
4. Benson B. L. Customary Law. *Encyclopedia of Law and Economics*, 2014, June 21, pp. 1–10.

ЗАЯВКА НА ОПУБЛИКОВАНИЕ СТАТЬИ

Я, _____

Иванов Иван Иванович – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирского государственного педагогического университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: ivanov@inbox.ru, тел.: 8-900-123-45-67,

Ivanov Ivan Ivanovich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical University, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: ivanov@inbox.ru, tel.: 8-900-123-45-67,

сообщаю, что представленная статья не публиковалась ранее в других изданиях в ее нынешней или близкой по содержанию форме и не находится на рассмотрении в редакциях других изданий. Все возможные конфликты интересов, связанные с авторскими правами и опубликованием рассматриваемых статей, урегулированы.

Публикация статьи не нарушает ни одно из существующих авторских прав и гарантирует издателю возмещение убытков в случае выявления подобных нарушений. Для распространения материалов издателю передается исключительное право собственности на рукопись, если не предусмотрено иное.

Предоставляю издателю неисключительное право на:

- редактирование статьи, не изменяющее ее принципиальных положений;
- использование произведения через продажу журнала и распространение его по подписке;
- размещение полнотекстовой версии произведения в открытом доступе на сайте журнала, Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в иных базах данных научной информации, электронно-библиотечных системах, научных информационных ресурсах в сети Интернет;
- использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора (правообладателя), аннотация, библиографические материалы и пр.) с целью их включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации в других базах цитирования.

Предоставляю Издательству свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т. п. Издатель имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

Настоящим гарантирую Издательству, что я являюсь автором произведения и что на момент направления настоящей статьи в Издательство все интеллектуальные права на произведение принадлежат мне, не находятся в залоге, не состоят под арестом и не обременены правами третьих лиц каким-либо иным образом.

Настоящим даю свое согласие на внесение в Произведение, по усмотрению Издательства, изменений, сокращений, дополнений, на снабжение Произведения при его использовании иллюстрациями, предисловием, послесловием, комментариями или какими бы то ни было пояснениями, при условии, что такие изменения, сокращения, дополнения, иллюстрации, предисловия, послесловия, пояснения и / или комментарии не извращают и не искажают смысл Произведения или какой-либо его части.

Печатный вариант журнала прошу выслать по адресу: **352900, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Розы Люксембург, 174, кв. 78.**

Я гарантирую, что в представленной мною статье «_____» (название статьи) отсутствуют нарушения публикационной этики журнала.

Оплату публикационного взноса гарантирую. С условиями публикации согласен(а).

Автор: _____
(подпись) (фамилия и инициалы)

« » _____ 20__ г.

Научное издание

ВЕСТНИК АРМАВИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 2 2023

Журнал входит в перечень ВАК

Редакционно-издательский отдел
Начальник отдела: А.О. Белоусова
Компьютерная вёрстка: Л.В. Зданевич
Печать и послепечатная обработка: С.В. Татаренко

Дата выхода в свет: 25.08.2023. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 23,95. Уч.-изд. л. 13,83. Тираж 300 экз.
Заказ № 27/23. *Цена свободная.*

Отпечатано в Редакционно-издательском отделе
ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес: 352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Издатель: ФГБОУ ВО «Армави́рский государственный педагогический университет»
Адрес издателя:
352900, г. Армавир, ул. Ефремова, 35
☎ 8(86137)32739, e-mail: rits_agpu@mail.ru, сайт: rits.agpu.net

Адрес редакции: 352901, г. Армавир, ул. Р. Люксембург, 159, ауд. 4